

Теория и практика КОММУНИКАЦИИ

Материалы II Международной научно-практической конференции
«Теория и практика коммуникации», 21-22 февраля 2024 года,
Приднестровский государственный университет им.Т.Г.Шевченко

Тирасполь
2024

Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко

Филологический факультет

Кафедра русского языка и межкультурной коммуникации

Теория и практика коммуникации

Материалы

II Международной научно-практической конференции

21–22 февраля 2024 года

Тирасполь

*Издательство
Приднестровского
Университета*

2024

УДК 80/81(082): 37.02

ББК 60.524.224

Т 33

Ответственный редактор

Е.Г. Луговская, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, канд. филол. наук, доцент

Теория и практика коммуникации: материалы II Международной научно-практической конференции, Тирасполь, 21–22 февраля 2024 г. : в 2 томах [Электронный ресурс] / ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко»; Филологический факультет; ответственный редактор Е.Г. Луговская. – Т. 1. – Тирасполь : Изд-во Приднестр. ун-та, 2024 . – 197 с.

Системные требования : CPU (Intel/AMD) 1,5 ГГц / ОЗУ 2 Гб / HDD 450 Мб / 1024*768 / Windows 7 и старше / Internet Explorer 11 / Adobe Acrobat Reader 6 и старше.

Представлены научные и методические материалы по та-ким исследовательским направлениям как теория и практика анализа текста в аксиологической аспекти, функционирование языка в сфере массовой коммуникации с точки зрения динамики языкового развития, в частности вопросы медиалингвистики, проблемы транскulturации и ее роли в формирования языковой личности (би-, поли-, транслингвизм), актуальные вопросы лингвосинергетики и лингводидактические аспекты соизучения языка и культуры.

Предназначен для филологов, журналистов, лингвистов, преподавателей-методистов, литературоведов, культурологов, психологов и широкого круга читателей, интересующихся вопросами филологии, журналистики и лингвистики.

УДК 80/81(082): 37.02

ББК 60.524.224

Рекомендовано Научно-координационным советом ПГУ им. Т. Г. Шевченко

© ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2024

Том I

Теория и практика коммуникации

Материалы

II Международной научно-практической конференции

21–22 февраля 2024 года

*Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко*

Тирасполь

Содержание

Предисловие	6
Слово редактора.....	7
Abstract.....	9
Akishina A.A., Tryapelnikov A.V. A SONG IN A CYBERTEXT AS EDUCATIONAL TEXT: FEATURES, ADVANTAGES, TYPES OF WORK WITH.....	9
Boldova T. ON THE MODERN HUMANITIES KNOWLEDGE PARADIGM OF THE NETWORK HYPERTEXT AREA	10
Im S.B. EVOLUTION OF TURKIC LOANWORDS CHANGES IN THE RUSSIAN LEXICAL-SEMANTIC SYSTEM.....	11
Pogorelaya E.A. TEXT ANALYSIS SYNERGIC APPROACH	12
Tokarev G.V. THE LINGUISTIC AND CULTURAL POTENTIAL OF RUSSIAN MARRIAGE AND FAMILY-RELATED BELIEFS.....	13
Yakovlev M.V. TEXTS AND PODCASTS OF PHILOSOPHICAL JOURNALISM AS A MEANS OF FORMING SPIRITUAL VALUES.....	14
Bekoeva Irina D. SPECIFICS OF TRANSLINGUAL MEDIA INTERPRETING	15
Bozhkova G.N., Gataullina A.N. GESTURAL AND MIME PORTRAITS IN “BLUE FAIRY TALES” MAIN CHARACTERS (ON L. CHARSKAYA’S PLOT-FORMING TALES).....	16
Gurski G.B. BIFURCATION ZONE IN THE LITERARY TEXT SYNERGETICS IN THE MOLDAVIAN PRIDNESTROVIAN POETESS NELLY NASTAS POETRY WRITING.....	17
Nedostupova L.V. THE SPEECH PORTRAIT FEATURES OF THE RAMONSKY DISTRICT DWELLER (VORONEZH REGION).....	18
Polezhaeva S.S. VERBAL AND VISUAL TEXT: THE LINGUOSYNERGETIC ASPECT OF M.F. LARIONOV’S ARTWORKS RESEARCH.....	19
Puzov N.A. THE WORD ‘RAIN’ IN LINGUISTIC AND CULTURAL RESEARCH.....	20
Samsonova E.A. SOCIAL NETWORK DISCOURSE AND SOCIAL NETWORK WORLDVIEW AS A RHIZOME-TYPE STRUCTURE.....	21

<i>Tryapelnikov A.V., Yakhnenko V.V. RUSSIAN AS A NATIVE LANGUAGE: THE ENERGY OF LINGUISTIC UNITS AND SYNERGISTIC ANALYSIS.....</i>	22
<i>Tumanova Olga S. TEACHING ACADEMIC WRITING IN HIGH SCHOOL AS A WAY TO GROW GIFTED STUDENTS.....</i>	23
<i>Chumakov A.N. SOCIOMORPHIC METAPHOR IN RUSSIAN APHORISM... </i>	24
<i>Szetela Victor ON THE ORIGIN OF THE WORD KLETSKI IN RUSSIAN. </i>	25
<i>Proceedings</i>	26
<i>Акишина А.А., Тряпельников А.В. ПЕСНЯ В КИБЕРТЕКСТОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ УЧЕБНОГО ТЕКСТА: ОСОБЕННОСТИ, ПРЕИМУЩЕСТВА, ВИДЫ РАБОТЫ.....</i>	26
<i>Болдова Т.А. К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В ГИПЕРТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕТИ.....</i>	42
<i>Им С.Б. ЭВОЛЮЦИЯ ТЮРКИЗМОВ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА.....</i>	49
<i>Погорелая Е.А. СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА.....</i>	59
<i>Токарев Г.В. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ ПРИМЕТ, СВЯЗАННЫХ С БРАКОМ И СЕМЬЁЙ.....</i>	67
<i>Яковлев М.В. ТЕКСТЫ И ПОДКАСТЫ ФИЛОСОФСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ.....</i>	72
<i>Бекоева И.Д. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ.....</i>	77
<i>Божкова Г.Н., Гатауллина А.Н. ВИДЫ ЖЕСТОВО-МИМИЧЕСКОГих ПОРТРЕТОВ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИХ СКАЗОК СБОРНИКА Л. ЧАРСКОЙ «СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ».....</i>	84
<i>Гурски Г.Б. ЗОНА БИФУРКАЦИИ В СИНЕРГЕТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА Н. НАСТАС, МОЛДАВСКОЙ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ ПОЭТЕССЫ.....</i>	92
<i>Недоступова Л.В. ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТА РЕЧИ ЖИТЕЛЬНИЦЫ РАМОНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ.....</i>	99
<i>Полежаева С.С. ТЕКСТ ВЕРБАЛЬНЫЙ И ВИЗУАЛЬНЫЙ: ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА М.Ф. ЛАРИОНОВА.....</i>	108

Пузов Н.А. СЛОВО «ДОЖДЬ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	131
Самсонова Е.А. СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЙ ДИСКУРС И СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВАЯ КАРТИНА МИРА КАК СТРУКТУРЫ РИЗОМНОГО ТИПА... 145	145
Тряпельников А.В., Яхненко В.В. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК РОДНОЙ (РКР): ЭНЕРГЕЙЯ И СИНЕРГЕЙНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ.....	156
Туманова О.С. ПРЕПОДАВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА В СТАРШИХ КЛАССАХ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ОДАРЁННОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ.....	167
Чумаков А.Н. СОЦИОМОРФНАЯ МЕТАФОРИКА В РУССКОЙ АФОРИСТИКЕ.....	173
Шетэля В. ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА КЛЕЦКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	182
Авторы	

Предисловие

21-22 февраля 2023 года в Приднестровском государственном университете им. Т. Г. Шевченко состоялась II Международная научно-практическая конференция «Теория и практика коммуникации».

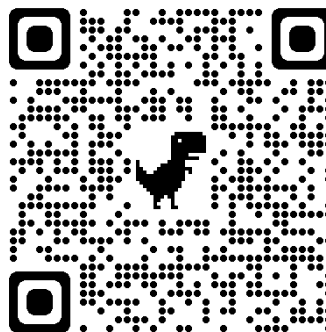
Организатором конференции выступила кафедра русского языка и межкультурной коммуникации филологического факультета Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, которая ежегодно ко Дню родного языка приурочивает проведение научно-практических и методических мероприятий.

Для подготовки выступлений и апробации научных результатов исследований были предложены следующие направления:

- ✿ Текст как аксиологическое понятие в гуманитарных науках: теория и практика
- ✿ Функционирование языка в сфере массовой коммуникации как отражение динамики языкового развития (медиалингвистика)
- ✿ Транскультурация как современная модель формирования языковой личности (би-, поли-, транслингвизм)
- ✿ Синергетический анализ языка как динамичной коммуникативной системы (Открытые саморазвивающиеся системы как предмет постнеклассической науки (лингвосинергетика)
- ✿ Соизучение языка и культуры как условие развития коммуникативной компетентности (лингводидактический аспект)

Статьи, представленные участниками конференции собраны в два тома настоящего издания. Первый том включает в себя материалы участников пленарных сессий II Международной конференции «Теория и практика коммуникации», второй том составлен из статей участников секционных заседаний, материалы методического характера организованы в методическом приложении как отдельном разделе сборника. Оба тома организованы по алфавитному принципу, содержат отдельные разделы со сведениями об авторах.

Материалы онлайн-заседаний конференции можно найти на канале [@conference_lingualism_lu](https://www.instagram.com/conference_lingualism_lu)

Слово редактора

Сборники материалов конференций, как правило, весьма традиционны по структуре и консервативны по представлению – этот вид научного издания как сложная совокупность разнопредметных высказываний, лишь в небольшой степени отмеченных идиостилевым своеобразием составляющих его фрагментов, специфичен тем, что объединяет точки зрения, разные по форме и содержанию, способу подачи и доказательства в рамках освещения одной или нескольких тем.

Так же формировался и этот сборник: участникам конференции было предложено пять тематических направлений, в рамках которых авторы были вольны представить результаты своих научных изысканий, различающихся объемом исследованного материала и уровнем конкретности выводов, глобальностью целей и степенью актуальности проблематики, определенностью перспектив изучения поставленных вопросов и новизной подходов к их рассмотрению. Другими словами, ожидать стройного, симфонического звучания простой совокупности очень разных авторских голосов было бы, по крайней мере, самонадеянно. Но что-то происходит в мире, и происходит именно сегодня, сейчас, с нами - невозможность решать научные задачи без учета субъективных проявлений бытия ученого объединяет всех нас – исследователей и практиков – в едином стратегическом целеполагании объективно-истинного объяснения и описания мира. Каждый из нас, в той или иной мере, уже готов позволить вне-рациональному вторгнуться в рациональное ради постижения истины. Именно об этом – на глубинном символическом уровне – наш сборник.

Вчитываясь (как и положено ответственному редактору) в присланные для публикации тексты, переходя от одного материала к другому, я вдруг поймала себя на мысли, что сборник сложился в цельный, многомерно организованный текст, и, в определенной степени, мог бы претендовать на статус коллективной монографии, настолько высока степень когерентности полиавторского текста. И дело не только в терминологической переключке или сопоставимости затрагиваемых проблем – тексты сборника, в какой бы последовательности к ним не обратился читатель, откликаются друг на друга и именно так открываются ему.

Цельность этого научного труда обеспечена особой модальностью, которая не может быть определена, как только аксиологическая, или эпистемическая, или любая другая, это особая модальность в модальности, маркирующая появление бесконечного числа новых онто-логико-гносеологических измерений трансдисциплинарности.

Надеюсь, мне простится подобная литературная вольность в представлении научного издания, и вдумчивый читатель, так же, как и я, увидит настоящий сборник как комплексный многоуровневый текст и услышит научный диалог, который ведут уже не авторы статей, но сами тексты и их фрагменты – обсуждают, предлагают, прогнозируют, спорят и соглашаются.

От лица организаторов конференции выражаю глубокую признательность участникам сборника и всем принявшим участие во II Международной научно-практической конференции «Теория и практика коммуникации».

Ответственный редактор,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации,
кандидат филологических наук
Е. Г. Луговская

Abstract

¹*Akishina A.A.*, ²*Tryapelnikov A.V.*

A SONG IN A CYBERTEXT AS EDUCATIONAL TEXT: FEATURES, ADVANTAGES, TYPES OF WORK WITH

¹*Academy of Labor and Social Relations*
²*Peoples' Friendship University of Russia*
Moscow, Russia

The article describes a multimedia educational textbook on the Russian language and culture, "The World of the Russian Language, Culture, and History of Russia in Songs of the Twenty-Century," from the series "Russian Language in Songs of Russia" in this article. The authors create the textbooks, post them on the Internet, and intend them for foreigners with different levels of Russian language proficiency, for Russian-speaking children abroad, for bilingual children engaged in the Russian language, history, and culture, as well as for anyone interested in Russian song culture and the twenty-century history of Russia. The textbooks are attractive for teachers and students, as they contain not only the text of a song but also complete information about song creation, its authors and performers, and historical events while creating the song. The Russian speech training in a multimedia application allows students to work with the lyrics and melody.

Song, music, multimedia textbook, cybertext, Russian language & Russian culture, Russian history, Russian language for foreigners

Boldova T.

**ON THE MODERN HUMANITIES KNOWLEDGE PARADIGM
OF THE NETWORK HYPERTEXT AREA**

***Bauman Moscow State Technical University N.E. Bauman
Moscow, Russia***

The issue discovers the network texts as a type of network communication. The purpose is to determine the overall effectiveness of interaction and the materialised components of such interaction on network contextual support for the information. At the same time, the synthesis of theories and approaches creates the possibility for new and potentially stable network communication. The need to use real-reality communication in mobile virtual reality corresponds to the stated objectives of the study since its use is authentic and can be applied to other communication contexts. The methodological approach when working online is to interact with online components. In this approach, learning is a system of perception and adequate understanding of various texts enclosed in a specific technological framework, where there are messages (replicas of participants) as a dynamic element of dialogue on different topics from leading experts on the subject studied. The network as a medium of communication and education plays a role in transforming perceived images into speech, reflecting the subject and phenomenon. Technologies such as text chats refer to the specific dynamics and availability of synchronous forms of communication. A set of skills and abilities is required as a template set by the teacher on the one hand and the creative approach of students on the other, as well as flexibility in an integrative learning environment as a specificity of didactic work in virtual environments.

Interdisciplinarity, scientific, computer and humanities technologies, hypertexts, electronic reality, Internet communication

Im S.B.

EVOLUTION OF TURKIC LOANWORDS CHANGES IN THE RUSSIAN LEXICAL-SEMANTIC SYSTEM

***Uzbek State World Languages University
Tashkent, Uzbekistan***

The subject of the study is borrowings from Turkic languages. Currently, linguists focus on the problems of the relationship between language and culture, their interrelationships, and complementary roles. Language acts not only as a means of communication but is also a carrier of cultural knowledge, customs, ideas, and values. The research aims to study the lexical and semantic changes that occurred in Turkic loanwords during the process of adaptation to the Russian language. A synchronous-descriptive method was used, including observation, comparison, juxtaposition, universalization, interpretation, and comparison. Turkic loanwords, entering the vocabulary of the Russian language, underwent phonetic and morphological adaptation. Of particular interest are lexical-semantic transformations. They are characteristic features of the transformation of Turkic words during their entry and assimilation into the lexical-semantic system of the Russian language. The study showed that Turkic loanwords in the Russian language, initially represented mainly by the everyday lexicon, begin to undergo changes that contribute to going beyond the original sphere of functioning. It is a movement into the terminology area. Turkic loanwords acquire figurative meanings and penetrate various terminological systems and into the sphere of abstract concepts and ideas. The other languages' integration into Russian contributes to the development and evolution of the language and its ability to adapt to and perceive the language and cultural influence. As a result of the description, the author reveals that the borrowings integration to Russian from other languages, namely Turkic loanwords, contributes to the development and evolution of the language.

Original Russian vocabulary, borrowing, Western European loanwords, Turkic loanwords, adaptation

Theory and Practice of Communication / Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko, Tiraspol, February 21-22, 2024, Volume 1.

Pogorelaya E.A.

TEXT ANALYSIS SYNERGIC APPROACH

***Pridnestrovian State University “T.G. Shevchenko”
Tiraspol, Pridnestrovie***

The methodological platform of linguosynergetics involves considering language as an open, dynamic, nonlinear self-organizing megasystem, the subsystems and elements of which are coherently linked and controlled by order parameters. The nonlinear model of text reading not only increases the semantic depth of the text but includes it in the context of a technologically updated information and communication space. The author aims to identify contexts that arise during the operation of the bifurcation mechanism that influence a new interpretation of the semantic space of the text. Text is the most significant component of the language megasystem; therefore, in this article, a synergetic approach is proposed to the analysis of the semantic space of the text, which allows us to reveal the deep mechanisms of the dynamics of interaction between the consciousness of author and reader, as well as the interdiscursive energies of the semiosphere. The dual nature of the text is considered in the article as the basis for expanding the range of interpretations of the text as a polysemantic phenomenon of the modern information and communication context. The article emphasises that the existence of the text in the traditional pragma stylistic and synergetic paradigms creates a different perspective on the creativity of the interaction between the author and the reader, which increases or reduces the set of possibilities for interpreting the semantic space of the text. The fusion of energetic principles in the text makes it a bifurcation zone, open to many interpretations. The prospect of further effective research into the boundaries of the semantic space of a text is possible, subject to taking into account not only its linguistically significant characteristics but also the most appreciable parameters of the theory of the modern interdisciplinary synergetic paradigm.

Transdisciplinary methodology, synergetic paradigm, spatial meaning, self-organization of meaning, bifurcation zone, coherent behaviour

Tokarev G.V.

**THE LINGUISTIC AND CULTURAL POTENTIAL OF RUSSIAN
MARRIAGE AND FAMILY-RELATED BELIEFS**

***Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy,
Tula, Russia***

The article is devoted to the issue of studying the symbolarium of cultural texts, which is relevant for linguoculturology. The author regards beliefs associated with family and marriage through linguistic and cultural interpretations. In the study, the author reconstructs the representations, norms, and prohibitions objectified by these beliefs and considers the reasons for cultural beliefs. The author revealed that the beliefs reflect ideas about the power of predictive unity of future spouses, about the accompanying evil spirits of the newlyweds, and about the time of the wedding ceremony. Omens objectify rituals, norms and prohibitions. Prohibitions objectified by omens reflect the sacred aspects of Russian life. Omens embody significant phenomena for the Russian people, interpreted both positively and negatively. Amulets are reflected in many signs. Omens can reflect rituals, norms, and prohibitions. The rituals embody the traditions of the Russian wedding. Verbalized rituals are protective: the husband must carry the bride across the bridge (over seven bridges) and over the threshold of his own home. A bridge and a threshold are symbols of the border between own and someone else space, some sacred places in which evil forces converge. The husband must help her overcome this obstacle to prevent their influence on the bride. After the wedding, the bride must distribute change, which promises family life prosperity. Several rituals holding on to the bride's dress, fasting on Fridays, tying two aspen trees with a belt, and giving a girl a towel for Easter, with which she wiped herself on Holy Thursday – act as practices that predict future marriage. Thus, omens represent a unique cultural text that reflects the most significant elements of cultural symbolism: rituals, norms, prohibitions, and amulets. The omens reflect the superstitions of the Russian people, the desire to prevent accidents, and the importance of marriage and family life.

***Family, marriage, omen, language, culture, thesaurus of culture,
symbolarium of culture***

Theory and Practice of Communication / Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko, Tiraspol, February 21-22, 2024, Volume 1.

Yakovlev M.V.

TEXTS AND PODCASTS OF PHILOSOPHICAL JOURNALISM AS A MEANS OF FORMING SPIRITUAL VALUES

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Recently, the public has been growing in demand for educational materials, and the role of new media has expanded. Therefore, the importance of texts and podcasts in spiritual values formation is increasing. Based on conducted by the author an expert survey of the texts and podcasts in Russian new media with a philosophical orientation, the features of texts and podcasts as means of forming spiritual values are, namely, the focus on informing the audience about the basics of teachings and the concepts of leading intellectuals, the creation, mainly, video and text genre forms (video podcasts and articles), pronounced self-censorship, and dominance of specialists in the philosophy area. According to the respondents, the leading role in the development of Russian philosophical new media today is played by specialists in philosophy. At the same time, there are significant prospects for the interaction of authors of different professions in the development of philosophical new media in Russia. The following features of texts and podcasts as a means of forming spiritual values are singled out, scilicet, the focus on informing the audience about the basics of teachings and the concepts of leading intellectuals, and the creation, mainly, of video and text genre forms (video podcasts and articles), pronounced self-censorship, and the dominance of specialists in the philosophy field. Philosophical journalism is strengthening its position in the digital media space, and the number of new philosophical media and their subscribers is growing. The attractiveness of texts and podcasts of philosophical journalism lies in the fact that they contribute to reducing anxiety and anxiety in society, allow the public to learn more accurately and thoroughly about the causes of problems and possible solutions, introduce the achievements of social sciences and humanities and the ideas of primer intellectuals, draw the attention of the mass audience to the essence of life and its values, in other words, contribute to the integration, adaptation and education of citizens.

Quality journalism, new media, podcast, educational function of media, journalistic text, philosophical journalism

Theory and Practice of Communication / Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko, Tiraspol, February 21-22, 2024, Volume 1.

Bekoeva Irina D.

SPECIFICS OF TRANSLINGUAL MEDIA INTERPRETING

***South Ossetia State University
Tskhinval, the Republic of South Ossetia-State of Alania***

The article raises the interpreting problem of translingual media texts containing representations of ethnically marked geortonyms. The author represents the subject of the study by code-switching from one language system to the other. The study explores interpreting correspondence formation in texts containing representations of ethnically specific geortonyms, which are names of holidays and holiday dates and include a rather large group of onyms vocabulary, marked by a subdivision into the names of secular, national, and religious holidays. The linguistic situation in the Republic of South Ossetia is characterized by general Ossetian-Russian bilingualism, mainly of the coordinate type. The study confirms the necessity of interpreting translingual media texts containing onymic vocabulary in English. The texts are from materials presented on the websites of news agencies of South Ossetia. The choice of media texts as empirical material is because, for decades now, the focus of socio-political activity has shifted towards electronic media, in which the bi- and translingual features of South Ossetian socio-political communication are manifested via regular code-switching from one language to the other. The article includes a brief theoretical overview of the most significant concepts: bilingualism, translingual media text, and multilingualism.

Bilingualism, translingualism, media text, translation strategy, geortonyms

Bozhkova G.N., Gataullina A.N.

**GESTURAL AND MIME PORTRAITS
IN “BLUE FAIRY TALES” MAIN CHARACTERS
(ON L. CHARSKAYA’S PLOT-FORMING TALES)**

***Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
Yelabuga Republic of Tatarstan, Russia***

The spiritual and moral guidelines of the represented world of fairy tales by the understudied author L.Charskaya make the work relevant. The ideological and thematic outline of the texts becomes a visitation for compassion, friendship, forgiveness and spiritual evolution. The article studies the types of gestural and mime portraits based on the material of the collection “Tales of the Blue Fairy” by L. Charskaya. The intended goal implementation contributed to the formulation of the following tasks: to study the specificity of the main characters of L. Charskaya’s fairy tales and outline the role of the gestural and mime portrait in the movement of the fairy tales. We mainly relied on the text analysis method studying academic literature and the stylistic features of L. Charskaya's works. The literary texts were examined on content analysis, considering the specific features of portrait descriptions of fairy-tale characters in the plot-forming tale. The units and categories of analysis determined detailed analysis of the portraits of L. Charskaya's fairy tales' characters. The results were on the goals and theoretical context of the study, and we made engaging observations: the communicative and symptomatic gestures and facial expressions of the main characters of folklore genres become dominant. The analyzed fairy tales “Ice Princess”, “Magic Obi”, “Wonderful Star”, and “Sorcerer-Hunger”, which became the key elements of the plot outline of the collection “Tales of the Blue Fairy”, confirm that a consequential feature of L. Charskaya's idiostyle is a gestural portrait that enriches the psychological impact on the young reader.

Fairy tale, portrait, communicative gestures and facial expressions, symptomatic gestures and facial expressions, main character, image

Gurski G.B.

**BIFURCATION ZONE IN THE LITERARY TEXT SYNERGETICS
IN THE MOLDAVIAN PRIDNESTROVIAN POETESS NELLY
NASTAS POETRY WRITING**

***Pridnestrovian State University "T.G. Shevchenko"
Tiraspol, Pridnestrovia***

The study aims to activate the interdiscursive text through the zone of bifurcation in the synergetics of the Nelly Nastas literary text. The originality of the research appears in the discovery of the structure for Nelly Nastas' poem "Two voices, two sailing ships - and both are mine" from the recently published poetry collection "Lump of Memories" using one of the categories of synergetics - bifurcation. We demonstrate the existence of deep conscious energism (through the consciousness of the author and the reader) and their unconscious in methodological research and fragments of poem content. The reader is too accustomed to methodological theses of different textbooks or critical pamphlets, and he analyses literary work based on their connotation. A shot is at the energism of the author or the reader and separately on their energism, the unconscious, which will appear while interpreting a literary text. We demonstrate the fusion of different kinds of energism in poetic discourse and turn it into a bifurcation zone that creates an unstable structure open to various interpretations. The reflection of the mechanism of the birth of meanings in poetic discourse will lead to the idea that the text becomes a zone of bifurcation afterwards - the interactivation of the author's energy, the freedom of his thought and the freedom of consciousness, vision and perception of the reader's consciousness. The methodological practice of interpreting the poem is consequential, and the realization of poetic discourse from the synergetic point of view provides an opportunity to perceive the contemporary philological analysis as a research object of the meaning field of fluctuating artistic discourse.

Bifurcation zone, synergetics, discourse, unconscious energism, fusion

Theory and Practice of Communication / Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko, Tiraspol, February 21-22, 2024, Volume 1.

Nedostupova L.V.

THE SPEECH PORTRAIT FEATURES OF THE RAMONSKY DISTRICT DWELLER (VORONEZH REGION)

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

The paper examines the speech of a village dweller who lives in the north-west of the Voronezh region. The article is due to the interest in the linguistic personality in the levelling of vernacular situations. The research's originality is in describing the characteristics of the Berezovo village based on accounts and memories. The purpose is to reconstruct the speech features of the dialect speaker portrait of the Ramonsky district of the Voronezh region through its phonetic and grammatical properties. The materials for this research are the records of conversations with Maria Semyonovna Makarova as the fieldwork. The subject is the informant's speech portrait. The article's topic is to characterize the informant's dialect. The research identifies the following features: the failure to differentiate unstressed back vowel sounds (akanje and jakanje); i-pronunciation (pronunciation of unaccented Russian e and я as и - (ikanje); Russian [И] in place of Old Russian [Ѣ]; transition fail: [E] to [O], [O] to [A]; the appearance of a vowel/consonant in a word; [γ] fricative formation; replacements: [K] with Russian [X], [K'] with [T'], [Д] with [H], [Ф] with [XB], [Ч] with [III]. Hard consonants sometimes take the place of soft consonants; a voiced consonant is used in place of a voiceless consonant; permutation with inversion; simplification of consonants and/or individual vowels; lengthening the stem of a word through the appearance of consonants and/or vowels; pronunciation different from the standard language; destruction of the category of gender and many others. We conclude the respondent's speech has the qualities of the South Russian dialect that demonstrate particular stability. However, the literary language influences naturally.

Phonetic features, grammatical characteristics, speech portrait, dialect (vernacular)

Polezhaeva S.S.

**VERBAL AND VISUAL TEXT:
THE LINGUOSYNERGETIC ASPECT OF M.F. LARIONOV'S
ARTWORKS RESEARCH**

***Pridnestrovian State University "T.G. Shevchenko"
Tiraspol, Pridnestrovia***

The article describes the text as a communicative code for cultural and historical retransmission. We explore the text in the contemporary linguistic-synergetic direction. The text has a verbal and visual realization of information. The research subject is the linguistic and artistic personality of Mikhail Fedorovich Larionov, a Tiraspol city native. Purpose: to describe the features of the Tiraspol-city manifestation by the artist in his artworks and written texts (artistic and biographical discourse), as well as a townies' reception of this representation - the visualization of his ideas in contemporary urban space in the meaning of the visual culture educational potential. The research methods are analysis and synthesis, descriptive method, and method of cultural interpretation to identify the translation mechanisms of the value-semantic content of Larionov's cultural texts (verbal and visual) by the artist's contemporaries and descendants. Results: the Tiraspol -city reflection (the artist's hometown) in creative heritage highlights the peculiarities of the linguistic and Larionov artistic persona; the artist's creation in verbal and visual "formats" as cultural texts "from word to visual image" conclude that perception of hometown is identical both in lingual and artistic manifestation. The contemporary Tiraspol citizens reflect the artistic creativity of Larionov in the current style of "street art". There is a definite connection between the stylistics of mosaic panels reflecting the bygone Soviet era and Larionov's paintings embodied in the "sign-painting" style. Conclusions: Larionov's creative estate and the study of his role in current society, the influence on the modern culture, is of great educational significance. The visual culture's academic potential is one of the urgent problems for various modern metasciences.

Larionov, linguosynergetics, cultural text, reception, street art

Puzov N.A.

THE WORD "RAIN" IN LINGUISTIC AND CULTURAL RESEARCH

*Pridnestrovian State University "T.G. Shevchenko"
Tiraspol, Pridnestrovie*

Rain is a vital natural occurrence that holds immense value in our lives. The natural phenomenon called the word "rain" has a significant impact on the physical and psychological state of a person; the word "rain" is often used in literary works of Russian writers and poets; the problem of reflecting natural phenomena, in particular rain, in a literary text often acted as an object of research in an axiological aspect in the scientific works of Russian linguists. Relatively few scientific works present a comprehensive systematic analysis of the phenomenon of "rain". The purpose of our research is to identify and explore the specifics of the presentation of the phenomenon of "rain" in linguistic dictionaries, in Russian phraseological units, proverbs, and sayings, as well as in the literary works of Russian writers and poets. Research methods: descriptive, comparative, contextual analysis, statistical. Results and conclusions: 1) the word "rain" as a linguistic unit denoting the natural phenomena in an axiological aspect is meaningful to a person not only from a physical point of view (as a meteorological phenomenon), but also from a psychological point of view (as a phenomenon affecting the state of a person's soul: his mood, feelings and emotions); 2) in phraseological units, proverbs, sayings and literary works of Russian writers and poets, the word "rain" is used literally and figuratively, not only denoting a natural phenomenon but also expressing the physical and mental state; 3) rain as a natural phenomenon in a literary text symbolizes positive (purification, renewal, revival) and negative states of mood and nature (longing, sadness, bad mood and feeling); 4) the word "rain" in metaphorical meaning in literary works often means "a large amount of something"; 5) in sports texts, the word "rain" acquires an additional semantic connotation associated with the manifestation of peculiar character traits of a sports team: tenacity, perseverance, purposefulness; 6) the figurative metaphorical meaning of the word "rain" is vividly realized in the works of Russian writers and poets mentioned in the article.

Rain, natural phenomenon, literary text, metaphorical meaning, phraseology, axiological aspect, cultural aspect

Theory and Practice of Communication / Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko, Tiraspol, February 21-22, 2024, Volume 1.

Samsonova E.A.

SOCIAL NETWORK DISCOURSE AND SOCIAL NETWORK WORLDVIEW AS A RHIZOME-TYPE STRUCTURE

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

The article considers social networks as a rhizome-type structure. The research is at the junction of several sciences: communication studies, discourses, semiotics, philosophy, etc. We talk about the existence of a specific type of discourse in social networks called 'social network discourse' considered as a kind of global media discourse. Social network discourse forms a social network picture of the world – a special way of reflecting and constructing reality in social networks. Both terms are presented by us in the context of postmodern philosophy, for which the concept of the rhizome is one of the key ones. We need to identify the rhizome with a maze where each road leads to an unordered and decentralized structure. In our opinion, the social network discourse represents such a structure. It is an infinitely developing network (the idea of semiosis in semiotics) with unlimited interpretations. The rhizome nature of social network discourse is also associated with non-system, variability, chaos, and freedom of communication in social networks. These markers of the rhizome structure allow us to talk about a kind of game in social network discourse and the playful nature of communication, and we consider them the functions of social networks. The social network picture of the world, being a derivative of the social network discourse, is also defined as a rhizome-type structure. The variety of interpretations generated in communication helps users to move away from the media worldview that the mass media constructs. The study is based on the material of the popular social network VKontakte and youth social networks Ask.ru and Ask.fm. We use such scientific methods as observation, analysis, comparison, systematization, discursive analysis, lingual semiotic analysis, and partially linguopragmatic analysis.

Social networks, social network discourse, social network picture of the world, rhizome, rhizome structure, semiosis

¹Tryapelnikov A.V., ²Yakhnenko V.V.

**RUSSIAN AS A NATIVE LANGUAGE: THE ENERGY
OF LINGUISTIC UNITS AND SYNERGISTIC ANALYSIS**

¹Peoples' Friendship University of Russia

²Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

The article provides arguments and examples of the meaning formation for Russian linguistic units by a synergetic analysis of *Russian as a native language* approach. The interpretation of the concept of synergy concerns the process of language incarnation, and the standpoint of synergy with the analysis of synergetic meaning formation in a word. The concept of simple syllables and their function in linguistic sounds (phonemes) is substantiated. The fundamental difference between independent parts having the properties of the whole and non-independent parts (elements) accented. The expressive functions of the synergetic nature of the soft/hard and stress/unstress categories are considered. As examples, an activity-based (energetic) analysis of the semantic features of the prepositions ON and BEFORE generated by articulatory actions, and the synthetic integrity of the predicative adverb IT as NECESSARY is carried out. The preliminary conclusions are: the feasibility of Russian language taxonomy justified by applying Russian as a native language approach, which takes into account the circumstances of the language incarnation like children's linguistic consciousness existing in time; description of the commonwealth (synergy) in Russian units with the consideration of the division of the parts of the whole in the language into independent and non-independent parts (elements) with different nature - synthetic or analytical conclusions in the sphere of the principles of commonwealth, cooperation (synergy). The concept of *synergeia* determines the active, power (energy) meaning of integral semantic categories as "softness/hardness", "stress/unstressedness", "intonation", as well as to determine the nature of the process of "incarnation" of the language in consciousness.

Synergy, synergetic analysis, language incarnation, semantic model, the whole, part, element, preposition, softness, hardness, stress, intonation

Theory and Practice of Communication / Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko, Tiraspol, February 21-22, 2024, Volume 1.

Tumanova Olga S.

**TEACHING ACADEMIC WRITING IN HIGH SCHOOL AS A WAY
TO GROW GIFTED STUDENTS**

***Perm State National Scientific University
Perm, Russia***

Modern requirements for a young researcher regarding academic mobility and publication activity are imposed even in the first university year. At the same time, practice shows that ex-schoolchildren did not always succeed in creating original scientific texts. In our opinion, this is not so much an individual problem as a lacuna in school education. In the majority of universities, academic or creative writing first-year classes are often not provided at all. However, from the beginning, students have to submit a lot of written work and engage in academic yield while interacting with co-authors, corresponding with scientific journals or conference committees, and working with comments from reviewers. However, any elements of academic writing at school can correct this problem and maximize the effectiveness of school education both “at the moment” and the foreseeable university future. Experience working with academic writing in high school - summarizing and annotating text, scientific editing, working with sources, producing their scientific texts of various genres (essays, articles, etc.), working on an individual research project and much more - allows the modern student to see the total the textuality of the world around, gain the ability to read various cultural codes and meanings, feel confident in the mainstream of modern scientific knowledge, perceive school curriculum subjects in a complex relationship, think outside the box, effectively solve educational problems and make more informed professional choices in the future.

Academic writing, methods of teaching Russian, Russian in high school, development of giftedness, university specialized school

Chumakov A.N.

SOCIOMORPHIC METAPHOR IN RUSSIAN APHORISM

***Stary Oskol branch NRU «Belgorod State University»
Stary Oskol, Russia***

The relevance of the research is determined by the need to consider the presentation of the possibilities of metaphor in such a literary genre as aphorism. Metaphor is considered a universal phenomenon that, on the one hand, reflects the traditional linguistic and cultural representation and, on the other hand, has significant idiostylistic potential. Russian aphoristics, consisting of small works in volume, is of interest to the researcher as a field of formation of a contemporary understanding of reality and as a space for the personal values system formation. The article considers the features of the implementation in Russian aphoristic of metaphorized lexemes that name a person who is dependent on social conditions, as well as groups and socio-political events. The purpose is to analyze the features of zoomorphic metaphor, solving several tasks: considering the linguistic features of metaphor as a universal tool for describing the world and man and aphorism as a kind of literary text. We present and analyze three thematic groups' examples. 1. "A person from the point of view of his social being"; 2. "A group, a community"; 3. "Private and public situations". We use descriptive and classification-typological methods, theoretical interpretation of empirical data and identification of trends and patterns, contextual analysis, and statistical analysis. The sociomorphic metaphor in the aphorisms of Russian writers at different times forms a whole complex of various orders of figurative associations. In the semantics of a zoomorphic metaphor, within the small context of an aphorism specific to a particular author's connotations have deep national roots, and a fundamental cultural and linguistic basis makes a sociomorphic metaphor a powerful ideological tool.

Literary text, aphorism, metaphor, figurative means of language, connotations, linguistic persona, the national language worldview

Szetela Victor

ON THE ORIGIN OF THE WORD *KLETSKI* IN RUSSIAN

***Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russia***

The article presents the etymology and history of the word *kletski* (dumplings" - "a flour product in the form of a cube, as an additive to broth) in Polish and Russian, most often used in the indicated plural (singular dumpling). The Polish origin word is due to the word *klocek* - "cube". The word in Russian terminological cooking is the result of interlingual communication that takes place at different times at the junction of the source language, which was the German language for the Polish language and the role of the Polish language as an intermediary for the Russian languages. The article raises the question of the Polish word *kletski* in Russian and the different forms of its use in these languages. Rich Polish and Russian reference literature explain in various ways the inconsistencies in the formation, accentuation and use of the word dumplings in closely related Polish and Russian languages. This material, among other things, shows that flour products are similar to *kletski* in other people. The word *kletski* is quite common in the texts of Russian fiction, in memoirs, is used for artistic metaphor, and can appear as an anthroponym. Thus, some words of cooking in the Russian terminological subsystem are the interlingual communication that takes place at different times at the junction of the source language, which for the Polish language is the German language and the role of the Polish language as an intermediary for the Russian language.

Grammatical form, word history, German, Polish and Russian languages, reference literature, etymology

Proceedings

УДК 811.161.1:378:534.3

¹Акишина А.А., ²Тряпельников А.В.

ПЕСНЯ В КИБЕРТЕКСТОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ УЧЕБНОГО ТЕКСТА: ОСОБЕННОСТИ, ПРЕИМУЩЕСТВА, ВИДЫ РАБОТЫ

¹*Академия труда и социальных отношений
Москва, Россия*

²*Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия*

В статье представлены учебные мультимедийные пособия по русскому языку и культуре России «Мир русского языка, культуры и истории России в песнях XX века» из серии «Русский язык в песнях России». Пособия созданы авторами данной статьи, выложены в Интернете и предназначены для иностранцев разных уровней владения русским языком, для русскоязычных детей, для детей билингвов, занимающихся русским языком, историей и культурой, а также для всех, интересующихся русской песенной культурой и историей России XX века. Пособия полезны и интересны преподавателям и учащимся, так как содержат не только тексты песен, но и полные сведения о песне, авторах и исполнителях, об

истории создания песни и о событиях, происходивших в стране в период появления песни, а также задания по развитию русской речи и мультимедийное приложение, что позволяет работать не только с текстом песни, но и с музыкой к ней.

Песня, музыка, учебное мультимедийное пособие, кибертекст, русский язык, культура России, история, русский язык для иностранцев

Введение

В данной статье описываются и анализируются учебные мультимедийные пособия по русскому языку, культуре и истории России «Мир русского языка, культуры и истории России в песнях XX века» из серии «Русский язык в песнях России». Пособия представляют собой сборники русских народных песен и игр, авторских песен XX века как для детей младшего и старшего возраста, так и для взрослых учащихся.

Особенность данных пособий - их встроенность в глобальную сеть. Ведь невозможно, изучая музыкальную культуру, не слышать звучания музыки. Особенность пособия также в наличии мультимедийного приложения в виде кибертекстов, используемых авторами в обучении. Кибертекст обладает рядом преимуществ перед традиционными представлениями информации учащимся. Он реализует информацию в различных форматах (печатный текст, аудио, видео, интерактивные приложения), доступ к учебным материалам в любое время и в любом месте. Данные учебные мультимедийные пособия выложены в открытый доступ в Интернете и доступны всем [Акишина, Тряпельников, 2024].

Пособия пользуются большой популярностью среди учащихся и преподавателей русского языка как иностранного, а также среди всех, кто интересуется русской культурой и историей. Они используются для обучения различным аспектам русского языка, развитию навыков аудирования и говорения и для выхода в общение на русском языке, а также для приобщения учащихся к культуре страны изучаемого языка и для развития их межкультурной компетенции.

Пособие «Мир русского языка, культуры и истории России в песнях XX века» состоит из шести книг и интерактивного приложения:

Книга 1. Русские народные песни, игры и традиции народных сезонных праздников.

Книга 2. Детские песни XX века.

Книга 3. Песни, отражающие исторические события начала XX века в России. (1. Гимны России. 2. Песни Русско-японской войны 1905-1907 гг. 3. Песни Первой мировой войны 1914-1918 гг. 4. Песни Великой Российской революции 1917 г. 5. Песни Гражданской войны в России и русской эмиграции 1918-1922 гг.)

Книга 4. Песни, отражающие исторические события Советской страны в 1920-ые -1940-ые гг.

Книга 5. Песни и события Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Книга 6. Песни, отражающие жизнь в СССР в послевоенные годы. Конец 1940-ых-начало 1990-ых годов.

Всего в данной серии представлено около 200 песен XX века.

Детские песни отбирались, во-первых, по популярности - чаще всего они связаны с мультфильмами и художественными детскими фильмами, популярность которых и сегодня оставляет эти песни востребованными, во-вторых, по степени доступности и интерпретируемости - выбиралось такое содержание детских песен, которое понятно детям с точки зрения языка, образов и тематики. В-третьих, детская песня не должна быть политизированной или призывать к агрессии. В-четвертых, авторы считают, что песни должны воспитывать у детей чувства доброты, справедливости, друженности, заботы об окружающем мире.

Каждый словесный текст песни в книжном варианте пособия представлен: 1. заданиями к тексту, 2. текстами песни, ее авторами, 3. ссылками на видеоисполнение песни и ссылкой на караоке, 4. комментариями к словам текста песен, если это необходимо, 5. историей написания песни и историей страны, которые включают ссылки на фильм, описание фильма, в котором звучит песня, сведениями об авторах песни и исторических событиях времени ее появления.

Интерактивное приложение к пособиям состоит из набора кибертекстов, содержательно характеризующих определенный исторический период и песни этого периода. Каждый кибертекст включает два или три блока – миникибертексты. Миникибертексты как составляющие общего кибертекста – это части или модули кибертекста, которые, в свою очередь, состоят из множества элементов. То есть кибертекст – это текст, единое, законченное, связанное смысловое целое, но рождённый в киберпространстве и состоящий из множества фрагментов, отобранных, организованных авторами кибертекста, с учетом авторского замысла (образа)

кибертекста. Кибертекст включает в себя миникибертексты (части, состоящие из элементов).

Первый миникибертекст (часть 1) состоит из таких элементов, как заголовок кибертекста, текст ведущей песни, мелодия этой песни, ее актерское исполнение и караоке.

Второй миникибертекст (часть 2) включает такие элементы, как наглядные материалы (видео, аудио, словесные тексты и другие содержательные фрагменты) об истории и событиях страны, связанные с содержанием песни или с ее созданием.

Третий миникибертекст (часть 3) знакомит с песенной культурой этого периода, включая такие элементы, как популярные песни того времени.

Благодаря набору множества элементов в кибертексте (песни, их исполнение, фрагменты фильмов, фотографии, картины, словесные тексты и др.), которые отбираются не произвольно, но в соответствии с замыслом авторов, смысловой организацией частей и объединению их в едином целом, создается художественный образ кибертекста, который эмоционально воздействует на учащегося и легко запоминается (см. пример кибертекста, представленный в данной статье ниже).

Цель данных пособий с мультимедийным приложением - во-первых, развитие навыков устной русской разговорной речи на материале текста песни и выход в общение, во-вторых, понимание учащимися русских традиций музыкальной культуры и менталитета носителей русского языка, в-третьих, знакомство с историческими событиями XX века в России, отраженными в песнях и в кинофильмах, саундтреком к которым является песня.

I часть. Почему именно песня выбрана авторами в качестве учебного текста?

Музыка и чувства. По словам Г. Блелля и К. Хельвига музыка и искусство, является наиболее эффективным способом воздействия на психоэмоциональное состояние обучаемого, «оставляя след в культурном сознании, возбуждая креативность и вызывая индивидуальные языковые реакции» [Blell, Hellwig, 1996:18].

Музыка является одним из наиболее эффективных способов воздействия на чувства и эмоции обучаемых, представляя собой сильнейший психологический побудитель, который проникает в подспудные глубины сознания, по мнению Леви В. [Леви, 1992 :95]. Так, например, суггестопедический метод предусматривает необходимость психологической

расслабленности студентов на занятии, снятия барьеров, мешающих усвоению языка, таких, как усталость, страх допустить ошибку, неуверенность в своих силах. Для этого используют музыку, игры и различные приемы создания особой деловой и дружеской атмосферы в группе.

На интенсивных курсах преподавания иностранных языков большое внимание уделяется эмоциональной функции музыки, эмоциональным играм, поскольку эмоции способствуют закреплению заинтересованности студента в учебном процессе, что повышает мотивацию. Современные данные о работе мозга подтверждают это. Лапп Даниэль, автор книги «Искусство помнить и забывать» пишет: «Органы чувств - это ворота в мозг и, тем самым, в память» [Лапп, 1904: 81].

Эмоции организуют нашу деятельность, наше мышление, они заряжают нас энергией. Эмоции влияют на то, что мы слышим и видим. Мы видим все в «розовом свете», переживая радость, а в «черном свете» погружены в мрачное настроение. Эмоция вызывает изменения в организме человека, что влияет на восприятие и на успехи в овладении знаниями. Студент, увлеченный учебой, без труда усваивает предметы, а тот, кто не интересуется предметом или испытывает неприязнь к преподавателю, будет всячески избегать заниматься нелюбимым предметом, в связи с чем возрастают и требования к преподавателю, его роли в обучении сегодня.

Все человеческие ценности основаны на эмоциях: ненависть и любовь, страх и мужество, привязанность и отчужденность, симпатия и антипатия, совесть и бесчестие и т.п. Современные психологи и нейрочелювые выделяют 6 базисных эмоций: 1. страх, 2. гнев (злость), 3. отвращение (презрение), 4. печаль (грусть), 5. радость; 6. интерес (удивление). Интерес – это важная в обучении эмоция, которая мотивирует учащегося к обучению и влияет на его работоспособность. Кэррол Э. Изард, американский психолог, автор «Психология эмоций», пишет: «При интенсивном интересе, или возбуждении, человек испытывает воодушевление. Именно оно обеспечивает связь интереса с познавательной и двигательной активностью. Даже оставаясь недвижим, заинтересованный человек ощущает, что он «живет и действует» [Изард, 1999: 464].

Эмоция мотивирует обучение, поскольку она мотивирует энергию, а энергия, в свою очередь, ощущается учащимся как основание тенденции к совершению действия, то есть эмоции мотивируют учащихся. Как средство повышения эмоционального тонуса учебной деятельности эмоции помогают учащимся с недостаточной работоспособностью мобилизовать

внимание и волевые усилия. Педагогическая ценность эмоционального общения в том, что в нем формируется внутренняя готовность человека, не только познать мир чувств другого человека, но, в известном смысле, и «принять его».

Музыка и стресс. Ученые сегодня доказывают, что музыка снижает уровень стресса, они утверждают, что темп классической музыки подобен ритму человеческого сердца, что помогает снять как тревогу, так и депрессию. Музыка может сделать нас счастливыми. Прослушивание классической музыки может увеличить секрецию дофамина, который активирует мозговой центр, вызывая удовольствия.

Песня - музыкальное произведение, музыка оказывает на человека огромное влияние, мир звуков влечет нас и завораживает, на звуки музыки отвечает сердце, они способны менять наше состояние. Магическая сила музыки может заставить человека прийти в отчаяние, заставить смеяться, или, наоборот, умиротвориться. Так, например, ученые выяснили, что ритм марша, рассчитанный на сопровождение отрядов в длительных походах, чуть медленнее ритма спокойной работы человеческого сердца - при таком ритме музыки можно идти долго, не испытывая сильной усталости. Марши, звучащие во время парадных шествий, более энергичны, это несколько повышает нормальный ритм работы человеческого сердца в спокойном состоянии, поэтому такие марши оказывают бодрящее, мобилизующее воздействие. Ритм вальса оказывает успокоительное воздействие, танец является хорошим терапевтическим средством, движения под музыку нормализуют обмен веществ, работу сердца и сосудов, повышают иммунитет.

Музыка и память. По данным исследователей, у людей, которые слушали музыку Моцарта, наблюдалось увеличение активности мозговых волн, что напрямую связано с памятью. Например, эксперименты Г. Лозанова показали, что все люди на уровне подсознания обладают сверхпамятью, остаётся только научиться её активизировать. На уровне подсознания возможности памяти безграничны, и их активизации помогает медленная музыка барокко с темпом 60 ударов в минуту, исполняемая струнным оркестром - псевдопассивная музыка, которая открывает связь с подсознательным мышлением и псевдоактивная музыка, быстрая, высокочастотная, которая дает большой заряд энергии мозгу и тоже улучшает обучение. Чередование этих типов музыки ускоряет обучение языку в два раза и даже в десять раз [Лозанов, Новаков, 1973: 135].

Сегодня преподаватели иностранных языков используют мелодии как ключи памяти, пропевая фразы и закрепляя эти фразы за определенной мелодией - стоит преподавателю напомнить студентам мелодию, и студенты легко вспоминают фразу. То же самое происходит, если ключом памяти является жест, движение и ритм. Психологи называют эту функцию музыки физиологической функцией [Лозанов, 1970].

Музыка заражает творческой энергией. По мнению музыкальных экспертов, прослушивание классической музыки помогает реализации более творческого хода мыслей. Прослушивание Моцарта или Баха заставляет мозг мыслить нестандартно. «Музыка показывает человеку те возможности величия, которые есть в его душе» - писал У. Эмерсон [Эмерсон, 2021:43].

Музыка и воображение. Музыка, художественные образы затрагивают наши чувства, рождают у нас воспоминания, картины, ассоциации, активизируя воображение. Ассоциации – это положенные самой природой пути к зарождению и становлению художественного образа, и не воспользоваться этими путями на занятиях иностранным языком будет психологическим и педагогическим просчетом. А так как развитию образного видения и чувственного восприятия мира помогает музыка и преподаватели иностранных языков часто прибегают к ней, то можно использовать музыку и в качестве самостоятельного упражнения: студентам предлагается послушать музыкальное произведение и описать, какие чувства оно пробудило, какие ассоциации и образы навеяло, а в нашем пособии еще предлагается «услышать» музыкальное звучание картины художника.

Музыка и общение. Особое внимание психологи обращают на социально-психологическую функцию музыки и совместные коллективные действия учащихся - песни, пропетые хором, это тоже совместное действие, объединяющее людей общностью действия, что способствует созданию доброжелательной атмосферы в группе. На интенсивных курсах песни предлагаются студентам с первых уроков, это и пропевание нужных слов на известные русские и другие мотивы (ключ памяти) с элементами игры или танца, и разучивание популярных песен, и использование музыки или песен для вхождения в тему урока и создания нужного настроения, для знакомства через песню с историческими событиями страны и с национальными традициями (принцип диалога культур в методике преподавания иностранных языков) и многое другое.

К.Д. Ушинский считал, что пение на уроке - это могучее педагогическое средство, которое организует, объединяет учащихся, воспитывает их чувства. С одной стороны, песня для учащегося - это звучащий образец афористичной короткой иноязычной речи, который не может никого оставить равнодушным. А с другой стороны, песня - это источник информации о народе и его культуре, поскольку песня тесно связана с историей и жизнью народа. Поэтому из всего многообразия такого материала необходимо выделять то, что способно содействовать не только обучению коммуникации на иностранном языке, но и приобщению к культуре страны изучаемого языка.

Песня есть соединение трех основных явлений: поэтический текст, музыкальная мелодия, исполнительская подача певцами, а в преподавании - еще и исполнение песни учащимися. Песня доступна всем, и исполнять ее можно в любое время, песня представляет собой единство слов и музыки - в этом, наверное, и заключается магическая сила песни, которая способна успокоить, развеселить, заставить плакать.

Песни занимают большое место в жизни человека. Ведь песня является верным спутником человека всю его жизнь. Песня убаюкивает ребёнка в колыбели, она рассказывает ему удивительные истории о далёких странах, о зверях и птицах, она учит его читать и считать, смеяться и плакать, любить и дружить. Сколько таких песен - добрых, тихих и светлых - написано об ушедших днях детства, о первых рассветах, первых дорогах, о родном доме, о родине, о любви!

Хорошая песня - это целый мир: иногда она трогает душу сильнее, чем самое серьёзное и сложное произведение. Даже в совсем небольшом музыкальном сочинении, каким является песня, можно так много сказать о жизни, о людях, о добрых чувствах.

Песня объединяет, делает человека частицей своего народа и в социальном, и в историческом плане, а в случае преподавания иностранного языка - приобщает учащихся к иностранной культуре. Тексты песен обычно короткие и афористичны, просты, образны и благодаря ритму, рифме и повторяющимся припевам легко запоминаются.

Кроме того, песня - это источник афоризмов и символов, бытующих в языке и в культуре нации. Песня распространяется среди людей, заучивается ими, а наиболее значимые фразы песен становятся афоризмами, обогащая русский язык или на короткое, или на долгое время.

Чтобы строчки песен стали афоризмами, они должны быть «на слуху», то есть часто звучать, отвечать духу времени или настроению людей. Вот, например, афоризмы из советских песен:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Эта фраза из песни «Авиамарш» П. Германа и Ю. Хайт о летчиках. Песня часто звучала во время советских демонстраций и парадов, отвечала творческому энтузиазму людей первых лет строительства нового государства, пропагандировалась и стала афоризмом.

Не думай о секундах свысока. Песня из фильма «17 мгновений весны». Слова Р. Рождественского, музыка М. Таривердиева. Невероятная популярность фильма сделала популярной и песню, а ее первую строчку – крылатой фразой о ценности времени.

Трус не играет в хоккей. Песня на слова С. Гребенникова, музыка А. Пахмутовой. Под эту песню начинались все хоккейные матчи, а сама фраза закрепила в культуре понятие о необходимом качестве не только игроков в хоккей, но любого человека, приступающего к сложному делу.

Благодаря песням создаются общие национальные художественные образы, которые отражают национальное сознание народа. Основатель знаменитого на весь мир русского хора имени Пятницкого, исполнитель и собиратель фольклора Митрофан Пятницкий считал, что «душа русского народа вся отражена в песне, как в зеркале. В ней он изливал и грусть безысходную, и радость, и веселье».

Весь окружающий мир - своеобразный материал для русской песенной символики - солнце, ветер, тучи, месяц, трава, цветы, деревья, птицы и т.д., разные виды трудовой деятельности (сеяние, поливание, косьба, охота и т.д.) и обрядовые действия (расплетание косы, открывание ворот и др.). В русских лирических песнях часто в роли символов выступают птицы. Например, *соловей, сокол, селезень, голубь* являются символом молодца, *белая лебедушка, сизая голубка* является символом девушки. Есть и символы, имеющие отношение к растительному миру: *белая береза, калина, малина, сладкая вишня* символизируют девушку. Символами счастливой любви и счастья могут быть и свет солнца, и цветение растений. «Два основных цикла человеческих эмоций, - пишет Н.П. Колпакова, - радость и горе с их многочисленными тематическими подразделениями – составляют основное содержание песен.» [Колпакова, 1962: 207].

Песня отражает исторические и культурные события страны. Песни сопутствуют всей жизни народа, и не зря их называют *поэтической историей страны*. Песня - художественный документ эпохи. Часто за строками песни стоит время, пережитое страной, угадываются события,

изменившие историю и перевернувшие судьбы людей. В любимых песнях - душа народа, их так и называют - *душевные песни*.

По песням, как по учебнику истории, можно проследить этапы развития России, увидеть, чем жили ее люди, понять их чаяния, отметить особенности менталитета.

Именно песня первой фиксирует эмоциональный отклик людей на события. Эмоциональные слова вместе с музыкой рождают яркие образы, передают чувства и часто становятся решающими в формировании общественного мнения о том или ином событии. Во всём мире признано, что народная песня, а также авторская песня, став народной, выступают уникальным культурным феноменом.

Передаваясь от поколения к поколению, из уст в уста, песня во все времена ярко выражала характерные черты каждого народа. Этот вид устного музыкального творчества из века в век освещал традиции, быт, трудовую деятельность, важные исторические события, а также прославлял любимых национальных героев.

Роль музыки и песни в преподавании иностранных языков.

Итак, роль музыки при обучении иностранным языкам стала важной в современной методике преподавания иностранных языков. И сегодня можно говорить о том, что сложились правила использования музыкальных произведений в методике преподавания иностранных языков.

Существуют следующие способы использования музыки, и, в частности, песен на занятиях:

1. Музыка как часть культуры и истории народа, знакомство с которыми необходимо всем изучающим язык данного народа.
2. Музыка как знакомство с национальными традициями народа.
3. Музыка как ключ памяти (а в лозановском понимании как возможность подключения подсознания при помощи особым образом подобранных музыкальных произведений).
4. Музыка как активизатор мыслительных процессов (при выполнении тестов фоном звучат музыкальные фрагменты как подсказки).
5. Музыка как активизатор воображения и эмоций, необходимых для мотивации учащихся.
6. Музыка (особенно песня) как прием объединения учащихся в единый коллектив доброжелательно настроенных людей.
5. Музыка как самостоятельное упражнение. (Преподаватель предлагает послушать музыку и рассказать, какие образы возникли у студентов от прослушивания музыки, или посмотреть картину художника и предположить ее звучание, или подобрать музыку к видеофрагменту, или

прослушать музыку и нарисовать картинку, которая возникла в воображении студентов. Такие упражнения развивают образное мышление, способствуют активизации воображения).

6. Инструментальная музыка как общий фон на уроке. (Она обеспечивает релаксацию, необходимую при работе обучающихся как в группах, парах, так и индивидуально, - главное, чтобы такая музыка не отвлекала, а настраивала на работу).

7. И конечно, заучивание и исполнение песен на уроках иностранного языка как часть языкового обучения.

II часть. Что собой представляют наши учебные пособия с кибертекстовой организацией учебного материала?

Мы считаем, что учебные тексты по своей природе должны быть поликодовыми, учитывающими социокультурные и гуманитарно-культурные особенности национальной коммуникации. Такое их представление сегодня возможно благодаря технологическим и информационным достижениям современности. Исходя из этих потребностей, отвечая на запросы времени, мы разработали новый тип поликодового текста – КИБЕРТЕКСТ.

Как уже указывалось выше, кибертекст- это связанный общей темой и художественным образом, единый, целостный, законченный образно-эмоциональный поликодовый текст, наглядно передающий информацию с помощью разнознаковых текстов (аудио, видео, словесный текст), созданный и находящийся в киберпространстве и состоящий из микрокибертекстов (блоки, или части кибертекста), которые, в свою очередь, состоят из фрагментов (элементов) текстов, взятых из киберпространства с учетом того художественного образа, который задуман и реализован авторами кибертекста. Кибертекст - принципиально новая структура текста, новая образная архитектура, сплав разнознаковых текстов с информационным и образно-эмоциональным представлением событий и явлений мира [Тряпельников, Акишина, 2019: 20-23].

Кибертексты с песнями состоят и собираются из следующих поликодовых элементов: из заголовка или афоризма песни, темы или образа кибертекста, из текста песни, из аудио- и видео- исполнения песни, из музыкальных текстов в караоке, из отрывков из кинофильмов, в которых эти песни звучат, из фотографий, рисунков, картин и плакатов, отражающих реалии соответствующего исторического периода, темы или художественного образа кибертекста (См. рис 1, 2).

Состав частей и элементов кибертекста «Это праздник со слезами на глазах»

Микрокибертекст (часть 1) включает: 1. заголовок - «Это праздник со слезами на глазах», 2. мелодию песни «День Победы» без слов, 3. текст песни и авторов, 4. исполнение песни, 5. караоке.

Рисунок 1. Кибертекст «Это праздник со слезами на глазах»

Рисунок 2. Микрокибертекст «Дорога на Берлин»

Состав миникибертекста (часть 2) «Дорога на Берлин» : 1.»Этот день Победы порохом пропах», 2. текст и авторы песни «Дорога на Берлин», 3. исполнение песни, 4. караоке, 5. картина Кривоносова «Победа», 6. видео «Бессмертный полк», 7. фото - 9 мая парад Победы., памятник

советскому солдату в Берлине, 8. миникибертексты (блоки), описывающие сражения в Великой Отечественной войне с песнями и фрагментами из документальных фильмов: победа под Москвой, Сталинградская битва, Курская битва, советское знамя над Рейхстагом. [Акишина, Тряпельников, 2024], 9. Салют, звучание песни» День Победы».

Кибертекст, содержащий различные микрокибертексты и его элементы (музыка, видеофрагменты, картины и словесные тексты), несёт в себе киберобраз (в представленном кибертексе - радость победы советского народа во Второй мировой войне). Песенная реализация этого образа воздействует на органы чувств учащихся, оказывая влияние на их эмоциональное состояние, что способствует успешному обучению.

III часть. Каковы виды работы с текстом и музыкой песен, представленные в пособиях и приложениях?

Работа с песней может начинаться с мелодии, с текста песни или с беседы об исторических событиях, которые легли в основу содержания песни. Учащиеся могут слушать песню, читать ее текст, петь ее, обсуждать ее содержание и историю создания.

Начинать работу с песней в пособии можно демонстрацией с экрана:

- ✿ во-первых, мелодии песни. Под *мелодией* понимается, как музыкальная мысль, передающаяся звуками, так и интонация, ритм, окраска звуков. Учитель, воспитатель, преподаватель дает прослушать мелодию, и просит учащихся высказать мнение о ритме, темпе, тоне, громкости, настроении мелодии; о тех образах, которые возникли от прослушанной мелодии. Можно предложить спрогнозировать, о чем будет текст песни, учитывая тональность музыки. Затем перейти к работе над текстом песни.

- ✿ во-вторых, можно начинать работу с песней с текста:

- a) с обсуждения заголовка песни, предлагая по заголовку или по одной из строчек текста спрогнозировать общее содержание текста;

- b) с чтения (прослушивания) текста песни и обсуждения ее содержания. Затем, поработав с текстом, можно предложить обсудить, какая мелодия возможна для данного текста.

- ✿ в-третьих, можно начинать работу с беседы об исторических событиях, которые легли в основу содержания песни, а затем предложить чтение (прослушивание) текста; провести обсуждение, как содержание песни отражает данные события. Можно предложить поразмышлять о том, какая мелодия возможна для такого текста.

- ✿ в-четвертых, можно начинать работу с фрагмента фильма, содержание которого положено в основу саундтрека (не включая песню), затем

предложить обучающимся обсудить, какая мелодия соответствует, по их мнению, этому фрагменту. И только после обсуждения, дать прослушать реальную музыку и текст песни к этому фрагменту.

Работа с текстом песни помимо обязательной работы с незнакомыми словами и словосочетаниями предполагает и другие виды заданий. Способы семантизации возможны любые - как переводные (реже), так и беспереводные - невербальные и вербальные: описание, синонимы-антонимы, словообразование, контекст, догадка, ассоциации и др.

И конечно, обязательна их отработка:

А. Развитие навыка аудирования

1. Прослушать текст песни – какие знакомые слова услышаны?
2. Прослушать песню, стараясь понять текст в музыкальном сопровождении (без печатного текста)
 - а) ответить на вопросы,
 - б) записать слова, фразы, которые услышали.
3. Сделать упражнения:
 - а) текст предлагается с пропусками, надо вписать слова, слушая исполнение песни.

б) текст предлагается с ошибками, надо исправить ошибки, слушая исполнение песни.

Б. Развитие навыка чтения

1. Просмотреть текст песни и указать, каково общее ее содержание.
2. Внимательно прочитать текст песни и найти в тексте определенные слова или ответы на заданные вопросы.
3. Найти в тексте ответы на вопросы учителя и процитировать их.

В. Развитие навыка говорения

1. Тренироваться в правильности произношения текста.
2. Прочитать и спеть песню в караоке или вместе с исполнителем.
3. Пересказать текст песни своими словами.
4. Объяснить художественные образы в тексте песни.
5. Запомнить песню.

Г. Выход в общение

1. Обсудить содержание песни и историю ее создания.
2. Обсудить события в стране (история страны).
3. Поделиться впечатлениями от прослушанной мелодии. Спрогнозировать содержание песни, слушая мелодию, или содержание песни по заголовку, по строчке из песни.

4. Спрогнозировать мелодию и/или темпоритм песни, учитывая ее текстовое содержание, и наоборот – спрогнозировать общее содержание и/или модальность песни, учитывая ее мелодию.

5. Поскольку многие песни являются саундтреком фильмов, предлагаются просмотры и обсуждения фильмов, а также обсуждение того, как песня связана с содержанием фильма.

6. Так как текст песен часто афористичен, надо предлагать учащимся заучивать крылатые фразы из песен и обсуждать, в каких случаях можно их использовать, например: *Дружба всего дороже. И не друг, и не враг, а так... Вместе весело шагать! День рожденья только раз в году. До чего же хорошо кругом!* И т.д. и т.п.

Заключение

Итак, анализируемые пособия являются хорошим помощником преподавателю русского языка, истории и культуры России для работы с песней. В них представлено большое количество текстов с заданиями и комментариями, есть выбор в зависимости от требований учебного процесса и состава учащихся. Наличие кибертекстов дает возможность преподавателю и учащемуся слушать исполнение песни, тренироваться в караоке, получать наглядный материал для запоминания слов песни, создавать зрительный и слуховой образ песни, а также узнавать об истории страны и ее музыкальной культуре.

Литература

Акишина, А.А., Тряпельников, А.В. *Цифровые образовательные ресурсы по русскому языку в истории и культуре России. [Электронный ресурс]* URL: <https://atmos-sfera.ru>.

Акишина, А.А., Тряпельников, А.В. [Электронный ресурс] URL: https://www.atmos-sfera.ru/taresurs/MAG/AAAV_PESNI/PKadr_1/index.html; Акишина, А.А., Тряпельников, А.В. [Электронный ресурс] URL: https://www.atmos-sfera.ru/taresurs/MAG/AAAV_PESNI/PKadr_2/index.html

Blell, G., Hellwig, K. *Bildende Kunst und Musik im Fremdsprachenunterricht. Frankfurt/M., 1996: 385.*

Изард. К.Э. *Психология эмоций, СПб, 1999: 464. [Электронный ресурс]* URL: <https://knigogid.ru/books/865164-psihologiya-emociy/toread>

Колпакова, Н. П. *Русская народная бытовая песня. М.-Л., 1962: 207*

Ланп, Даниель. Искусство помнить и забывать. Питер, С -П., 1904 [Электронный ресурс] URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-psychology/457025-daniel-lapp-iskusstvo-pomnit-i-zabyvat.html>

Леви, В. Вопросы психобиологии музыки, М., 1992: 95. [Электронный ресурс] URL: <https://opentextnn.ru/music/vosprijatie-muzyki/levi-v-voprosy-psiobiologii-muzyki/> <https://opentextnn.ru/music/vosprijatie-muzyki/levi-v-voprosy-psiobiologii-muzyki/>

Лозанов, Г. Суггестология и суггестопедия : Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук, Харьков. 1970.

Лозанов, Г. Суггестология. София, 1971.

Лозанов, Г.К., Новаков, А. Суггестопедическая методика при обучении иностранным языкам // Проблемы на суггестологията. София, 1973. С. 127-135.

Тряпельников, А.В., Акишина А.А. Вызовы XXI века: поликодовые мультимедийные тексты// Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы, Москва, 20–23 марта 2019 года. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова" Издательский Дом (типография), 2019, с. 20-23.

Тряпельников, А.В., Акишина А.А. Наглядность, образность и поликодовая подача материала - новый виток методики РКИ в современной парадигме образования // Теория и практика коммуникации : Материалы 1 Международной научно-практической конференции, 27-28 февраля 2023 года / ответственный редактор: Е. Г. Луговская. Тираспол : [Б. и.], 2023 ([Теслайн]) – . – . Т. 1. 2023. 216 с. С. 61-73.

Тряпельников, А.В. Интеграция информационных и педагогических технологий в обучении РКИ (методологический аспект) М. : Информационно-учебный центр Гос. ин-та русского яз. им. А.С. Пушкина, 2014. [Электронный ресурс] URL: https://author-edu.ru/sites/default/files/triapelnikov_0.pdf

Эмерсон, Ральф Уолдо. Нравственная философия. Опыты. Представители человечества. Образ жизни. Изд.: Амрита, 2021. Высказывания великих людей о музыке. [Электронный ресурс] URL: <https://www.music911.ru/vyskazyvaniia-vielikikh-liudiei-o-muzykie/>

УДК 81-13:378:004.55

Болдова Т.А.

**К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПАРАДИГМЫ
СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
В ГИПЕРТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕТИ**

**Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана
Москва, Россия**

Актуальные вопросы работы с разными сетевыми текстами как разновидностью общения в сети базируются на применении информационно-коммуникационных технологий с их дальнейшей визуализацией. Цель их исследования заключается в достижении общей эффективности взаимодействия, когда компоненты такого взаимодействия выстраиваются на сетевой контекстной поддержке определенной информации. При этом синтез теорий и подходов создает возможность новой и потенциально стабильной коммуникации в сети. Необходимость применения настоящей реальности общения в мобильной виртуальной реальности соответствует поставленным задачам исследования, так как ее использование является аутентичным и может быть применено к другим контекстам подлинного общения. Методологическим подходом при работе в сети является взаимодействие с онлайн-компонентами. Работа при данном подходе обучения понимается как система восприятия и адекватного понимания множества текстов, которая заключена в специфический технологический каркас, где есть сообщения (реплики участников) как представленный динамический элемент диалога на различные темы от ведущих специалистов по изучаемой тематике. Сеть как среда коммуникации и обучения играет основную роль в трансформации воспринимаемых изображений в речь, отражая предмет и явление. Такие технологии, как текстовые чаты, требуют адаптации к специфической динамике и доступности синхронных форм общения. Кроме этого, необходим набор умений и навыков, как заданного преподавателем шаблона, с одной стороны, и творческого подхода студентов, с

другой, так и гибкости в интегративной среде обучения как специфики дидактической работы в виртуальных средах.

Междисциплинарность, научные, компьютерные и гуманитарные технологии, гипертексты, электронная реальность, Интернет-общение

Введение

Рассмотрение методологических вопросов о взаимодействии в сети на основе гипертекстов стоит на первом месте в исследованиях иностранных и российских ученых. Анализ и моделирование объектов сети с онлайн-компонентами начинается с обсуждения методологического подхода. Так появляется теория обучения как теория сообщества практиков в рамках профессионального онлайн-круга (сообщества) [Льюис, Питерс, 2019: 26].

Отличительной особенностью такой модели является дихотомия, которая признает потенциал сети как места, где студенты, работая вместе в сообществе практиков, создают свою собственную группу (сообщество), что в дальнейшем обеспечивает поддержку эффективного взаимодействия в обоих режимах общения в контекстах синхронного компьютерно-опосредованного общения с использованием чатов.

Гипертекстовая сущность пространства сети Интернет

Компьютер есть инструмент коммуникации, куда включены текстовые процессоры, средства проверки орфографии и грамматики, издательские программы и согласующие устройства.

При этом, виртуальная реальность (VR) определяется, как иммерсивная компьютерная технология, которая воспроизводит окружающую среду и позволяет в ходе определенной симуляции ощущать подлинное присутствие и взаимодействие в этой среде [Люй, 2015: 292].

Мобильная виртуальная реальность – это виртуальная трехмерная мобильная среда, которая имитирует реальную среду и предлагает пользователю как слуховые, так и визуальные стимулы, таким образом создавая ощущение погружения и присутствия. Она дает преимущества легкости общения, предлагая виртуальную симуляцию с низкой задержкой. Вся коммуникация строится на гипертекстах.

Текст – это единица семантического представления смысла и готовый блок вхождения в базу знаний определенной предметной области. В текстах закодирована не только мыслительная задача или комплекс

проблем, но и ключ к их пониманию, который, необходим для дешифровки авторского коммуникативного намерения.

Одновременно с этим, текст – это сложное динамическое и многомерное текстовое и коммуникативное пространство, где реализуется язык через обмен информацией. Текст представляет собой комплексную вариативную интеграцию возможностей различных носителей (условный вербально-письменный текст, рисунок, фото, видео и т.п.), формирующий принципиально новый тип текста и коммуникаций. Таким образом, текст – это и полноценный генератор коммуникации, на основе которого можно комбинировать художественные формы для создания гибридной формы выразительности в творческой деятельности [Болдова, 2016: 26].

Текст с ценностным потенциалом представляет собой содержательную основу обучения языку и культуре, позволяющую осуществить восприятие, осознание, дифференциацию, понимание и присвоение данных ценностей среди широкого многообразия национальных ценностей в современном поликультурном мире. Образовательный потенциал текстов этнокультурной направленности заключается не только в создании ценностной картины мира, но и в формировании ценностного отношения к стране изучаемого языка и культуре с целью установления взаимоотношений с представителями изучаемого языка.

Успешное взаимодействие требует, чтобы человек понимал своего собеседника, и чтобы понимали и его самого. И если есть корректирующая обратная связь, реализованная в устной форме, то она оказывает положительное влияние на овладение этноязыковой ситуацией уже в динамике. Например, последовательность решаемых задач в ходе коммуникации может быть реализована с возрастающей лингвистической сложностью. Применительно к коммуникации термин «этнокультурная среда» означает как присущие человеку посреднические инстанции, так и технические средства передачи сообщений, по образцу «текст-текст (интерактивный интерфейс) - контакты» как новый вид текстов с многопредметной информацией в трехмерном пространстве текстов, графиков, диаграмм, таблиц с заложенными в них стереотипами, клишированными фразами, речевыми штампами, а также дискурсивными формулами-клише и функционально-обусловленными оборотами, которые однозначно определяют тип данного дискурса для выражения модальности.

Примером может служить рассмотрение синтеза элементов интеракционистского подхода и когнитивной теории множественного общения [Льюис, Питерс, 2019: 25], где коммуникация проходит в конкретном

контексте. При этом синтез теорий и подходов создает возможность новой и потенциально стабильной коммуникации в сети.

Использование приложений для мобильных устройств стало распространенным явлением, однако, чтобы использовать цифровую коммуникацию для обучения, необходима разработка стратегий обучения, которые помогут добиться эффекта от такого преподавания и повлияют на успешность обучения студентов.

Следующая проблема цифровой коммуникации – это мультимодальность [Болдова, 2016: 96]. Например, в ходе видеоконференций, где коммуникация типична для устного взаимодействия как вербальная, просодическая, жестовая, мимическая, такое общение часто дополняется письменным взаимодействием с использованием текстового чата. Это приводит к бимодальному выравниванию, как для себя, так и для собеседника, особенно во время смысловых диалоговых эпизодов, связанных с иностранным языком («выравнивание по собеседнику»). Разговор может начинаться вербально и завершаться жестикуляцией и возможными комбинациями вербального и невербального кодирования.

Устное объяснение может предполагать использование длинных развернутых словесных конструкций, которые озвучены частично, поэтому нужны способы решения этих проблем и в цифровой коммуникации. Часто возникает ситуация, что говорящий согласует что-то, что его собеседник написал уже в окне чата, затем они начинают говорить (устно), а заканчивают разговор жестами. Степень сотрудничества (количество и качество используемых лексических единиц) доказывает, что эффективность коммуникации в большей степени зависит от того, насколько совместными были диалоги в группе, и жестко не привязана к уровню владения языком у собеседников.

Важно отметить, что мобильная виртуальная реальность соответствует настоящей реальности, а ее использование является аутентичным и может быть применено к другим контекстам подлинного общения. Например, возможен цифровой разговор типа «*opinion gap*» или «*information gap*» («разрыв во мнениях» и «информационный разрыв») в ходе цифровой коммуникации [Гойода, Харрисон, 2012: 85]. Но, при этом важно, что коммуникативная ценность различных языковых особенностей диалогов влияет на модели развития языковых ситуаций, а сама коммуникация является потенциально ценным источником коммуникативных возможностей, в результате которых создается интегрированная

основа для использования мультимедиа технологий в учебной коммуникации на основе мультимодальной модели гипертекста.

Мы рассматриваем гипертекст как: а) продукт сложной деятельности по порождению текста и рецепции текстовой информации, проходящей в социальной сфере межкультурной коммуникации; б) единица текстовой деятельности и текстовой коммуникации; в) средство для «процессного» управления цифровой деятельностью в условиях сетевой коммуникации [Болдова, 2016: 95]. Электронный гипертекст – это сложное динамическое и многомерное текстовое пространство, где реализуется язык и где благодаря тексту можно эффективно решать вопросы профессиональной подготовки студентов по различным специальностям, повышая познавательную автономию обучаемых.

Таким образом, гипертекст – это и полноценный генератор коммуникации в сети, на основе которого можно комбинировать художественные формы и различные технологии для создания гибридной формы выразительности, использовать опыт симуляций известных способов деятельности, творческой деятельности в моделях трехмерного окружения применительно к собственной работе в сети [Болдова, 2016: 106]. Так появляется теория обучения как теория сообщества практиков, для создания модели онлайн-обучения студентов в рамках профессионального онлайн-круга (сообщества) [Го, 2017: 22].

Наиболее отличительной особенностью такой модели является дихотомия между обучением и учебной программой, которая признает потенциал сети как места, где студенты, работая вместе в сообществе практиков, создают свою собственную учебную программу (как формальную, так и неформальную). Можно сказать, что это новое обучение, обеспечивающее поддержку эффективного взаимодействия в обоих режимах общения в контекстах синхронного компьютерно-опосредованного общения с использованием чатов для общения с преподавателем.

Эффективное взаимодействие в обоих режимах общения с использованием онлайн-коммуникации строится с помощью ментальных представлений между собеседниками. Большая часть коммуникации сосредоточена на согласовании значения и формы во время дискуссионных ситуаций, связанных с языком и восприятием интерактивной обратной связи для обзора компьютерно-опосредованной коммуникации. Речь идет о ситуативных диалогах, опосредованных двумя различными типами: текстовым чатом и видеоконференцией. Потенциал сети определяется

тем, что, создается своя собственная программа при определенных условиях сетевого общения.

Среди аспектов, которым уделяется меньше всего внимания, - динамика общения, которая очень важна с теоретической точки зрения для коммуникации. Она способствует изменению самого процесса коммуникации и появлению нового языкового поля коммуникации, где через синхронные формы общения, пользователи воспринимают ее как взаимодействие реальное, хотя оно характеризуется использованием более коротких предложений, что приводит к меньшей лингвистической сложности, но зато это общение реальное.

Разговорная динамика коммуникации имеет некоторые отличия по сравнению с динамикой общения, например, с точки зрения чередования различных видов общения. В ней есть свои дискурсы на иностранном языке, приводящие к понятному вводу в ситуацию и модифицированному выводу. При этом социокультурные подходы связывают различные измерения (лингвистические, социокультурные, межкультурные), т. е. речь идет о связывании социальных и когнитивных аспектов коммуникации.

Заключение

В исследовании речь идет об общей эффективности взаимодействия на основе гипертекстов, когда компоненты такого взаимодействия могут быть более или менее эффективными.

Так, сетевая контекстная поддержка информации, (которая может быть скрыта для других техническим приемом) используется для выявления конкретных языковых особенностей в тексте (это целенаправленные задачи). Цифровая коммуникация способствует изменению процессов общения в сторону коммуникативных и поведенческих подходов. Такие технологии, как текстовые чаты относятся к специфической динамике и доступности синхронных форм общения.

Сеть как среда играет основную роль в трансформации воспринимаемых изображений в речь, отражая предмет и явление. Соответственно, взаимопонимание между собеседниками достигается тогда, когда модели разговорных ситуаций максимально похожи.

Другими словами, ментальные модели собеседников выравниваются, когда они разделяют общие концепции, например, времени, пространства и ссылок на данную ситуацию. Согласование ситуационных моделей достигается главным образом за счет совместных представлений на лингвистическом уровне (семантическом, лексическом и

синтаксическом). Таким образом расширяется культурологический, лингвистический и коммуникативный опыт, который позволяет эффективно организовать самостоятельную работу, повысить уровень владения языком и уровень профессиональной подготовки как самостоятельной формы и как части общей системы сетевой коммуникации.

Литература

- Болдова, Т.А. *Монография. Дорожная карта для изучения иностранных языков в гипертекстовой сети [Текст] / Т.А. Болдова. Киров, 2016. 446 с.*
- Го, Ц. *Развитие умений коммуникативной координации при обучении китайских студентов-филологов диалогической речи в учебно-профессиональной сфере: III сертификационный уровень: Диссертация на соискание степени кандидата педагогических наук. СПб, 2017. 160 с.*
- Геншике, Дитмар. *Grundwissen Philosophie. N. Luhmann. Philipp Reclam jun. Stuttgart. 2008*
- Ландау, П. *Hypertext 3. 0. Critical Theory and New Media in an Era of Globalization. Hopkins University Press. 2000. p. 135.*
- Льюис, Т., Пумперс, Х. (2019). *Sprachenlernen im Tandem: Prinzipien und Kompetenzerwerb. In Spänkuch, E., Dittmann, T., Seeliger-Mächler, B., Peters, H., & Buschmann-Göbels, A. (Eds.), Lernprozesse im Tandem-ermöglichen, begleiten, erforschen (pp. 13–26). Giessen: GEB.*
- Люй, Ю. *К вопросу об изучении русских местоимений (из опыта работы с китайскими учащимися) // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 290–294.*
- Тойода, Э., Харрисон, Р. (2012). *Категоризация текстового общения в чате между учащимися и носителями японского языка. Изучение языков и технологии, 6, 82-99.*

УДК 811.161.1

Им С.Б.**ЭВОЛЮЦИЯ ТЮРКИЗМОВ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА****Узбекский государственный университет мировых языков
Ташкент, Узбекистан**

Предметом описания в настоящем материале являются заимствования из тюркских языков. В настоящее время внимание лингвистов приковано к проблемам соотношения языка и культуры, их взаимосвязи и взаимодополняющей функциональности. Язык выступает не только как средство общения, он является носителем культурных знаний, обычаев, представлений и ценностей. Цель исследования состоит в изучении лексико-семантических изменений, которые произошли в тюркизмах в процессе их адаптации русским языком. Для достижения цели исследования был использован синхронно-описательный метод, включающий такие приемы, как наблюдение, сравнение, сопоставление, обобщение, интерпретацию, а также сравнительно-сопоставительный подход. Тюркизмы, входя в словарный состав русского языка, претерпевали фонетическую, морфологическую трансформацию, особый интерес представляют лексико-семантические преобразования. Исследование показало, что тюркизмы в русском языке, первоначально представленные, в основном, бытовыми наименованиями, начинают претерпевать изменения, способствующие выходу за пределы первоначальной сферы функционирования: происходит перемещение в сферу специальной терминологии. Тюркизмы приобретают переносные значения и проникают в различные терминологические системы и в сферу отвлеченных понятий и представлений. В общем, можно отметить, что интеграция в русский язык заимствований из других языков, а именно тюркизмов, способствует развитию и эволюции языка, его способности адаптироваться, воспринимая влияние других языков и культур.

Исконно русская лексика, заимствование, западноевропейизмы, тюркизмы, адаптация

Введение

В настоящее время внимание лингвистов приковано к проблемам соотношения языка и культуры, их взаимосвязи и взаимодополняющей функциональности. Язык выступает не только как средство общения, он является носителем культурных знаний, обычаев, представлений и ценностей. Культурные знания и понятия, образы мира, в свою очередь, формируются и передаются через язык в виде специфических слов, выражений или фразеологизмов.

Разработка вопросов взаимовлияния языков на лексико-семантическом уровне является одной из важнейших задач функционально-стилистического и социолингвистического исследования, а также в решении проблем об установлении системных связей тюркских заимствований в процессе функционирования их в русском языке и в сравнении семантической структуры русских тюркизмов с другими восточно-славянскими языками, в выделении лексико-семантических групп слов русского языка, в которых бытуют слова с тюркским элементом, в описании семантических изменений в процессе их функционирования (эти вопросы, в частности, рассматриваются в работе Р.А. Юналеевой «Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования)» [Юналеева, 2000]). Вот почему целью настоящего исследования мы определили описание изменений лексико-семантической системы русского языка, связанных с освоением тюркизмов. Предмет исследования составляют заимствования из тюркских языков, касающиеся быта. В работе рассматриваются особенности заимствования и употребления тюркоязычных слов, вопросы этимологии.

К вопросу о взаимодействии русского и тюркских языков

Словарный состав языка является наиболее подвижным, наиболее чувствительным конструктивным элементом языка, процесс его формирования всегда длителен и сложен. По мнению Р.А. Будагова, история слов – это не только история этимологий, но и история всего последующего их движения в языке и обществе [Будагов, 2000: 64].

В словарном составе русского языка выделяется основной словарный фонд, который очень устойчив и сохраняется в течение ряда эпох. В основном словарном фонде русского языка можно выделить исконно русскую и заимствованную лексику. Исконно русская лексика составляет более 90% слов, употребляющихся в русском языке. Она определяют своеобразие и самобытность русской речи, её глубокое национальное своеобразие. Иногда к русским словам относятся также и слова, появившиеся в

русском языке на базе заимствованных слов и корней. Так, например, слово *ямщик*, образовано от *ям* (татарское), считается русским, несмотря на заимствованный корень.

Кроме исконно русской лексики, выделяется также генетически заимствованная лексика, или иноязычные слова – «слова, заимствованные из других языков» [Розенталь, 1085: 95]. В разные исторические периоды в русский язык проникали слова из других языков, что было обусловлено экономическими, культурными и политическими связями с другими народами. Заимствованная лексика в русском языке неоднозначна: она состоит из заимствований из славянских языков и из заимствований из неславянских языков. Последние делятся на западноевропеизмы и тюркизмы. Все заимствования в русском языке могут быть разделены на две группы: заимствования из славянских языков, т.е. родственные, и заимствования из неславянских языков: тюркских, иранских, скандинавских, романских, германских и других языков

Заимствование иноязычных слов определяется в основном потребностями смысловой дифференциации, поэтому заимствованные слова прочно входят в словарный состав современного русского языка, претерпев фонетическую и грамматическую ассимиляцию.

Процесс заимствования осуществлялся различными путями: посредством письменных документов или в результате устных контактов.

Западноевропеизмы находят своё место в общественно-социальной, военно-дипломатической, научной и культурной сферах русской жизни. Они употреблялись «в обобщённом и нерасчленённом значении, из которого в дальнейшем выкристаллизовываются другие, более частные, конкретные, узкие значения и оттенки» [Биржакова, 1972: 255].

Тюркизмы же, в отличие от западноевропеизмов, представлены преимущественно бытовыми наименованиями. В этом особенность их семантики. Тюркизмы входили в русскую языковую сферу, в большинстве своем, как однозначные слова, обозначающие бытовые реалии широкого использования, например, *алмаз, алтын, арак, бахча, деньги колчан, шаровары, штаны, ярлык, карандаш, караул, тюфяк, тулуп, чадра, башмак* и другие. Основной поток тюркизмов входил устным путём «приблизительно до конца XVIII в.» [Розенталь, 1085: 56].

Западноевропейские заимствования проникали «почти исключительно путём письменным – главным образом через такие сферы, как газета и научные стили речи». [Крысин, 1968: 56]. Они были более

типизированными и унифицированными по сравнению с заимствованиями, проникшими путём устного общения.

Имена людей, этнические обозначения и названия мест, связанные с древними тюркскими народами восточной Европы уже встречаются в письменных памятниках русского языка старшего периода.

Тюркизмы в славянские языки начинают проникать уже в древнерусский период. Причины появления тюркских заимствований связаны с торговыми, политическими отношениями русских и тюркоязычных народов. Новые реалии требовали номинации лексического характера, который полностью отражает заимствования из языка [Гилязетдинова, 2010: 139]. Они занимают особое место в словарном составе русского языка - тюркские влияния прослеживаются не только в словарном составе, но и в фразеологии и грамматике [Болгарова, 2016: 657].

Первый опыт сопоставления русских слов со словами восточных языков относится к 1769 году. Среди тюркизмов отмечены такие слова как *сундук, лошадь, бирюк, камыш* и другие.

Вместе с тем, проблема взаимодействия русского и тюркских языков, в отличие от проблемы заимствования западноевропейизмов, исследована в меньшей степени, так как отсутствует определённая методика исследования тюркизмов в конкретных славянских языках. Изучение тюркизмов в русском языке началось ещё в XIX веке. В XIX-XX вв. проблемами тюркологии занимались такие учёные, как И.И. Срезневский, Фр. Миклошич, Н.И. Ильинский, В.В. Радлов, А.М. Сухотин, Е.Д. Поливанов, Э.В. Севортян.

Тюркизм как языковое явление представляет заимствование слова или выражения из какого-либо тюркского языка, а также это может быть создание нового выражения по образцу тюркского слова или выражения, которое уже существует.

Тюркизмы по происхождению делятся на две группы:

1. Исконные тюркизмы – это слова, появившиеся в русском языке посредством непосредственного заимствования из тюркских языков и входящие в первоначальный словарный состав тюркских языков.

2. Исторические тюркизмы – это слова, появившиеся в русском языке из тюркских языков, но происхождение таких слов изначально не является тюркским; они появились в тюркских языках из других языков, например, как иранские, арабские, монгольский и др.

Тюркизмы, относящиеся к 1-ой группе, ведущие свое происхождение из тюркских языков, можно разделить по следующим тематическим группам:

1. Слова, обозначающие природные явления и географические объекты *буран, бархан, буерак, арык* и другие.
2. Слова, обозначающие объекты растительного мира: *камыш, жасмин, арбуз, банан* и др.
3. Слова, обозначающие предметы быта: *казан, арба, аркан* и подобные.
4. Названия одежды: *халат, зипун, кафтан, беешмет* и т.д.
5. Слова, служащие для обозначения объектов животного мира, птиц: *альбатрос, бурундук, ишак, беркут* и другие.
6. Слова, служащие для обозначения блюд, напитков: *каймак, кумыс, айран, кофе*.

В русском языке также имеются тюркизмы, которые обогатили административно-социально-экономическую терминологию. К ним относятся такие слова, как *хан, есаул, эмир, казна, аймак, вилайет, визирь* и другие. Некоторые из тюркизмов служат для обозначения религиозных понятий. К ним относятся такие слова, как *ислам, дервиш, бедуйн, гяур*.

Тюркизмы проникали устным путём, что способствовало порождению многообразных вариантов заимствований поэтому не случайно многим тюркизмам присущи вариантные формы, например, *чемодан, чамадан, чумадан; армяк, ормяк, ярмяк; бахча, бохча, бакша, бокча; изюм, узум; амбар, анбар* и т.д.

В разносторонних лексико-семантических преобразованиях, происходивших в русском языке, начиная с первой половины XVIII в., особое место занимает процесс развития переносных значений, который был характерен для заимствованных слов. Тюркизмам, как и западноевропейским заимствованиям, были свойственны изменения в семантике, способствующие выходу за пределы первоначальной сферы функционирования. Однако между теми и другими наблюдаются различия в направленности этих изменений: среди западноевропейских заимствований отмечается передвижение из специальных сфер употребления в общий язык, в тюркизмах, напротив, происходит перемещение в сферу специальной терминологии.

Западноевропейизмы, будучи в большинстве своём обозначениями отвлеченных, зачастую научных понятий, начинают использоваться как конкретные, бытовые представления об этих понятиях, например,

квадрат, куб, цилиндр. Тюркизмы, поддаваясь общей языковой тенденции, будучи по своей исходной семантике бытовыми словами, приобретают переносные значения и проникают в различные терминологические системы и в сферу отвлеченных понятий и представлений, например, *серьги* «украшение» – отростки у петуха и курицы под шеей; *колпак* «вид головного убора – абажур».

Для процесса заимствования западноевропейских терминов в некоторых случаях характерна дублетность наименования, лексическая избыточность, например, *виктория* – победа, *фрагмент* – отрывок. Иным было положение с тюркизмами, которые, являясь названиями новых, жизненно важных в повседневном быту реалий, например, *сундук, амбар, чулки, тулуп, карман*, заполнили свободные места в системе наименований. Поэтому тюркизмы долгое время были единственным средством номинации. В дальнейшем, вживаясь в русский язык, тюркизмы обрастают переносными значениями.

Явление лексической избыточности коснулось тюркизмов позднее, с притоком западноевропейизмов, которые в некоторых случаях сказались более жизнеспособными, что привело к образованию синонимических рядов: *башмак* – ботинок; *штаны* – панталоны - брюки.

Тюркизмы подверглись в русском языке фонетической, морфологической адаптации. Особый интерес представляют лексико-семантические преобразования, характеризующие трансформацию тюркизмов при их вхождении и освоении в лексико-семантическую систему русского языка.

Лексико-семантическое освоение сопровождается следующими семантическими процессами.

Сужение и конкретизация значения: например, слово *балык* получает значение «солёная и провяленная хребтовая часть красной рыбы». В тюркских, татарском, башкирском *балык* - свежая рыба.

Возможно *расширение значения*, например, слово *кулак*, которое в современном русском языке служит для обозначения означать «кисть руки, сжатая для удара», а также имеет значение технического термина «деталь в машинах». У слова «кулак» появляется также переносное значение. Оно служит для обозначения зажиточного крестьянина или скупца.

В качестве примера *изменения семантического значения* можно привести: слово *карга*, которое обозначает не только «ворону», но и злую старуху.

Рассмотрим историю слова *башмак*.

Башмак «Др. русское заимствование из татарского языка. Татарское башмак – «вид обуви» возникло, вероятно, лексико-семантическим способом образования из суц. Башмак – «годовалый телёнок», которое представляет собой суффиксальное образование от суц. баш – «голова» ... [Шанский, 2004: 38].

Слово *башмак* большинство исследователей относят к тюркским заимствованиям. Часть этимологов связывают слово *башмак* с тюркско-татарским корнесловом *баш* (голова). Другие (Будагов Р.А.) [Будагов, 1968 :10] считают, что татарское *башмак* (вид обуви) возникло в результате лексико-семантического способа словообразования на базе слова *башмак* (годовалый теленок, из кожи которого получалась самая удобная и мягкая обувь).

«Лексико-семантический способ образования новых слов в результате распада слова на омонимы, т. е. приобретение одной и той же лексической единицей разных значений». [Розенталь, 1985: 305- 306]. При этом в татарском языке слова *башмак* в значении вида обуви и в значении одно-, двухгодовалой телки – это омонимы. Они представлены в виде отдельных словарных статей в татарско-русском словаре [СЭ, 1966: 64].

Подобно тому, как в русском языке нельзя связывать литературное слово *борона* и диалектные *борона* (ссора, брань), также нельзя связывать слово *башмак* (вид обуви) и *башмак* (телка – башмактана), так как *башмак* в сочетании с *тана* означает обязательно нетелившуюся молодую корову. В огузском языке *башмак* – это вид обуви [Кошгарий, 2005: 443]. *Башмак* – это обувь типа полусапог, покрывающая щиколотку, лодыжку ноги, т. е. вид обуви, что доходит до щиколотки.

В русском языке, как в некоторых тюркских языках (татарском, узбекском), нередки образования, в которых производящей основой являются названия частей тела: *башлык* – наголовник, *борынчак* – наносник, намордник, *музенчак* – ошейник. Так, к примеру, в Словаре В. Даля приводится форма *налодыжник* [Даль, 1979: 435].

Интересно, что в тюркских языках, в частности, в татарском и узбекском, известны и другие слова с основой *баш*, выступающие в качестве названия части обуви или своеобразного вида обуви. Для обозначения носков в татарском языке известна форма *оск баш*, в узбекском *баш оск*.

Форма *башалтай* представлена двумя основами *баш* и *алтай* – кончик низа, нижней части (ноги, чулка). В корейском языке также встречается форма *palmak* (башмак), где *pal* означает нога.

Башалай состоит из основ *баш* и *алай*. *Ал* означает передний в диалектах узбекского языка, т. е. *ал* служит для обозначения кончика, головки передней части ноги.

Таким образом, слово *башмак* входит в одну словообразовательную парадигму с рассмотренными формами на основе общего смыслового компонента *баш*.

Корнеслов *мак* в данном случае является синонимичным в отношении к *ай* как средства образования слова со значением приспособления, предназначенного для предмета, указанного в производящей основе. Слово *башмак* обозначает предмет, надеваемый на переднюю ножную часть ноги, т. е. это «нащиколотка», «обувь для лодыжки». Носки – это тоже своеобразная «обувь» до щиколотки.

В конце XVIII в. в лексико-семантической системе русского языка наблюдается процесс архаизации, утраты значений и самих лексем. В тюркизмах указанный процесс также нашёл своё отражение. Он распространяется прежде всего на старые заимствования, что связано с выходом из употребления ряда тюркизмов, предопределённое устареванием самой реалии, например, *епанча*, *тамга* (клеймо), *ям* (почтовая станция).

Большинство тюркизмов как средство номинации новых реалий первоначально функционировали в качестве нейтральных. В дальнейшем часть из них, являясь обозначениями предметов устаревающих или устаревших, стала приобретать стилистическую окраску. Процесс устаревания реалии вызвал развитие у тюркизмов *развитие отрицательно-оценочного значения*, ср.: *кабак* – шум, беспорядок; *балахон* – не по размеру широкая одежда; *колпак* – простак; *тюфяк* – вялый, нерасторопный человек, *баран* – глупый человек, упрямый человек.

Заключение

Частотность употребления тюркизмов в русском языке, их активная словообразовательная способность, возможность сочетаться с прилагательными указывают на то, что тюркизмы освоены русским языком и адаптированы. В частности, использование лексики тюркского происхождения в русских былинах свидетельствует о ее освоенности русским языком. В контексте произведений фольклорного жанра тюркизмы рассматриваются уже как лексические единицы, приобретшие специфический лексический фон в русскоязычной культурной среде. Этот

лексический фон сформировался под влиянием ассоциаций, коннотаций и оценок, возникших в русской культуре.

Среди тюркизмов можно выделить три группы по степени освоенности. Во-первых, это тюркизмы, которые не ощущаются как чужеродные, представляют собой лексическое наследие русского языка, иностранное содержание которого выявляется только на уровне этимологии. К этой группе тюркизмов относятся такие слова, как *лошадь*, *товар деньги*, *чемодан*, *каблук*.

Во-вторых, это тюркизмы, которые также не воспринимаются как заимствования, но они не столь широко употребительны. Они преимущественно носят диалектный или разговорно-просторечный характер, например, *рундук* – ларь, *елань* – поляна, *кизяк* – навоз в форме кирпича, *саман* – измельченная солома, *бахилы* – вид обуви.

И в-третьих, особую группу представляют тюркизмы, которые имеют широкое распространение и довольно активное употребление, но сохранили иноязычность, ввиду несвойственности русскому быту самих реалий. К ним относятся такие слова, как *папаха*, *чапан*, *гарем*.

Взаимодействие славянских и тюркских языков на протяжении всей истории народов было настолько положительным и активным, что оставило глубокие следы в языке этих народов.

Среди заимствований из неславянских языков выделяются западноевропеизмы и тюркизмы, которые можно развести по сферам использования.

Западноевропейские заимствования употреблялись в общественно-социальной военно- дипломатической, научной, культурной сферах русской жизни.

Тюркизмы представляли, в основном, наименования, относящиеся к быту.

Если западноевропеизмы отличали «размытость», неопределённость значений, то тюркизмы входили в русский язык как однозначные слова, обозначающие конкретные бытовые реалии.

Западноевропейские заимствования проникали через письменный путь, тюркизмы входили в русский язык путём устного общения, что предопределило вариантность форм.

Литература

- Биржакова, Е.Э. *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века* / Биржакова Е.Э., Воинова Л.А., Кутина Л.А. *Языковые контакты и заимствования*. Л.: Наука, 1972. 431 с.
- Болгарова, Р.М., Исламова, Э.А. *Особенности семантики и функционирования тюркизмов в сравнениях русского языка // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4-8 октября 2016 года)*. СПб.: РОПРЯЛ, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 656-660.
- Будагов, Р.А. *Типы соответствия между значениями слов в родственных языках // Филол. Науки*. 1968. №5. С. 3-20.
- Будагов, Р.А. *История слов в истории общества*. 2-е изд., доп. М.: Добросвет-2000, 2004. 256 с.
- Гилязетдинова, Г.Х. *Фонетическая адаптация ориентализмов в русском языке XV-XVII вв. // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. Т. 152, кн. 6. Казань, 2010. С. 11-24.
- Даль, В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. т.2. М.: Русский язык. 1979. 780 с.
- Кошгарый, М. *Кошгарый Махмуд Девону луготиттурк*. Алма-Ата: «Дайк-Пресс», 2005. 1288 с.
- Крысин, Л.П. *Иноязычные слова в современном русском языке*. М.: Наука, 1968. 208 с.
- Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.Э. *XI–XVIII. Словарь-справочник лингвистических терминов*. М.: Наука, 1985. 399 с.
- Шанский, Н.М. и др. *Краткий этимологический словарь русского языка*. 3-е изд., испр. Москва: Дрофа, 2004. 399 с.
- Юналеева, Р.А. *Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования)* Казань: Таглимат, 2000. 172 с.

УДК 81`4

Погорелая Е.А.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА

**Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко
Тирасполь, Приднестровье**

Методологическая платформа лингвосинергетики предполагает рассмотрение языка как открытой, динамичной, нелинейной самоорганизующейся мегасистемы, подсистемы и элементы которой не только когерентно сопряжены, но и управляются параметрами порядка. Нелинейная модель прочтения текста не только увеличивает смысловую глубину текста, но и включает его в контексты технологически обновленного информационно-коммуникативного пространства. Автор статьи ставит цель выявить возникающие в процессе действия бифуркационного механизма контексты, влияющие на новую интерпретацию смыслового пространства текста. Текст – важнейший компонент мегасистемы языка, поэтому в данной статье предлагается синергетический подход к анализу смыслового пространства текста, что позволяет вскрыть глубинные механизмы динамики взаимодействия авторского и читательского сознаний, а также интердискурсивных энергий семиосферы. Двойственная природа текста рассматривается в статье как основа расширения диапазона интерпретаций текста как полисмыслового феномена современного информационно-коммуникативного контекста. В статье подчеркнуто, что бытие текста в традиционной прагматилистической и синергетической парадигмах создает различный ракурс креативности взаимодействия автора и читателя, что увеличивает или сокращает набор возможностей интерпретации смыслового пространства текста. Доказано, что слияние энергетических начал в тексте делает его зоной бифуркации, открытой для множества интерпретаций. Перспектива дальнейшего эффективного исследования границ смыслового пространства текста возможна при условии учета не только его лингвистически значимых характеристик, но и важнейших

параметров теории современной междисциплинарной синергетической парадигмы.

Трансдисциплинарная методология, синергетическая парадигма, смысловое пространство, самоорганизация смысла, зона бифуркации, когерентное поведение

Введение

Эффективная динамика современной науки будет возможной, если исследователи сформулируют новые методологические основы перевода достижений отдельных дисциплин, тщательно оберегающих свое внутреннее интеллектуальное пространство, во внешнее трансдисциплинарное пространство, которое становится возможным благодаря инновационным трендам, основанным на холистическом (целостном) видении реальности.

Использованная ранее методология была обращена к изучению языка как системы в статике, изучение же системы языка в динамике активизирует лингвистические описания языковой системы на основе синергетики для полноценного выявления процессов самоорганизации текста и дискурса как трансдисциплинарного интеллектуального пространства.

Как известно, уже в процессе становления лингвистики как самостоятельной дисциплины на каждом из этапов ее развития возникала проблема поиска методологической основы для описания ее специфики. Даже сущность и природу языка как духовного феномена лингвисты пытались определить в рамках интеграции с другими дисциплинами в контексте доминирующей научной и философской парадигмы. Из монодисциплинарной, предполагающей четкую определенность своего объекта и предмета изучения, лингвистика превращается в междисциплинарную, что указывает на открытость и проницаемость ее границ.

Междисциплинарность – это мощное движение в научных исследованиях XX века, это своеобразный синтез теоретических знаний, полученных в разных дисциплинах, это комплексная кооперация технологий, знаний, навыков и умений для решения поставленных научных проблем. Позитивный смысл междисциплинарности – это уход от дисциплинарной ограниченности, излишней дифференциации и переход к трансдисциплинарности.

В узком смысле трансдисциплинарность означает интеграцию различных форм и методов исследования для рассмотрения проблем различной степени сложности, в широком же смысле слова трансдисциплинарность означает интеграцию, единство знания за пределами конкретных дисциплин с учетом существования нескольких уровней реальности, поэтому трансдисциплинарность выступает сегодня той методологической стратегией научных исследований, следуя которой можно уйти от гиперспециализации, ведущей к раздробленности знания. И речь здесь идет не только о связи воедино дисциплинарных знаний, а о комплексе знаний и технологий, знаний и деятельности, традиций и новаций; трансдисциплинарный подход способен стимулировать синергию между дисциплинами, ведущую к подлинной интеграции знания, что позволяет справиться с многоуровневой сложностью мира.

Интеллектуальный вызов современным лингвистам – заменить междисциплинарный подход холистическим, используя трансдисциплинарную стратегию анализа языка – текста – дискурса. Язык – это открытая саморазвивающаяся сложная система, поэтому в целях эффективного изучения и функционирования аспектов его структуры в различных неустойчивых коммуникативных средах лингвистам необходимо использовать именно трансдисциплинарный подход, обеспечивающий описание синергетического единства языка в его многообразии.

Думается, что инновационная траектория современного развития лингвистической науки не может рассматриваться вне постулатов синергетики, а это предполагает совершенно иную интерпретацию языка и его важнейших компонентов, включая текст. В этой новой перспективе сам феномен языка получает текстовую трактовку; понятие текста обретает онтологический смысл.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы оценить потенциальные возможности трансдисциплинарной методологии описания смыслового пространства текста с учетом синергетической парадигмы. Основная задача автора статьи состоит в попытке показать на основе принципов современной лингвосинергетики возможности широты диапазона интерпретаций смыслового пространства текста. Материалом описания выступают теоретические результаты, получившие отражение в трудах ведущих специалистов по лингвосинергетике. Методы, использованные в работе, разработаны специалистами в рамках филологического анализа с привлечением сопоставительного, таксономического и описательного методов с его многочисленными методиками.

Синергетический подход к анализу смыслового пространства текста

Текст – это сложный феномен, который рассматривается в науке о языке длительное время, поэтому только в отечественном языкознании можно выделить три периода выявления параметров его сложности. Исключительно количественные параметры текста оставались в поле зрения исследователей почти весь XX век, затем наступает период, когда количественные параметры текста дополняются его качественными характеристиками; наконец, на рубеже веков уже сформированные количественные и качественные параметры сложности текста рассматриваются с привлечением возможностей компьютерных программ. Выявленный спектр параметров сложности текста в последние десятилетия получает новую трактовку в рамках трансдисциплинарного подхода с учетом категорий синергетики: впервые в процесс оценки сущности текста, диапазона его смысловых интерпретаций включаются такие понятия, как повествовательность, синтаксическая простота, относительная целостность, конкретность языковых единиц, глубинная целостность, или средства глубокой связи, индекс читабельности в контексте синхронической и диахронической интертекстуальности и другие контексты. В этом ряду стоят и попытки применения математических моделей при анализе сложности текста в учебно-образовательных целях. Назовем лишь работы отдельных авторов – [Пушкина, 2004], [Невдах, 2009], [Солнышкина, Кисельников, 2015].

Именно синергетический подход позволяет проследить влияние коммуникативной среды на содержание речевых произведений. В рамках синергетики коммуникативная среда языка – текста – дискурса выступает не внешним фактором, а непосредственным участником такого коммуникативного процесса, где смыслообразование организуется диалектикой контекста и всего текста. Если язык рассматривать с позиций функциональной лингвистики, то единственной средой его существования становится непрерывная контекстная система взаимодействий, в которую включена ценностная ткань всей культуры общества.

В рамках синергетического подхода текст может и должен рассматриваться как природный объект, который подчиняется универсальным законам, единым для всех происходящих в природе процессов. Он антропоцентричен и потому становится зоной бифуркации в процессе энергетического взаимодействия абсолютной авторской свободы и свободы воспринимающего сознания читателя. Парадокс состоит в том, что закрытое

пространство текста и устойчивость авторского замысла в процессе прочтения открываются читателем, который превращает его в элемент своего культурного дискурса. В итоге контексты самоорганизации дискурсивного пространства читателем предопределяют смысловую неустойчивость и неопределенность текста и всех его компонентов, что порождает целый веер интерпретаций, каждая из которых зависит от субъективных особенностей читателя и объективного состояния внешней среды. Текст в таком понимании становится дискурсом, где на первый план выходят контекстуальные параметры, от которых зависит степень устойчивости/неустойчивости смысловой нагрузки текста, которая превращается в гипертекст.

Текст и контекст, как известно, это системные составляющие дискурса. Если акцентировать внимание на том, что цель любого типа дискурса – максимально организовать взаимодействие адресанта и адресата и при этом в контексте сказать больше, чем содержит текст, то необходимо признать, что текст и контекст (по И.Р. Гальперину подтекст) в художественном (поэтическом) дискурсе моделируют друг друга, связаны иерархически, но противостоят друг другу как имплицитное и эксплицитное. Такое противостояние (полярность) нивелируется работой такой синергетической категории, как параметр порядка, который под влиянием целевого аттрактора выбирает для данного типа дискурса необходимые композиционно-речевые (языковые) структуры. Выбор лексических единиц или структур ведет к сжатию информации для более краткого и образного ее выражения. Так под влиянием аттракторов цели формируется смысл текста. Процессы тексто- и контекстообразования путем сжатия информации возможны только в неравновесных состояниях системы, между элементами которой нет четкой границы, но в каждом из феноменов работает своя система аттракторов. С этим можно соглашаться, но помнить, что в лингвосинергетике до сих пор остаются неразрешенные проблемы, связанные с синергетическим контекстом анализа текста:

1) каковы языковые и речевые средства поляризации текста и контекста в дискурсе?

2) какой способ подчинения выбран для данной поляризации, т.е. что выступает параметром порядка?

Решение этих вопросов даст возможность лингвистам построить эффективный алгоритм исследования дискурса в рамках синергетической парадигмы и получить ответ на вопрос, как же конкретно в каждом типе дискурса происходит порождение текста и контекста, способных

моделировать не только друг друга, но и окружающую среду. Текст – контекст – подтекст художественного дискурса в рамках синергетической парадигмы рассматриваются как среда, в которой синергия автора включается в общий процесс коллективного творчества: писатель (поэт) вступает в диалог с предшественниками и современниками, подключая их для представления своей авторской концепции в художественном дискурсе эпохи. Подключаясь к интерпретационному каналу, читатель подключает среду, в которой сквозь конкретный художественный текст проходят другие, часто разновременные тексты.

Качественные признаки нелинейности системы воплощаются в таких характеристиках, как многомерность, хаотичность, открытость, неоднозначность, необратимость, самоорганизация. Они предопределяют перемещение текста по отношению к ядру семиосферы в зависимости от его востребованности. Как полисмысловой феномен текст в этом отношении коррелирует с такими концептами, как гипертекстуальность, взаимопересечение, взаимоналожение, которые в современной естественной среде и виртуальной реальности определяют не только нелинейность движения в современной семиосфере, но и темпы обмена информацией, скорость, плотность и динамизм информационных потоков.

Среди многочисленных категорий синергетики центральной выступает категория, которую называют параметром порядка. От ее состояния зависит поведение остальных элементов динамической нелинейности открытой языковой системы, и в частности, системы поэтического языка. Языковая система находится в стабильном состоянии, если она сохраняет такие параметры порядка, к числу которых относятся словарные значения языковых единиц, нормативность грамматических категорий, стандартность словообразовательных моделей, синтагматических и парадигматических связей и т.д. Изменение указанных и ряда других языковых параметров порядка ведет к качественному изменению самой системы, когда нормативность становится ненормативностью, стандартность – нестандартностью, узуальность – неuzuальностью...

Количество и качество текстовых и грамматических маркеров в контексте определяют степень синергетичности текста. Если изменение параметров порядка рассматривать как превращение их в маркеры синергетичности, то можно оценить и сами процессы самоорганизации глубинного смысла текста. Нестандартные синтагматические связи лексем, специфическое проявление и оформление грамматических категорий, лексикализация, интертекстуальность, дискурсивность и другие языковые и

текстовые маркеры синергичности в тексте дают возможность выявить коэффициент синергичности текста и сформулировать его определение. Синергетический текст – это текст множественного кодирования, представляющий собой совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов, благодаря которым и формируется феномен его глубинного смысла.

Заключение

Современный информационно-коммуникативный контекст заметно расширяет диапазон интерпретации семиотического пространства текста, порождая в его динамичной среде все новые и новые смыслы. Смена моделей, определяющих механизмы прочтения и осознания смыслов текста, от циклической и линейной к нелинейной свидетельствует о том, что не только плотность информационных потоков требует мобильного движения по тексту из любой его точки к другой внутри текста или к другому тексту в семиотическом пространстве. Сама природа текста, его внутренняя текстовая среда выступает как нестабильный полисмысловый феномен, не имеющий четких границ, а значит, адресат, опираясь на нелинейную модель прочтения, конструирует свою версию смысла. Возникает новый контекст, и он состоит в личностном контакте адресата с внутренней организацией текста; так увеличивается число толкований текста, а значит, и количество текстов в семиотическом пространстве. И, как следствие, увеличивается плотность информационного потока, в рамках которого каждый адресат наращивает число текстов. В результате такого мультипликативного взаимодействия с исходным текстом и его смыслом адресат делает выбор в пользу одной из возможных матриц прочтения смысла текста. Если вспомнить, что линейные системы функционируют под воздействием внешних сил, то нелинейные изначально внутренне активны, и эта внутренняя среда текста, оставаясь динамичной, изменчивой, вариабельной, адаптируется к адресату и внешней среде, порождает варианты прочтения и выбора одного из смысловых направлений в зависимости от ветвления в точках бифуркаций или полифуркаций как элементов выбора возможного пути часто непредсказуемого ходом текста смысла. Они – источник появления инноваций, расширения диапазона интерпретаций, в результате которых в динамичной среде текста появляются новые смыслы.

Выводы

Рассматривая текст сквозь призму таких категорий синергетики, как нелинейность, неустойчивость, диссипативность, бифуркация,

следует признать, что текст – это динамичная саморазвивающаяся нелинейная система, открытая по отношению к окружающей среде, а значит к контексту в форме контакта с адресатом и условиями прочтения.

Перспектива дальнейшего описания смыслового пространства текста будет зависеть от исходной методологической установки, связанной или не связанной с синергетической парадигмой. Плотная и в значительной степени усложнившаяся организация пространства и времени в художественном тексте стала все чаще уподобляться внутренней речи, в рамках которой слово представляет собой концентрированный ступок смысла. Глубокий филологизм анализа художественного текста связан с исключительным вниманием исследователей к слову, его реальным и потенциальным возможностям, поиску пределов сохранения словом своего значения. Создатели текстов все активнее начинают освобождать языковые единицы от любой синтагматической зависимости, а процесс формирования языкового значения получает экзистенциальный смысл. Контекст при этом поддерживает нарушение устоявшейся нормы, расширяет, размывает и часто полностью меняет границы лексических и грамматических значений слова. В таких контекстах благодаря синергетической опоре внутренняя самоорганизация современного художественного текста способна формировать свои механизмы появления глубинных смыслов. Исключительное значение для понимания механизма появления глубинного смысла художественного текста имеют так называемые маркеры синергетичности: адресант и адресат, как творящее и воспринимающее сознание, культурные ценности и этнические (национальные) ориентиры, интертекстуальные связи и «большое время» (термин М. Бахтина), значение которого проявляется в условиях коммуникации и временной дистанции между автором и читателем.

Литература

- Белоусов, К.И. *Синергетика текста : от структуры к форме*. М. : Либроком, 2008. С. 248.
- Герман, И.А. *Лингвосинергетика: монография*. Изд-во Алтайск. акад. экон. и права. Барнаул, 2000.
- Гончарова, Е.А. *О синергетическом характере категории «автор» как объекта лингвистической интерпретации // Вестник Балт. ун-та им. И. Канта*. 2012. Вып. 2. С. 30-38.

Моисеева, И.Ю. Синергетическая модель текстообразования: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Челябинск, 2007. 46 с.

Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: УРСС, 2003.

Невдах, М.М. Применение информационных технологий в исследовании текстов // Труды БГТУ. Серия 4 : Принт- и медиатехнологии. 2009. №9. С. 77-81.

Пиотровский, Р.Г. Лингвистическая синергетика : исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб., 2006.

Пихтовникова, А.С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений: монография. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2012. С. 180.

Пушкина, Е.С. Теоретико-экспериментальное исследование структурно-семантических параметров текста : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Кемерово, 2004. 55 с.

Солнышкина, С.И. Сложность текста : этапы изучения в отечественном прикладном языкознании / С.И. Солнышкина, А.С. Кисельников // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2015. № 6 (38). С. 86-99.

УДК 811.161.2:398

Токарев Г.В.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ ПРИМЕТ, СВЯЗАННЫХ С БРАКОМ И СЕМЬЕЙ

**Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Тула, Россия**

Статья посвящена актуальному для лингвокультурологии вопросу изучения символика текстов культуры. Приметы, связанные с семьей и браком, рассмотрены путём применения метода лингвокульту-

Theory and Practice of Communication / Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko, Tiraspol, February 21-22, 2024, Volume 1.

рологической интерпретации. В ходе исследования реконструированы представления, нормы, запреты, объективированные данными приметами, рассмотрены причины использования знаков культуры. Выявлено, что приметы, связанные с семьёй и браком, отражают представления о силе прогнозирующего единства будущих супругов, о сопутствующей молодожёнов нечистой силе, о времени совершения свадебного обряда. Приметы объективируют ритуалы, нормы и запреты. Запреты, объективированные приметами, отражают сакральные стороны русского быта. Приметы воплощают знаковые для русского человека явления, которые интерпретируются как положительно, так и отрицательно. В ряде примет находят своё отражение обереги.

Семья, брак, примета, язык, культура, тезаурус культуры, симболарий культуры

Введение

В русской лингвокультуре немало примет, связанных с семьёй и браком, что подчёркивает ценность данных категорий. Целью настоящей статьи является экспликация культурных норм и запретов, связанных с заключением брака и объективированных в тексте примет.

С точки зрения отражённых приметами представлений можно выделить группы примет.

Приметы как уникальный культурный текст

Приметы, отражающие представления о силе прогнозирующего единства будущих супругов.

Так, на девичнике невесте нужно дарить парные предметы. Парность символизирует мужа и жену. В примете: молодые должны сидеть на свадьбе на одной скамейке – общая скамья символизирует будущую совместную жизнь. Аналогичные смыслы объективируют приметы: после венчания жених и невеста должны посмотреться в одно зеркало, жених и невеста должны одновременно задуть венчальные свечи. Одновременное совершение какой-либо ритуальной практики выступают знаками, прогнозирующими дальнейшую совместную жизнь.

Приметы, отражающие представления о сопутствующей молодожёнов нечистой силе.

В данных приметах ритуализируются практики, направленные на запутывание нечистой силы: жених должен ехать к венцу одной дорогой, а невеста другой; молодожёны должны ехать венчаться по одной дороге,

а возвращаться по другой; свадебный кортеж должен совершить круг; не следует ехать по прямой дороге. Запутать нечистую силу призваны и такие ритуалы, в которых всё делается наоборот: невеста в день свадьбы должна поплакать, во время застолья нужно бить посуду (звуки должны отпугнуть нечистую силу или заставить её делать наоборот – не разрушать, а сохранять целым).

Приметы, связанные с представлениями о времени совершения свадебного обряда.

Так, о будущей свадьбе нужно договариваться на Крещение, так крепкий брак сулит женитьба на Казанскую, на Красную горку, на Масленицу, в субботу; летний и осенний брак. Обращает внимание на себя то, что создание семьи, по народным поверьям, лучше связывать с праздниками. Коннотации тепла, урожая оказывают влияние на интерпретацию данных времен года как наиболее желательных для заключения брака. Соответственно, у данных хронологических номинаций формируются коннотации, связанные с благоприятным временем заключения брака, формируемые под влиянием типичных культурных практик. Напротив, брак, заключённый в мае, в воскресенье не сулит ничего хорошего – языковые факторы влияют на культурную интерпретацию: мы имеем в виду созвучие глагола *маяться* с названием месяца *май*.

В приметах могут быть отражены ритуалы, нормы и запреты.

Ритуалы воплощают традиции русской свадьбы. Вербализованные ритуалы носят оберегающий характер: жених должен перенести невесту через мост (через семь мостов) и через порог родного дома. Мост, порог являются символами границы своего и чужого пространства, некими сакральными местами, в которых сосредотачиваются недобрые силы. Чтобы предупредить их влияние на невесту, жених должен помочь ей преодолеть это препятствие.

После венчания невеста должны раздать мелочь: это сулит семейную жизнь в достатке. Ряд ритуалов: подержаться за платье невесты, по пятницам поститься, перевязать две осины поясом, девушке отдать на Пасху полотенце, которым она утиралась в чистый четверг – выступают в качестве практик, прогнозирующих будущее замужество.

Особую группу составляют приметы, связанные с ритуальными повторами: молодых нужно обвести три раза вокруг праздничного стола, на свадьбе должно быть нечётное число гостей. Как видим на формирование данных представления ритуала оказывают архетипические представления о чёте/нечёте. Для русского сознания нечётное число овеяно

представлениями, связанными с точностью верификации. Достаточно вспомнить три испытания, которые проходят героини волшебных сказок.

Запреты, объективированные приметами, отражают сакральные стороны русского быта. К ним относится, например, подвенечное платье, которое не должен видеть до дня свадьбы жених; брачная кровать, на которую нельзя смотреть или садиться кому-либо, кроме молодожёнов. Подоконник, порог, угол стола также осмысляются сакральными местами, сосредотачивающими негативную энергию: как границы своего и чужого пространства. Острые предметы: ножницы, вилки, ножи – прочитываются культурным сознанием как символы разрушения.

В языке запечатлён целый ряд недопустимых практик, совершение которых может привести к негативным последствиям: замужним подругам нельзя платить выкуп; когда едут в церковь – нельзя оглядываться назад; нельзя поправлять одежду на невесте или женихе; наступать кошке на хвост, передавать воду через порог, заплетать в Благовещение косу, носить кольцо до замужества на левой руке, наливать девушке в бокал остатки вина, обметать веником вокруг себя, снимать скатерть перед гостями, сватьям занимать соль, мужу и жене есть одной ложкой. Многие из вербализованных практик основаны на аналогии: крутить на пальце кольцо – расшатывать семейную жизнь, ехать по плохой дороге – плохо жить в браке; короткие рукава подвенечного платья – недолгая семейная жизнь.

Приметы могут отражать знаковые для русского человека явления, которые могут интерпретироваться как положительно, так и отрицательно. К первым относятся звон колоколов во время венчания, снег, дождь, если невеста зацепилась за порог правым каблуком, зерно или крошка, найденные в мусоре под Новый год. Положительная семантика объясняется влиянием культурного опыта и памяти: колокольный звон отгоняет нечистую силу, дождь и по аналогии с ним снег, зерно связаны с представлениями о плодородии, витальной силе. Правая сторона осмыляется как чистая, правильная.

Ко второй группе можно отнести вдову, разведённого, бездетного человека, поскольку они интерпретируются как сущности, таящие угрозу для молодожёнов. Например, таких людей не приглашают для приготовления праздничного угощения.

К недобрым знакам относят разбитое зеркало, сильный ветер в день свадьбы, обронённое кольцо в день свадьбы, треск свечей, сломанный каблук невесты. С зеркалом были связаны представления об ином мире.

Сильный ветер ассоциировался с беспокойной семейной жизнью. Остальные из указанных знаков были связаны с отступлением от нормы, которое трактуется как нечто необычное и негативное.

В ряде примет находят своё отражение *обереги*: в одежде невесты и жениха должны быть воткнуты булавки, перед венчанием невеста должна положить под подушку зеркальце, в день бракосочетания под порог нужно положить открытый замок, когда молодые переступят порог, замок нужно закрыть, в ключ выбросить, невеста должна положить монетку в туфлю.

Обереги отражают представления о защитной функции сакральных предметов. Острая булавка должна отпугнуть злые силы, монетка символизирует достаток, а закрытый замок – крепкие семейные узы.

Заключение

Таким образом, приметы представляют уникальный культурный текст, отражающий наиболее значимые элементы культурного символа-рия: ритуалы, нормы, запреты, обереги. Приметы отражают суеверия русского народа, желание предупредить негативные события, значимость брака и семейной жизни.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Никитина, Т.Г. *Большой словарь примет*. М.: АСТ: Астрель, 2009. 687 с.
- Телия, В.Н. *Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Шк. «Яз. рус. культуры». 284 с.
- Токарев, Г.В. *Лингвокультурный символарий: квазисимволы*. Тула: ТППО, 2021. 113 с.
- Токарев, Г.В. *Краткий словарь русских лингвокультурных единиц*. Тула: ТППО, 2020. 273 с.
- Токарев, Г.В. *Словарь лингвокультурологических терминов*. Тула: ТППО, 2022. 57 с.

УДК 81`42:070:177

Яковлев М.В.

ТЕКСТЫ И ПОДКАСТЫ ФИЛОСОФСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

**Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия**

В последнее время растет запрос общественности на познавательные материалы, повышается роль новых медиа, в связи с чем увеличивается значение текстов и подкастов в деле формирования духовных ценностей. В статье на материалах проведенного автором экспертного опроса создателей текстов и подкастов в российских новых медиа философской направленности выявляются особенности текстов и подкастов как средств формирования духовных ценностей, а именно: направленность на информирование аудитории об основах учений и о концептах ведущих интеллектуалов, создание, главным образом, видео- и текстовых жанровых форм (видео-подкастов и статей), выраженная самоцензура, доминирование специалистов в области философии. Привлекательность текстов и подкастов философской журналистики в том, что они способствуют снижению тревоги и беспокойства в обществе, позволяют публике более точно и полно узнать о причинах проблем и возможных решениях, знакомят с достижениями социально-гуманитарных наук и концепциями ведущих интеллектуалов, обращают внимание массовой аудитории на смысл жизни и ее ценности, иными словами, способствуют интеграции, адаптации и просвещению граждан.

Качественная пресса, новые медиа, подкаст, просветительская функция медиа, журналистский текст, философская журналистика

Введение

Во время постправды и нарастания турбулентности в социально-политической реальности увеличивается запрос общественности на

материалы, в которых события не просто анализируются и обобщаются, но и разъясняются в более широком контексте с учетом исторических закономерностей, доминирующей системы ценностей, влияния на будущее человечества, точек зрения известных интеллектуалов. Эта тенденция проявляется в росте популярности медиа философской направленности в цифровом медиaprостранстве и всё большей востребованности философской журналистики. В этих условиях тексты и подкасты философской журналистики становятся более влиятельным инструментом формирования духовных ценностей в обществе.

Журналисты медиа все чаще приглашают философов для записи подкастов с последующим размещением в Интернете. Так делают и медиаконгломераты (BBC: bbc.co.uk/programmes/b01nmlh2), и новые медиа, в которых участвуют профессиональные журналисты (совместный проект The Institute for Philosophy in Public Life и Эшли Толберг и др.). В свою очередь, преподаватели философии создают собственные каналы, с помощью которых ведут информационную работу, участвуя в движении гражданских журналистов и реализуя просветительскую функцию медиа.

Например, в США преподаватель компьютерных наук Чикагского университета Мэт Тейкман записывает подкасты с философами (shows.acast.com/elucidations), группа специалистов по философии выпускает подкаст The Badlands, в котором рассматриваются актуальные политические проблемы с точки зрения современного прогрессивизма и т.д. В России наиболее известны ресурсы Хайсократс (hisocrates.com), Инсоларанс Калт (insolarance.com), Неискусственный интеллект (youtube.com/@dmitry_volkov), которые ведутся преподавателями философии и другими коммуникаторами.

Методология исследования

В октябре-декабре 2022 г. на условиях анонимности был проведен индивидуальный опрос восьми коммуникаторов в один тур – авторов и редакторов российских новых медиа философской направленности (видео-подкастов). Участники рассказали о методах, содержании и стиле, миссии, мотивации, целеполагании своей работы. Выборка получена путем направления предложения о содействии в научном исследовании с прилагаемыми вопросами. Для соблюдения принципа однородности условиями для участия стали следующие условия и характеристики опрашиваемых: возраст от 30 до 55 лет, постоянное участие в подготовке материалов для нового медиа философской направленности.

Краткий топик-гайд составили два блока вопросов: как бы вы описали философскую журналистику в современной России; в чем особенности философской журналистики в России в сравнении с другими странами; какие философские темы и идеи сейчас актуальны и привлекают наибольшее внимание российской аудитории; как вы считаете, кто играет ведущую роль в развитии российской философской журналистики: философы, представители журналистского цеха, блогеры, самостоятельные авторы или кто-то другой; как бы вы оценили перспективы взаимодействия авторов из разных сфер в деле развития философской журналистики в России? Как бы вы описали новые медиа философской направленности в современной России? Какие наиболее важные тренды в развитии российских философских новых медиа вы бы отметили за последние пять лет? В чем особенности новых медиа философской направленности в России по сравнению с другими странами? Какова должна быть ориентация философских новых медиа: повышение качества и приближение к высоким стандартам профессиональной журналистики, удовлетворение информационных потребностей массовой аудитории, коммерциализация или другое?

Экспертный опрос позволил собрать, сопоставить, в первом приближении перекрестно проверить данные и оценки разных типов и определить наиболее общие их черты, выявить тенденции и закономерности.

Легко заметить, что основная ставка сделана на качественное исследование, что связано со своеобразием предмета – сильно выраженным акцентом на содержание текста (идеи) и стиль изложения, а не на форме и технологии подачи контента, хотя последние занимают весьма заметное место, разумеется, в силу самой природы подкастов как мультимедийных проектов.

Результаты исследования

В основе видео-подкаста лежит текст. Почти все видео-подкасты имеют весьма продолжительный хронометраж – в среднем 50 мин. Как правило, это или монологи, или беседы в студии. И те, и другие характеризуются довольно медленным темпо-ритмом, высказывания продолжительны и затянуты, что, например, на ТВ или радио сразу же резко отрицательно сказалось бы на рейтинге передачи. Иллюстрирующие видеосюжеты, опросы на улице и другие привычные для ТВ и радио структурные элементы практически не вводятся в материалы.

Незаметно, чтобы авторы нежурналистской профессии активно использовали приемы журналистского мастерства и широко применяли теорию жанров при создании своих материалов.

Ясно, что жанровые характеристики подкаста несколько отличны от радио-, телепрограммы, однако, при его производстве вряд ли стоит оставлять без внимания динамизм подачи информации, теорию жанров, проверенные приемы мастерства радио- телеведущего прямого эфира (или передачи в записи), которые универсальны и могут только улучшить качество видео (или аудио), оживить подачу, привлечь зрителей/слушателей записи или прямой потоковой передачи изображения (стрима). То же самое относится и к статьям.

На вопросы, касающиеся особенностей российской философской журналистики и философских новых медиа, а также о наиболее интересных для россиян философских темах, участники опроса, в целом, затруднились ответить. Также они не оказались готовы ответить на вопросы о наиболее важных трендах в развитии новых медиа философской направленности в России и о том, как можно в общем описать новые медиа философской направленности в современной России.

Объяснение различия в подходах к созданию материалов в российских и зарубежных проектах подтверждается опросом коммуникаторов, создающих материалы для философских новых медиа. Все опрошенные являются специалистами по философии, не имеют журналистского образования. Из их ответов следует, что они не осознают себя сопричастными единому медиадвижению с общей социально-информационной миссией. Каждый из них по отдельности продвигает свои проекты.

Целями (ориентацией) создания материалов было названо познавательное информирование аудитории, ее ознакомление с результатами своей работы, удержание внимания имеющихся и привлечение новых подписчиков, расширение известности и узнаваемости (паблисити) в информационном поле (в т. ч. в коммерческих целях). Никто из опрошенных не указал, что в основе формирования контента лежит ориентация на повестку дня и интересы аудитории. Чаще всего темы выбираются спонтанно, зависят от интересов собеседника, которого удалось пригласить в студию.

Только двое опрошенных подтвердили, что владеют приемами журналистского мастерства и применяют их в производстве контента. Они же сообщили, что имеют приблизительный план выпусков на месяц-два, заранее готовят письменный сценарии для интервью-бесед. Остальные

опрошенные удовлетворяются мысленным представлением (замыслом) и предпочитают свободный разговор по мотивам заявленной темы. Выбор платформы youtube и жанров видео обусловлен высокой популярностью хостинга.

Ведущую роль в развитии российских философских новых медиа, по мнению опрошенных, сегодня играют специалисты по философии. При этом отмечается, что для взаимодействия авторов из разных сфер в деле развития философских новых медиа в России есть большие перспективы.

Заключение

Выделяются следующие особенности текстов и подкастов как средств формирования духовных ценностей, а именно: направленность на информирование аудитории об основах учений и о концептах ведущих интеллектуалов, создание, главным образом, видео- и текстовых жанровых форм (видео-подкастов и статей), выраженная самоцензура, доминирование специалистов в области философии.

Философская журналистика укрепляет позиции в цифровом медиапространстве, растет число новых медиа философской направленности и их подписчиков. Привлекательность текстов и подкастов философской журналистики заключается и в том, что они способствуют снижению тревоги и беспокойства в обществе, позволяют публике более точно и полно узнать о причинах проблем и возможных решениях, знакомят с достижениями социально-гуманитарных наук и концепциями ведущих интеллектуалов, обращают внимание массовой аудитории на смысл жизни и ее ценности, иными словами, способствуют интеграции, адаптации и просвещению граждан.

Литература

Yakovlev, M.V. Ready to go! The next generation of mobile highly skilled workforce in the Russian petroleum industry / G. Saxinger, E. Öfner, E. Shakirova, M. Ivanova, M. Yakolev, E. Gareyev // Extractive Industries and Society. 2016. Vol. 3 № 3. P. 627-639.

Яковлев, М.В. «Я Готов!»: новое поколение мобильных кадров / Г. Саксингер, Э. Офнер, Э. В. Шакирова, М. Е. Иванова, М. В. Яковлев, Э. С. Гареев // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 73-103.

УДК 81`25:070:004.55

Бекоева И.Д.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТРАНСЛИНГВАЛЬНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

**Юго-Осетинский государственный университет
Цхинвал, Республика Южная Осетия**

Транслингвальный медиатекст и репрезентации этноспецифичных геортонимов, выявленные в анализируемых фрагментах, представляют собой сложный объект исследования в силу своей принадлежности к разным языковым системам, так как, в отличие от ситуации перевода, когда есть исходный язык и язык перевода, в случае с текстами, продуцируемыми авторами билингвами на языках, один из которых – родной, а другой не является для автора этнически родным, рассматриваются два исходных языка и один язык перевода. Перевод на английский язык геортонимов, объективируемых в осетино-русских транслингвальных текстах представляет особую сложность, вызывая необходимость выработать единообразный подход к выбору способов перевода, чем и обусловлена актуальность исследования. Цель данного исследования – выявить специфику формирования переводческих соответствий при передаче транслингвального текста средствами третьего языка. Предмет исследования представлен кодовыми переключениями с одной языковой системы на другую, реализуемыми в транслингвальных медиатекстах. Геортонимы, названия праздников и праздничных дат составляют достаточно большую группу онимной лексики, отмеченную внутригрупповым делением на названия светских и национально-религиозных и традиционных праздников. В ходе проведения исследования анализировались геортонимы, извлеченные методом сплошной выборки из материалов, представленных на сайтах новостных агентств Южной Осетии. Выбор медиатекстов в качестве эмпирического материала обусловлен тем, что в последнее десятилетие фокус общественно-политической активности сместился в сторону электронных средств массовой информации, наиболее очевидно фиксирующих би- и транслингвальные признаки юго-осетинской общественно-политической коммуникации, проявляемые в

регулярных переключениях с одного языка на другой. Статья включает краткий теоретический обзор наиболее важных понятий: билингвальность, транслингвизм, транслингвальный медиатекст. Базовые способы перевода этномаркированных геортонимов представлены пояснительным переводом, транслитерацией, транскрипцией, калькированием

Билингвизм, транслингвизм, мультилингвизм, медиатекст, стратегия перевода, геортонимы

Введение

Транслингвальный подход в последнее время все чаще становится предметом обсуждений как зарубежных, так и отечественных ученых. Быстро меняющийся культурно-исторический контекст и процессы всеобщей глобализации актуализировали интерес к изучению более чем одного иностранного языка и различных этнокультур; взаимодействию и взаимовлиянию языков и культур в ситуации би- и мультилингвизма; особенностям формирования и развития языковой личности, владеющей двумя и более языками; специфике освоения различными типами культур в процессе изучения иностранных языков.

Термины *транслингвальность, транслингвизм, транскультурация, транскультурализм* – относительно недавно введены в научный оборот и тесно связаны друг с другом, находя отражение и практическое применение в теории и методике преподавания второго и третьего языков, а также в теории и практике перевода.

Под транслингвальностью/транскультурностью понимается симбиоз, сочетание нескольких лингвокультур и языков в тексте, созданном носителем би- и мультилингвизма. В этом случае, разрешение возникающих противоречий возможно либо через навязанное доминирование одного языка и его норм над другим языком, либо через поиск компромиссов. Одним из способов решения данной проблемы полагается транслингвальность [Прошина, 2016: 10].

Коммуниканты-носители разных языков и культур прибегают к таким коммуникативным стратегиям как смешение и переключение языковых кодов, заимствования, гибридизация языков, упрощения, использование интернациональных слов и т.д. [Прошина, 2016: 10].

Связь транслингвальности с билингвизмом и мультилингвизмом

Концепция транслингвальности неотъемлема от концепций билингвизма и поли-, мультилингвизма.

Одинаково совершенное владение двумя языками, реализуемое в различных коммуникативных ситуациях и в разных условиях общения, определяется как *билингвизм* *bilingualism/ bilinguality* (от лат. *bi-* ‘два’ и *lingua* ‘язык’ [Ахманова, 1966: 67, 125]. По определению Ахмановой, билингвизм и двуязычие – взаимозаменяемые понятия, приравняемые диглоссии. Диглоссия предполагает одновременное сосуществование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах. В отличие от билингвизма и многоязычия, диглоссия обязательно предполагает оценочность по шкале «высокий-низкий», «торжественный-обыденный» [БЭСЯ, 2000: 136].

Согласно другому определению, билингвизм – практика попеременного пользования двумя языками [Вайнрайх, 1979: 22]. У. Вайнрайх одним из первых предложил комплексное изучение проблемы билингвизма и выдвинул на первый план лингвистический аспект проблемы билингвизма, не отрицая важности психологического аспекта этого явления, поскольку билингвизм может рассматриваться с разных точек зрения – лингвистической, психологической, социальной, социолингвистической. Социолингвистическая составляющая, в данном случае, дает нам представление о закономерностях функционирования языка в обществе, о специфике функциональной дистрибуции разных языковых систем в зависимости от коммуникативной ситуации или сферы общения.

Не в каждой ситуации проявления билингвизма может реализоваться взаимодействие между сосуществующими языками. В том случае, если носитель билингвизма свободно переходит с одного языка на другой, то есть, в его сознании одно понятие соотносится с двумя словами, имеет место смешанный билингвизм, если же языки функционируют как две автономные знаковые системы, то это чистый билингвизм [Бондалетов, 1987: 38].

На основе критерия «соотнесенности двух речевых механизмов» Е.М. Верещагин предлагает выделить «чистый» и «смешанный» билингвизм [Верещагин, 1969: 28]. По его мнению, «чистый» билингвизм – это состояние, когда индивид применяет каждый из языков, которыми он владеет в разных ситуациях, например, один в семейном общении, а другой на производстве; если же носитель билингвизма говорит на двух или

более языках в одной и той же ситуации, то такой тип билингвизма Е.М. Верещагин называет «смешанным».

Лингвистическая типология билингвизма, предложенная Е.М. Верещагиным, предлагает деление на субординативный и координативный типы: субординативный характеризуется наличием ошибок в речевых произведениях носителей билингвизма; носители координативного типа билингвизма владеют двумя или более языками в равной степени хорошо и способны излагать мысли, не нарушая языковой системы, нормы и узуса [Верещагин, 1969: 49]. Билингвизм в Южной Осетии в рамках такого подхода характеризуется координативностью [Бекоева, 2023].

Этномаркированные геортонимы в транслингвальных текстах

Термины *транслингвизм*, *мультилингвизм* – относительно новые, и имеют близкие, но в то же время, отличающиеся значения. Мультилингвизм ‘Multilingualism’ взаимозаменяем с термином многоязычие [Жуков, 2013: 259]. И если мультилингвизм понимается как контактная ситуация, отмеченная наличием и функционированием нескольких языков одновременно, то транслингвизм, или транслингвальность предполагает некое пограничное состояние, в котором может оказаться носитель двух или более языков в ситуации мультилингвизма. Продуктом транслингвальной деятельности является транслингвальный текст [Прошина, 2016: 11].

Цель нашего исследования – выявить специфику формирования переводческих соответствий, при передаче транслингвального текста средствами третьего языка.

Материалом исследования послужили фрагменты медиатекстов, содержащих этномаркированные геортонимы общим объемом 170038 знаков с пробелами (23186 слов). Всего выявлено 257 репрезентаций осетинских геортонимов, из них 28 (10,9%) геортонимов на русском языке 229 (89,1%) – на осетинском языке.

Выбор данной онимной группы обусловлен значимостью традиционно-религиозных праздников для осетинского общества. В лингвокультурном сознании осетин народные верования и принципы христианской веры настолько тесно переплетены, что подчас весьма сложно бывает их разграничить.

Транслингвальные тексты характеризуются регулярностью переключения с одного исходного языка на другой. При переводе на третий язык, в данном случае, английский, переводчик неизбежно столкнется с необходимостью понимания и адекватной переводческой интерпретации онимной лексики, объективируемой в транслингвальных текстах на двух

исходных языках, осетинском и русском, которые мы условно обозначим как первый исходный язык (далее – ИЯ1) и второй исходный язык (далее – ИЯ2). Английский язык, или язык перевода, условно будет обозначен как ПЯ.

Рассмотрим несколько фрагментов медиатекстов, в которых этно-маркированные геортонимы реализуются сразу на двух исходных языках, что создает потенциальную сложность для переводчика на английский язык.

Одним из наиболее почитаемых храмов, посвященных главному бо-жеству в пантеоне осетинских богов – *Уастырджи*, является святилище *Джеры Дзуар* (Джер, сокращение от *Герги/Гиуæргы/Джиуæргы* ‘Георгий’, дзуар ‘крест, церковь, святилище, божество’). Празднования *Джеоргуыба*, посвященные *Уастырджи*, проводятся в высокогорном селе *Джер/Гер*, которое, в свою очередь, так называется по имени святого *Георгия*.

В настоящее время в самом разгаре дни празднования святилища Джеры-дзуар, расположенного в Цхинвальском районе. Это древнее святилище, посвященное Уастырджы почитаемо и далеко за пределами страны. Принято считать, что главные «дни» святого места начинаются в воскресенье в конце августа.

В анализируемом фрагменте упоминаются названия: 1) главного божества в пантеоне осетинских небожителей (*Уастырджы*); 2) название святилища, посвященного данному божеству (*Джеры дзуар*); 3) название празднования, посвященного божеству-покровителю святилища (*дни Джеры дзуар*).

Автор транслингвального текста переключается с русского языка на осетинский, и с осетинского на русский. Экклезионим *Джеры-дзуар* и теоним *Уастырджи/ы* даются в транслитерации, без пояснительного перевода на русский язык. Примечательно то, что слово «дни» взято в кавычки, что будет непонятно переводчику, не владеющему осетинским языком, который переведет данную единицу на ПЯ как ‘the days’ – ‘It is generally known that the main “days” of the holy place begin on the last Sunday of August’.

Реципиент текста, владеющий ИЯ1 и ИЯ2, поймет, что автор текста, имеет в виду не *дни*, а *празднование*. Осетинское *бон* в данном контексте переводится как ‘празднования/праздничные дни’. Автор транслингвального текста калькирует *бон* как ‘день’, так как в его билингвальной картине мира данный компонент сложных геортонимов типа *Джеры Дзуары бон*, *Джермугы дзуары бон*, *Къартайы дзуары бон*, *Лалисы дзуары бон* и

т.д. не нуждается в конкретизации. В переводе на ПЯ следовало бы *бонтæ* ‘дни’ перевести как ‘celebrations’/ ‘festivities’/ ‘festival days’.

В настоящее время празднование проходит <...> в привязке к христианскому календарю и начинается второе <...> воскресенье после дня Успения Богородицы.

<...> стоит сказать и о ситуации, связанной с осетинским Майрæм-куадзæн – одним из главных дней по поминанию усопших. <...> бывало и так, что Майрæм-куадзæн совпадал с первым днем празднования недели Джеры-дзуар.

В анализируемом фрагменте текста представлены два геортонима, номинирующих один и тот же праздник – 1) православный канонический (Успение Богородицы); 2) традиционный народный (Майрæм-куадзæн). В транслингвальном тексте, построенном на регулярном переключении языковых кодов, объективируются оба геортонима.

Переводчик на английский язык, не владеющий базовыми представлениями об особенностях осетинской лингвокультуры, не имеющий представления о том, что оба геортонима обозначают один и тот же праздник, не сможет адекватно перевести данный фрагмент, полагая, что Успение Богородицы и Майрæм-куадзæн – это один и тот же праздник. Майрæм-куадзæн – регулярное переводческое соответствие русскому геортониму Успение Богородицы. Компонент *куадзæн* ‘пасха’ или ‘успение’ этимологически восходит к *ком* ‘рот’ + *уадзæн* ‘отпускание’/ ‘развязывание’, иначе ‘разговение’, антонимичен геортониму *комбæттæн комахсæн*, где *ком* ‘рот’ + *ахсæн* ‘завязывание’/ ‘закрытие’, иначе ‘заговение’ [Абаев, 1958: 604; Дзадзиев, 1994:78-79].

*<...> сакральным маркером <...> Нового года считался «Коммахсæн». <...> Этот день являлся началом христианского цикла Великого Поста. <...> В зависимости от промежутка времени между **Новым годом** и **Коммахсæн** располагаются все остальные праздники годичного цикла.*

Заключение

Переводческий анализ выявленных репрезентаций геортонимов Джеры Дзуар ‘Праздник Джеры Дзуар’, Комахсæн ‘Заговение’, Куадзæн ‘Пасха’ и др. показал, что при переводе транслингвального текста предпочтителен пояснительный перевод, а в некоторых случаях – смешанный, сочетающий транслитерацию, транскрипцию, калькирование и экспликацию. Результаты исследования показывают, что транслингвальные медиатексты характеризуются регулярными переключениями языковых кодов авторов-носителей билингвизма, что создает дополнительную

трудность при переводе на третий язык, поскольку переводчик должен: 1) владеть двумя, тремя, иногда и большим количеством языков, чтобы понимать исходный транслингвальный текст; 2) иметь обширные фоновые знания в области традиционных осетинских верований и лингвокультурологии.

Литература

- Абаев, В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: [в 4 томах] / В. И. Абаев. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР. 1958. Т.1. А-К. 656 с.
- Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
- Бекоева, И.Д. Формирование языковой личности в условиях билингвизма / И.Д. Бекоева, М.И. Баликоева // *Этнолингвокультурные коды и коммуникативные практики: Монография. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 2023. С. 20- 23.*
- Бондалетов, В.Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
- Вайнрайх, У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища шк., 1979. 264 с.
- Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд- во МГУ, 1969. 160 с.
- Дзадзиев, А.Б. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь / А. Б. Дзадзиев, Х. В. Дзуцев, С. М. Караев. Владикавказ. 1994. 284 с.
- Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович. М.: Флинта: Наука, 2013. 632 с.
- Календарь традиционных празднеств. Особенности исчисления или насколько правильно мы выбираем день празднования определенного осетинского дзуара, отталкиваясь от христианского календаря? [Электронный ресурс] URL: <https://respublikarso.org/elections/809-kalendar-tradicionnyh-prazdnestv-osobennosti-ischisleniya-ili-naskolko-pravilno-my-uybiraem-den-prazdnovaniya-opredelennogo-osetinskogo-dzuara-ottalkivayas-ot-hristianskogo-kalendarja.html>
- Прошина, З.Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) / З. Г. Прошина // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2(50). С. 10-13.*

УДК 81`42:821

Божкова Г.Н., Гатауллина А.Н.

**ВИДЫ ЖЕСТОВО-МИМИЧЕСКОГХ ПОРТРЕТОВ
ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИХ СКАЗОК
СБОРНИКА Л. ЧАРСКОЙ «СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕЙ»**

**Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета
Елабуга, Республика Татарстан, Россия**

Духовно-нравственное содержание сказок малоизученного автора Л. Чарской делают ее творчество актуальным для современного читателя. Идеино-тематической канвой текстов Л. Чарской выступает призыв к состраданию, дружбе, всепрощению и духовной эволюции личности. В статье описаны виды жестово-мимического портрета персонажей сборника Л. Чарской «Сказки голубой феи», изучена специфика портретов главных героев сказок Л. Чарской; намечена роль жестово-мимического портрета в развитии сюжета. С помощью контент-анализа было проанализировано содержание художественных текстов, изучены специфические особенности портретных описаний сказочных героев сборника. На основании исследовательского вопроса были отобраны сюжетообразующие сказки Л. Чарской, определены единицы и категории анализа, детальному рассмотрению подверглись портреты героев сказок. В ходе работы сделаны интересные наблюдения на основании анализа сказок «Царевна Лядинка», «Волшебный Оби», «Чудесная звездочка», «Чародей-Голод», «Дуль-Дуль, король без сердца», «Меч королевы», ставшие ключевыми элементами сюжетной канвы сборника «Сказки голубой феи», которые подтверждают, что важной особенностью стиля автора является жестовый портрет, усиливающий психологическое воздействие на юного читателя, - доминантными выступают коммуникативные и симптоматические жесты и мимика главных героев фольклорных жанров.

Сказка, карнаристика, портрет, коммуникативные жесты и мимика, симптоматические жесты и мимика, главный герой, образ

Theory and Practice of Communication / Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko, Tiraspol, February 21-22, 2024, Volume 1.

Введение

Имя детской писательницы царской России, которой восхищались Марина Цветаева, Юлия Друнина, Леонид Пантелеев и творчество которой в Советском Союзе было запрещено, Лидии Чарской (настоящее имя Лидия Алексеевна Воронова), в 90-е годы XX века вновь начинает возвращаться в русскую литературу и обретает популярность среди подрастающего поколения. Такое положение вещей привлекает внимание ученых и исследователей к произведениям детской писательницы, хотя и сегодня нельзя сказать, что оно изучено в достаточной степени.

В статье Р.А. Лопина и М.Р. Лопиной обозначен потенциал произведений Л. Чарской в воспитании патриотических качеств и моральных ценностей подрастающего поколения [Лопин, 2018: 127-133]. В. Головин исследует позиции дореволюционных и советских критиков относительно произведений Л. Чарской [Головин]. Е.Ю. Гордеева изучает историю сотрудничества Л. Чарской с издателем детской литературы М.Ю. Вольфом, подчеркивая при этом, что критик отмечает исключительную нравственность произведений Л. Чарской: «Мы всегда держались той мысли, что для развития ребенка необходима самая разнообразная умственная пища и что прекрасное, художественное воспитывает такие стороны детского духа, которые без этого могущественного педагогического средства должны были одичать и заглохнуть. К такому средству духовности смело можно отнести сказки Л. Чарской» [Гордеева].

В сказках Л. Чарской, как правило, нет традиционных для фольклорных произведений сюжетных схем счастливого финала, когда зло непременно наказывается, а добро является абсолютным повелителем, наоборот, Л. Чарская показывает жизнь во всей ее сложности. Тем не менее, язык писательницы можно характеризовать как романтический. М.А. Алентьева справедливо отмечает: «литературным сказкам романтиков свойственно сочетание волшебного, фантастического, призрачного и мистического» [Алентьева, 2021: 117- 119].

Сказки Л. Чарской учат детей искать правду («Галина правда»), благородству и доброте, чести («Живая перчатка»), умению оценивать людей не по сословию и материальному состоянию, а по внутренним качествам («Волшебный оби», «Сказка о Красоте»); оберегают от ошибки скоропалительных решений в угоду амбиций («Царевна Лыдинка»); показывают социальную несправедливость жизни на Земле и в некоторой степени подводят к выводу, что подобные поиски не столь значимы,

главное – духовно-нравственное становление («Король с раскрашенной картинкой», «Чародей Голод») – в этом вневременность и актуальность произведений автора.

Лингвопоэтика сказок Л. Чарской мало изучена, а типология художественных портретов, их функции остаются за пределами внимания исследователей. Поэтому в центре нашего внимания – проблема изучения значимых средств создания портретных описаний героев в сборнике сказок Л. Чарской «Сказки голубой феи».

Цель статьи – выявить значимые виды жестово-мимических портретов главных героев сюжетообразующих сказок Л. Чарской. Постановка цели обосновала необходимость реализации основных задач: проанализировать специфику портретных зарисовок в сюжетообразующих сказках сборника Л. Чарской «Сказки голубой феи» и выявить виды портретных зарисовок в сюжетообразующих сказках сборника Л. Чарской «Сказки голубой феи» (завязка сборника: «Царевна Лядинка»; развитие действия: «Волшебный оби», «Чудесная звездочка» и «Чародей-Голод»; кульминация сборника: «Дуль-Дуль, король без сердца»; развязка: «Меч королевы»).

Теоретико-понятийная основа исследования

Важную роль при характеристике художественного образа играет портрет, способный выполнять многочисленные функции: он раскрывает природные данные, отражает социальный статус, погружает в мир переживаний персонажа. Литературоведами выделены различные виды портретов: портрет-впечатление, портрет-сравнение, зоологический, сатирический и многие другие виды портретов [Есин, 1999: 123].

Словарь языка русских жестов [СЯРЖ, 2001], на который мы намерены опираться при анализе портретов героев сказок, рассматривают жест как вербальный знак. Выделяются такие виды жестов: указательные или дейктический жесты - они содержат в себе указание на участников актуальной ситуации общения, на объект, место или время [Григорьева, 2001: 17]; этикетные жесты проявляются в конкретных, строго фиксированных ситуациях в качестве элемента, передающего либо информацию о структуре коллектива, в который включен жестикулирующий, либо информацию о типе разворачивающейся ситуации [Григорьева, 2001: 18]. Самым большим по объему является подкласс общекоммуникативных жестов или по-другому общих. К общекоммуникативным жестам принадлежат такие единицы, как наклон головы, призыв к тишине, пожатие руки, размахивание руками (в разных значениях), выражение угрозы и другие. Коммуникативные жесты всех трех типов имеют строго закрепленные за

ними условия стандартного употребления, которые вполне допускают словарное описание [Григорьева, 2001: 18-19]. Симптоматические жесты — это жесты, свидетельствующие об эмоциональном состоянии говорящего [Григорьева, 2001: 19].

Наиболее удобными для характеристики образа нам видятся коммуникативные и симптоматические жесты – они способны раскрыть модель поведения персонажей и их психологическое состояние, именно эти жестовые виды портретов мы будем использовать для контент-анализа текстов Л. Чарской.

Специфика жестово-мимических портретов главных героев сборника «Сказки голубой феи» Л. Чарской

В качестве объекта описания нами были выбраны сюжетообразующие сказки Л. Чарской «Царевна Лыдинка», «Волшебный оби», «Чудесная Звёздочка», «Дуль-Дуль, король без сердца», «Меч королевы», отбирая которые мы опирались на исследование А.С. Матвеевой «Внутренняя форма книги Лидии Чарской» [Матвеева, 2013: 107].

Произведения Л. Чарской в сборнике «Сказки голубой феи» расположены в соответствии с классической сюжетной схемой. Начинается книга с завязки конфликта («Царевна Лыдинка»), развития действия («Волшебный оби», «Чудесная звездочка» и «Чародей-Голод») и достигает кульминации («Дуль-Дуль, король без сердца») – развязки («Подарок феи» и «Меч королевы»). Сюжет книги «Сказки голубой феи» есть череда «историй характеров», имеющих разную степень духовно-нравственной основы личности: от полного ее отсутствия до высшей степени развития [Матвеева, 2013: 107].

В сборнике «Сказки голубой феи» в произведении «Царевна Лыдинка», которая является сюжетной завязкой сборника сказок [Гатаулина, 2022: 64-70], в равных пропорциях используются как коммуникативные, так и симптоматические жесты. Подобный выбор средств используется автором преимущественно для того, чтобы раскрыть образ Царевны Лыдинки. Коммуникативные жесты, мимика в сказке способны продемонстрировать не вежливость, а гордость и себялюбие героини: «поплелась к ним», «вскричала царевна в ответ», «весело, не моргая, проговорила, сквозь зубы», «кинула резкий взгляд», «грозила клюкой», «окинув взором», «посмотрела грозно на красавца», «требует поклониться ей, вздымая руки» и т.д. [Чарская, 1994: 30].

С помощью коммуникативных жестов и мимики автор показывает, как Царевна Лыдинка ведет себя с окружающими людьми. Характер и

жизненные взгляды героини помогают раскрыть также симптоматические жесты и мимика: «надула губки», «нахмурила брови», «процедила сквозь зубы недовольным голосом», «горько заплакала», «поникнув головой», «слезинки роняет», «испуганно подняла голову» и т.д. [Чарская, 1994: 34]. Царевна Лыдинка слишком юна, эмоциональна, это подтверждают симптоматические жесты и мимика.

В сказке «Волшебный оби», которая относится к развитию действия сборника [Гатаулина, 2023: 110], тоже в равных пропорциях используются как коммуникативные, так и симптоматические жесты, что вводится автором преимущественно для того, чтобы раскрыть образ главной героини Мусме Хана – дочери знатного богатого самурая. Коммуникативные жесты, мимика помогают нам разглядеть в начале повествования такую черту характера сказочного персонажа, как гордыня: «похваляются своими дорогими шелковыми оби», «порывисто размахивала», «резко вскричала Хана», «быстро стала разворачивать принесённый подарок», «небрежно взяла Оби в руки» [Чарская, 1994: 70].

Характер и жизненные взгляды Мусме Ханы помогают раскрыть симптоматические жесты и мимика, героиня всего лишь юная и неискушённая жизнью леди, подверженная влиянию разных чувств и ощущений, ищущая девичьего счастья, подтверждает это жестово-мимический портрет: «заливаясь слезами», «не горевала больше» «окинула своих подруг презрительным взглядом», «приказала громким и властным голосом», «произнесла надменно Хана» [Чарская, 1994: 72]. Даже жестово-мимические детали указывают на пубертатную смену настроений – это сближает её с героиней предыдущей сказки.

Сказка «Волшебный Оби» способствует развитию конфликта в сборнике «Сказки голубой феи», предметом которого является мысль о напряженной внутренней борьбе человека, при выборе истины или лжи, добродетелей или пороков.

Намечена эволюция героини (Эльзы) в сказке «Чудесная звездочка». Коммуникативные жесты в данном контексте выполняют характерологическую функцию: «избаловали маленькую Эзольту напропалую. Баловал отец, баловала мать...» [Чарская, 1994: 78]. Так, лексический повтор слова «баловал», помогает нам объяснить реализованную в завязке сюжета такую черту героини как гордыня: «заявила и топнула ножкой», «показывает пальцем», «оглянулась и вскрикнула», «вскричала принцесса» [Чарская, 1994: 80]. Характер и жизненные взгляды Эзольты в течение всего повествования помогают раскрыть симптоматические жесты и мимика:

«ножками от нетерпения топает», «слезами от злости заливается», «с гневом вскричала принцесса» [Чарская, 1994: 81]. Принцесса Эзольда юна и не знает запретов, только звездочка с неба помогает ей понять, что любовь людей друг к другу проявляется с помощью их поступков, направленных на достижение взаимопонимания. Появление фольклорного героя-помощника позволяет главной героине изменить модель поведения, что иллюстрирует преобладание симптоматических жестов, демонстрирующих духовное преображение Эзольды. Жестово-мимический портрет так же, как в предыдущих сказках, выполняет сюжетообразующую и характерологическую функции.

Близок вышеописанным героиням персонаж сказки «Чародей – Голод» – Коршун. Богатый и могущественный боярин Коршун из честолюбия и гордыни содержал в достатке свою челядь, чтобы та восхваляла его, и при этом оставался черствым к горю, работавших на него крестьян – это позволяют увидеть такие коммуникативные жесты: «искривлено кричит боярин», «удивляется боярин» [Чарская, 1994: 90]. Только схватка с Голодом заставляет персонажа измениться. Симптоматические жесты и мимика демонстрируют эволюцию Чародея-Голода – боярин Коршун видел многих людей, которые голодали и просили помощи, но персонаж оставался равнодушным до тех пор, пока голод не коснулся его семьи, жестовый портрет изменяется, демонстрируя кару за равнодушие к бедам окружающих: «жена стонет, мечется, смерть призывает», «у Фимы судороги делают», «у него ноги висят от напряжения», «руки трясутся» [Чарская, 1994: 99]. Тщеславный герой эволюционирует и у него появляются новые качества: сострадание, жалость, – правда, пока только к самому себе и близким, но эволюция персонажа очевидна: не смог стерпеть боярин голодных криков своей дочери и «заплакал навзрыд», «протянул руки к больному ребёнку» [Чарская, 1994: 99].

К кульминации сборника «Сказки голубой феи» можно отнести произведение «Дуль-Дуль, король без сердца», главный герой которого предстаёт как гневливый и злой грешник. Характеристика персонажа гиперболизирована, всё это связано с тем, что сюжетно это самая напряжённая сказка среди всех остальных: у Дуль-дуля не было сердца в прямом и переносном смысле. Коммуникативные жесты и мимика в портретной характеристике персонажа вновь преобладают над симптоматическими и помогают обличить гордыню: «король стоял на балконе и смеялся», «король кричал и топал ногой», «Дуль-Дуль оттолкнул свиту» [Чарская, 1994: 105]. Этот персонаж лишен представлений о добре, сострадании и

справедливости. Характер и жизненные взгляды короля Дуль-Дуля изменяются, как и жестово-мимические единицы портрета – персонаж получает душу, спасая Ивана, отдав ему свои глаза – эта жертва ради ближнего способствует обретению сердца, биение которого отражается и на лице: «смертельная бледность разлилась по лицу его», «лицо его было бледно и возбуждено», «глаза льют слезы, красивые и светлые, как роса» [Чарская, 1994: 109].

Развязка сборника представлена сказкой «Меч королевы». После кульминационного произведения повествование становится более спокойным, утихают страсти, герои отказываются от разрушительных бушующих страстей. Свидетельством тому является использование автором антропонима *Мира* – смыслообразующее имя, произошедшее от слова *мир*, которым наречён главный персонаж сказки «Меч королевы». Судьба героини близка судьбе царевны Лыдинки – героине первого произведения, но гибнет она не из-за эгоистического бунта, а ради настоящей любви к ближнему. Создать образ Миры позволяют именно симптоматические жесты: натура она чувственная, сострадательная: «покачала своей красивой головкой, сожалея» «опустила затуманенные глаза и грустно, грустно стало у нее на душе, от увиденных страданий», «робко прошептала», «неспешно пошла» [Чарская, 1994: 210]. Смерть Миры приносит гармонию и свободу её окружению. Зеркальное преломление композиции демонстрирует замкнутость метасюжета сборника.

Таким образом, важной стилистической особенностью сказок Л. Чарской является использование автором приема изображения эволюционирующих героев с помощью жестово-мимического представления, при этом симптоматические жестово-мимические единицы становятся более частотными ближе к кульминации произведения.

Заключение

Проанализирована специфика портретных зарисовок в завязке сборника сказок Л. Чарской «Сказки голубой феи». Завязкой сборника мы определили сказку «Царевна Лыдинка», в которой коммуникативных жестов и мимики оказалось больше, чем симптоматических. Для главной героини Лыдинки на первом месте стоит материальная обеспеченность и слава, а не моральные ценности. Однако к финалу сказки образ Лыдинки эволюционирует.

В развитии действия сборника сказок намечена тенденция к эволюции персонажей, но она неокончательна. Изменяются жестово-мимические портреты: на смену доминирующим коммуникативным жестам

приходят симптоматические. Неправильность поведения осознаёт Мусме Ханна («Волшебный оби», Эзольда («Чудесная звездочка»), Коршун («Чародей голод»).

В кульминации сборника, которой является сказка «Дуль-Дуль, король без сердца» очевидно обретение королём сердца и доминанта симптоматических жестов в портрете, которые подтверждают возрождение персонажа.

К развязке сюжета сказок повествование преломляется: бушующие горделивые страсти умиротворяет чувственность и доброта Миры – героини «Меча королевы», её образ изначально представлен симптоматическими жестами, что свидетельствует о врождённой духовности.

Таким образом, очевидно, что к кульминации сборника Л. Чарской «Сказки голубой феи» возрастает частотность использования симптоматических жестов и мимики, что соответствует напряжению сюжета и указывает на изменения в характерах главных персонажей, подчеркивая важную авторскую мысль о важности духовно-нравственных трансформаций.

Литература

Алентьева, М.А. Авторская сказка как отражение литературного процесса / М.А. Алентьева, М.А. Асланова, Л.Р. Читао // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. №3–2. С. 117-119.

Гатауллина, А.Н. Специфика портретных зарисовок в завязке сборника сказок Л. Чарской «Сказки голубой феи» // *Литературная педагогика и читательская грамотность: новые форматы и практики*. Казань, 2022. С. 64 – 70.

Гатауллина, А.Н., Божкова, Г.Н. Жестово-мимический вид портрета главной героини в развитии действия сборника сказок Л. Чарской «Сказки голубой феи» // *LIV региональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «MENDELEEV. New Generation»*. Киров, 2023. С. 109-111.

Словарь языка русских жестов. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Москва-Вена, 2001. 256 с.

Головин, В. Творчество Лидии Чарской в прижизненной критике. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-lidii-charskoj-v-prizhiznennoy-kritike> (дата обращения: 29.12.2023).

Гордеева, Е.Ю. Детская литература в России на рубеже XIX-XX веков по материалам «Известий книжных магазинов товарищества М.О.

Вольфа». [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detskaya-literatura-v-rossii-na-rubezhexix-xx-uv-po-materialam-izvestiy-knizhnyh-magazinov-tovarischestva-m-ovolf/viewer> (дата обращения: 29.12.2023).

Есин, А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, 1999. 248 с.

Лопин, Р.А., Лопина, М.Р. Воспитатель «маленьких людей» в любви к Отечеству и Богу: Лидия Чарская в детской литературе православной России // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2018. №7. С.127-133.

Матвеева, А.С. Внутренняя форма книги Лидии Чарской «Сказки голубой феи» // Вестник литературного института имени А.М. Горького Москва, 2013. С. 107-109.

Чарская, Л.А. Сборник «Сказки голубой феи». Москва, 1994. С. 12-219.

УДК 81`42:82-1+167/168

Гурски Г.Б.

**ЗОНА БИФУРКАЦИИ
В СИНЕРГЕТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
Н. НАСТАС, МОЛДАВСКОЙ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ ПОЭТЕССЫ**

**Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко
Тирасполь Приднестровье**

Цель исследования: описание реализации интердискурсивности текста с помощью концепта «зоны бифуркации» и определение его места в синергетике художественного текста молдавской приднестровской поэтессы Нелли Настас. Новизна исследования в разработанной в рамках лингвосинергетического подхода структуре анализа художественного текста Нелли Настас «Два голоса, два парусника – и оба-мои» из изданного в 2019 году поэтического сборника «Комочек воспоминаний» (2019), с

Theory and Practice of Communication / Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko, Tiraspol, February 21-22, 2024, Volume 1.

использованием характеристик понятия зоны бифуркации. Определены глубинные начала энергийности текста, реализованные через сознание автора и читателя, и бессознательная энергийность. Вопреки привычным методологическим тезисам, лежащим в основании анализа литературного произведения, автор статьи предпринимает попытку оперировать не столько смыслами слов или процессуальностью их формирования, сколько формами энергийности, связанными с образами автора, читателя и того бессознательного, интуитивного, которое появляется в процессе анализа художественного текста. Одновременность существования этих форм энергийности внутри поэтического дискурса создает особую зону бифуркации, что позволяет художественному тексту быть нестабильной структурой, открытой для разного рода интерпретаций. Рефлексия механизма рождения смыслов в поэтическом дискурсе приводит к выводу о том, что текст оказывается одновременно и зоной бифуркации и местом интерактивности разных форм энергийности (автора, свободы авторской мысли и свободы сознания, понятия, восприятия сознания читателя).

Зона бифуркации, синергетика, дискурс, бессознательный энергизм, слияние

ЗОНА ДЕ БИФУРКАРЕ ЫН СИНЕРЖЕТИКА ТЕКСТУЛУЙ АРТИСТИК АЛ НЕЛИЙ НАСТАС, ПОЕТЭ МОЛДОВЯНЭ НИСТРЯНЭ

Скопул черчетэрий: активизаря контекстулуй интердискурсив прин пунктеле де бифуркаре ын синержетика текстулуй артистик ал поетей молдовене нистрене Нели Настас. Ноутатя черчетэрий ва репрезента дескоперия структурий анализей текстулуй артистик ал Нелий Настас «Доуэ гласурь-доуэ веле ши-амындоуэ-с але меле» дин плакета речент апэрутэ ын 2019 «Гемулец ку аминтирь», апликынд уна дин категорише синержетичий- бифуркаря. Ын база материалелор дискуцией методоложиче, ын легэтурэ ку фрагментеле поезией, вой демонстра екзистенца ынчепутулуй апрофундат де енержисм (прин конштиинца ауторулуй ши чититорулуй) ши енержисмулуй инконштиент. Де фапт, чититорул е депринс ку спикуйриле методоложиче, ынфэцишате ын мануале сау кэръ критиче, ын база кэрора ши есте алкэтуитэ анализа уней опере литераре. Даторитэ синержетичий се

ва ефекту асалтул енержисмулуй ауторулуй, чититорулуй ши а унуй енержисм апарте, чел инкоништиент, че ва апаре ын пряжма анализей текстулуй артистик. Ын резултат ва фи демонстрат кэ фузиуня диферитор ынчепутурь енержетиче але дискурсулуй поетик постмодернист ыл фаче о зонэ де бифуркаре, адикэ о структурэ нестаторникэ, инстабилэ, дескисэ пентру вариате интерпретаций. Рефлексия механизмулуй де наштере а сенсурилор ын дискурсул поетик не ва реадуче ла гындул кэ: текстул девине о зонэ де бифуркаре ын урма интерактивэрий енержисмулуй ауторулуй, либертэций гындулуй ауторическ ши либертэций конштиинцей перчеперий, ынсуширий, ынцележерий либертэций конштиинцей чититорулуй. Ва фи импортантэ методоложик практика интерпретэрий поезией: конштиентизаря дискурсулуй поетик дин пункт де ведере ал синержетичий не ва да посибилитате сэ фачем объектул анализей контемпоране филоложиче спацуу семантик дискурсулуй артистик нестабил.

Зона де бифуркаре, синержетика, дискурс, енержисм инкоништиент, фузиуне

Конформ луй И.Р. Пригожин, унул дин креаторий «филозофией инстабилитэций»: «Универсул креацией артистиче се корелязэ сау се стабилизеште прин конексиуня ку таблоул контемпоран ал космоложией лумий, карактеристичиле фундаментале але кэруя, дин пункт де ведере синержетик, сынт инстабилитатя ши екилибрул вариабил.» [Пригожин, 2018: 6].

Посибилитатя ынтребуинцэрий методелор синержетиче але анализей се детерминэ прин интеракциуня ку натура проприе. Е биневенит сэ рефлексэм механизмул де сенс ал текстулуй поетик ын контекстул синержетичий ши сэ демонстрэм причина инстабилитэций де сенс конкрет ын текстул поетик. Спре екземплу, поезия Нелий Настас «Доуэ гласурь, доуэ веле ши-амындоуэ-с але меле» [Настас, 2019: 1-82] стырнеште вариате интерпретэрь але текстулуй. Пентру а конштиентиза волумул де сенс ал текстулуй поетик се вор примени урмэтоареле методе де черчетаре: метода семиотикэ де структураре, каре е дотатэ ку о градусе специалэ а организацией креацией артистиче, ка ун систем утилитар де ексчеленцэ; метода дескриптив-аналитикэ, че не дэ посибилитатя сэ лэмурум сенсул текстулуй ши сэ конштиентизэм спецификал поетичий. Ла база ачестей черчетэрь вор фи акчептате лукрэриле штиинцифиче але луй И.Р. Пригожин ши але луй Ю.М. Лотман.

Вом ынчерка сэ дистружем кодул идей, планулуй ауторическ дин кымпул креаторулуй фоарте денс ши але мултор конштиинце речептиве сенсбиле: се ва актива контекстул интердискурсив ал семиосферей текстулуй поетик ши ел ва девени о зонэ де бифуркаре, адикэ ун систем дескис, синчер, неуниформ, организат де синестэтэтор, каре ва фи апт ла о трансформаре ынтр-ун женератор мултивариат ал сенсулуй ши тречеря ла ун алт нивел де демонстаре.

Алежеря ачестей креаций пентру рефлексаря механизмулуй де женератор ал сенсулуй ын текстул поетик се каузязэ ымбинэрий парадоксале ши интеракционэрий ын текст але проприетэцилор

опусе, контраре организацией дискурсулуй, ка идея стабилэ а ауторулуй ши сенсул недетерминат, недифинит, ши ын резултат: вариабилитатя текстулуй креат.

Ын примул рынд, поезия «Доуэ гласурь, доуэ веле ши-амындуэ-с але меле»[Настас, 2019: 1-82] есте аутобиографикэ, пе каре о фаче чентрикэ позиция ши лумя ауторулуй. Де че апар кувинтеле-кей, че сынт ка ниште кренгуце але алтор сенсурь? Е vorba де спечификул презентей ауторулуй ын текст. Дар ной, спре деосебире де алте креаций, куноаштем история креэрий ачестей поезий а Нелий Настас дин субстратул де версурь дин кэрциле «Режина нопций» ши «Вибрязэ тимпул а фрэмынт», дар ши дин куноштинца персонал ку ауторул. Е о ситуациие дестул де виталэ, каре май ынтый а импус ауторул сэ креезе опере философико-лириче ын примеле доуэ плакете (екзистенца ын сингурэтате, фэрэ сприжин ал умэрулуй де нэдежде, трэдаря ши плекаря ын луме, де ла сине, дезнэдежда...)

Идея ауторичяскэ а сервит ка «ун атрактив креатор», ау фост планификате параметреле ординий, че требуя сэ не асигуре ку о старе стабилэ де дискурс. Темеле поезиилор се формулау де аутор ын дискуций ку приятений, колежий, оамений апропияць. Кувинтеле че не урмэреск прин версурь сынт: амар, сперанцэ, депэртаре, деспэрцире, носталжие, гура лумий, контрасте, те урэск, рэбдаре, ну май ештэ, регрет, е рэмын ын лумя мя микэ...ын поезииле «Тот ачеляшь гындурь»[Настас, 2008: 13], «Носталжие»[Настас, 2008: 8], «Гура лумий» »[Настас, 2008: 9], «Вин рэруц»[Настас, 2008:37], «Ду-те, баде, ну те цин»[Настас, 2008:30], ш.а Коментындр челе де сус, реесе кэ поэта кондамнэ пе чинева ши каутэ ешире. Дупэ кум медита Ю.М.Лотман, литерат советик ши рус, културолог ши семиотик, пушкинист, доктор ын филоложие, професор: «Арта дэ посибилитате креерулуй оменеск сэ трэяска чей че е нетрэит, а трече прин стэриле де суфлет потенциал.»[Лотман, 2006: 1], Ын поезия «Доуэ гласурь,

доуэ веле»[Настас, 2019: 1-82], ероул лирик се гэсеште ын позиция «негэсирий» сале ын реалитате ши е доар ун момент, о клипэ а екзистенцей.

- Хаос!...Конфузий. Ынкуркэтурь прмедитате.

- Адикэ?-Гындурь фелурите- мий!

- М-ам зэпэчит.

- Те-ай зэпэчит.

Потенциал путерник,весе неглижате.

Кэдере. Дин ыналт.Че се петрече, штий,

Неконтенит?

- Ну штиу. Адмит. [Настас, 2019: 34]

Апар, паре-се, де одатэ дой ерой лиричь, доуэ гласурь але лор: гласул ауторулуй ворбеште ку сине, ку гласул сэу. Ши ситуация есте уна контрарэ пентру тоате челе чинчспрезече пажинь але поезией. Ынчепынд ку денумиря, ауорул не преынтымпинэ деспре ачесте доуэ гласурь: ши-амындоуэ-с але меле. Дар ну конкретизязэ: доуэ веле сынт але аутоарей сау доуэ гласурь?

Ын клепсида чецоасэ а поезией се куйбэреск о сумедение де пункте де бифуркаре: потенциал путерник, весе неглижате, кэдере дин ыналт, друмурь стрэине, ынстрэинаре блестематэ, мэ доаре ку фиече кувынт, вынт супэрат, стрэпунс де скижэ, гындуриле роеск. Се искэ ситуация де ун хаос женератор: тоате пунктеле ынкисе девин семне де активаре а конштиинцей чититорулуй. Текстул се ексклуде дин аутоматисмул перчеперий, системул вине ынтр-о мишкаре ши ынчепе сэ се организезе де синестэтэтор, женерынд ной ши ной сенсурь. Кум а менционат О. Манделштам, поет рус ал секолулуй ХХ, есеист, критик литерар ши традукэтор: «поезия аша ши се деосебеште де аутоматисмул ворбирий кэ не трезеште ши не скутурэ ла мижлок де кувынт» [Манделштам, 2009: 2]. Вариацииле муте але сенсулуй поезией (рефлексий филоложиче ши непримиря рационалулуй ын сенсул текстулуй) фак ка опера сэ се кончапэ ын плуралисмул де методоложий але интерпретацией.

- Кэдере?...Кум с-а ынтымлат? Че-а фост?

- О доар сакрификаре.

- Де сине?

- Де сине.

- Пэкат! Пуцин дин аста рост.

Друмурь стрэине, ынстрэинаре.

Ши пентру че?

Ши центру чине? [Настас,2019: 34]

Кынд ворбим деспре апарцинера стилулуй, путем сэ анализэм ка натурэ а постмодернисмулуй, адикэ спикуйрь дин фостеле дулчь класиче поезий але Нелий Настас. Черчетынд композиция ритмикэ а поезией Нелий Настас, конкидем кэ центру де формаре а сенсурипор девине екзистенционал: сингурэтатя фэрэ юбит, трэдаря, диспераря. Тотодатэ, се поате де ревенит ла пункттеле витале але контекстулуй поетик: се хашурязэ ынтряга соартэ, ынкэ дин копилэрие, унде ау фост грешель. Е о темэ конкретэ. Букурэ кэ бичуиря гласурипор тотушь ла фине се релиефязэ ку сперанца: кутезэ атунч спре валсурь, спре кынт ши ымплинирь, де бун аугур. Ын поезие, тотушь, ун глас е дестул де реал, е суфлетул поетей, е суфлетул уней фемей. Ши финеле не мажорязэ ку идея бируинцей асупра унуй глас де сине, глас-нэлукэ.

- *Мыне се аштяптэ о зи фрумоасэ,*

Ку соаре плэпынд, мэринимос.

- *Е тимпул дежа.*

- *Да-да.*

- *Ымь аминтеск о дойнэ дуйоасэ.*

О кынтау бэтрыний ын сат, виртуос.

- *Оф,оф,оф,инима мя,*

- *Мулте реле сынт ын еа?* [Настас,2019: 47].

Анализа синержией синтактиче не реадуче ла гындул кэ структура чиркуитулуй синтактик ал поезией «Доуэ гласурь, доуэ веле ши-амындоуэс але меле» [Настас, 2019: 1-82] сублиниязэ кошмарул дисперэрий, ын каре се афлэ ероина лирикэ. Есте оаре виктория хаосулуй асупра касей инимий, е диструсэ армония лумий лэунтриче? Сенсул интеграл ал кымпулуй поезией ын резултатул диферитор интерпретэрь, тотушь, рэмуне лакунар.

Аша дар, тайникул глас ал дойля дин перманенца поезией ва мултипла ын варианте де пуртаре диферитэ. Ба е дур:

- *Дар аре рост?*

- *Ну, н-аре рост. Сэ аштент? Ба нич сэ сперь!*

Ба е милостив:

- *Фэрэ езитаре цъ-аш фи спус сэ кутезь спре ачел рэсэрит,*

Унде ну е нич хаос, нич пыклэ ын жур, нич мунте дур. [Настас,2019: 49].

Е о антитезэ талантатэ ын интерпретацие, каре фаче ынкэ ши май сигурэ екзистенца адевэратулуй глас лирик.

Аша дар, рефлексия меканисмулуй де наштере а сенсурипор ын дискурсул поетик не реадуче ла гындул кэ: текстул девине о зонэ де бифуркаре ын урма интерактивэрий енержисмулуй ауторулуй, либертэций гындулуй ауторическ ши либертэций конштиинцей перчеперий, ынсуширий, ынцележерий либертэций конштиинцей чититорулуй. Ануме синергия креаторулуй ши чититорулуй лэмуруште нестабилитатя, инлиниарул ши синчеритатя поезией Нелий Настас.

*Ам юбит ши-аш юби, кэч штиу а юби,
Дар, Доамне, фереште-мэ де трэдэторь,
Де кин
Ши пелин.
Реварсэ луминэ, фиор, зи де зи,
Сэ мурмуре апеле, помий ын сорь
Ши рубин!
Амин!*

Практика интерпретэрий поезией аре импортанцэ методоложикэ: конштиентизаря дискурсулуй поетик дин пункт де ведере ал синержетичий не дэ посибилитате сэ фачем объектул анализей контемпоране филоложиче спациу семантик пентру дискурсул артистик нестабил, сэ реадучем версиунь посибиле ши импосибиле, демонстрынд вариабилитатя оперей артистиче. Ла фел, дескоперим ну нумай фрагментализаря сенсулуй поетик ал текстулуй артистик, чи ши дескидем о ноуэ пажинэ а суфлетулуй де поет.

Литература

- Лотман, Ю.М. О природе искусства. [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LOTMAN/LOTMAN05.HTM>, с.3
- Мандельштам, О.Э. Разговор о Данте. [Электронный ресурс]. URL: https://rvb.ru/20vek/mandelstam/slovo_i_kultura/01text/01text/13.htm
- Настас, Н.В., Режина ноций, 2008, Тинар, Тираспол
- Настас, Н.В., Гемулец де аминтирь, 2019, 000 «Теслайн», Тираспол
- Настас, Н.В., Вибрызэ тимпул а фрэмынт, 2010, Тинар, Тираспол
- Пригожин, И.Р. Философия нестабильности. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/875>

УДК 811.161.1:81`28

Недоступова Л.В.

ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТА РЕЧИ ЖИТЕЛЬНИЦЫ РАМОНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

***Воронежский государственный технический университет
Воронеж, Россия***

В работе рассматривается речь¹ жительницы села северо-запада Воронежской области Российской Федерации. Актуальность статьи обусловлена интересом к языковой личности в положении нивелирования народных говоров. Цель исследования заключается в воссоздании особенностей речи, характеризующих портрет диалектоносительницы Рамонского района Воронежской области посредством его фонетических и грамматических свойств. Материалом данного изыскания стали записи бесед с Макаровой Марией Семёновной в полевых условиях. Объектом работы является портрет речи носителя народного языка. Предметом статьи выступают характеристики говора информатора. В процессе исследования определены диалектные черты: аканье; иканье; яканье; [u] на месте древнерусского [ъ]; отсутствие перехода: [e] в [o], [o] в [a]; появление гласного/согласного в слове; [ʏ] фрикативного образования; замены: [к] на [х], [к'] на [т'], [д] на [н], [ф] на [хв], [ч] на [ш]; на месте мягких согласных иногда функционируют твёрдые; звонкий согласный употребляется на месте глухого; перестановка с инверсией; упрощение согласных и/или отдельных гласных; удлинение основы слова посредством появления согласных и/или гласных; произношение, отличное от литературного языка; разрушение категории рода и мн. др. Сделан вывод о том, что речи респондента присущи качества южнорусского диалекта, демонстрирующего некую устойчивость, хотя и испытывающего естественное влияние со стороны литературного языка.

Фонетические особенности, грамматические характеристики, портрет речи, говор

¹ Примечание: в работе используется русская упрощённая транскрипция.

Введение

«Все люди говорят как бы одним языком, и в то же время у каждого человека свой отдельный язык. Необходимо изучать живую разговорную речь и речь отдельного индивидуума», поскольку «только в речи индивида язык достигает своей окончательной определённости» [Гумбольдт, 1984: 84]. Значимость этого высказывания В. Гумбольдта не вызывает сомнений, что подтверждает актуальность статьи, которая обусловлена исследовательским интересом к диалектной языковой личности в положении нивелирования народных говоров. Новизна настоящей работы состоит в том, что в ней впервые по рассказам-воспоминаниям описаны речевые черты жительницы села Берёзово.

Цель исследования заключается в воссоздании особенностей речи, характеризующих портрет диалектоносительницы Рамонского района Воронежской области посредством описания его фонетических и грамматических свойств.

Лингвистическим материалом данного изыскания стали записи устной речи Макаровой Марии Семёновны, 1925 года рождения. Они получены в ходе бесед с ней в 2011 году в полевых условиях.

Объектом статьи является портрет речи обладателя народного языка. Предметом работы выступают черты говора информатора.

В ходе проведения исследования и оформления результатов применены методы опроса, наблюдения, описания и анализа.

Следует отметить, что «проблемам языковой личности, речевому портретированию посвящены работы В.П. Тимофеева, Ю.Н. Караулова, Р.Ф. Пауфошима, Л.Г. Гынгазовой, Е.А. Крапивец, В.Д. Лютиковой, К.И. Демидовой, Е.В. Иванцовой, С.В. Шильниковской, Ю.Н. Драчевой, С.А. Ганичевой, Н.Н. Зубовой, Е.Н. Ильиной, М.И. Черняевой, Л.В. Недоступовой» [Недоступова, 2023: 40].

Подчеркнём, что в процессе проводимых исследований нами описаны особенности речевого портрета жителей: села Щучье Лискинского района Воронежской области [Недоступова, 2019: 210-214], села Борщёво Хохольского района Воронежской области [Недоступова, 2022: 323-330], села Юрьевка Губкинского района Белгородской области [Недоступова, Белашов, 2023: 69-73], посёлка Высокого Таловского района Воронежской области [Недоступова, 2023: 15-21] и др. Однако до сих пор данная проблематика для нас остаётся весьма интересной, поскольку не только отражает состояние говоров нового тысячелетия, но и особенности личности носителя народного языка.

Особенности портрета речи жительницы Рамонского района Воронежской области

Прежде всего, отметим, что «в современных условиях нивелирования народных говоров ценность для диалектолога представляет каждый человек, в речи которого проявляются диалектные черты» [Борисова, Костина, 2019: 18]. Более того, «исследуя говоры сельских поселений или отдельных языковых личностей, мы получаем любопытную информацию о жизни предшествующих поколений, свидетельствующую о прошлом региона, нашей истории в целом, необходимую как память и бесценный опыт для понимания в новом тысячелетии» [Недоступова, 2022: 328].

Наш лингвистический интерес представляет речь жительницы небольшого сельского социума. Обратим внимание, что «Березовское сельское поселение входит в состав Рамонского района, который в свою очередь находится в северо-западной части Воронежской области на правом и левом берегу р. Дон, правом и левом берегу р. Воронеж. Граничит с Семилукским, Верхнехавским, Новоусманским, районами, городским округом город Воронеж Воронежской области и с Липецкой областью» [Администрация Берёзовского сельского поселения, URL].

Укажем, что «село Берёзово упомянуто в «Дозорной книге» 1615 года как село с деревянной церковью (каменная возникла в 1856 году) состоящее из 30 дворов. А возникло оно значительно раньше. На реке имелась пристань. Слово, которое легло в основу названия села, не вызывает сомнения - это береза. <...> В 1797 году в России уезды были разделены на волости. Село стало центром Березовской волости. В 1900 году в селе было 174 двора и 1166 жителей, три лавки, одно общественное здание, земская школа и трактир [Администрация Берёзовского сельского поселения, URL].

Добавим, «с XVII века березовскими землями владели помещики Каверины. Известно, что первому из них, боярину Каверину государь Алексей Михайлович Романов жаловал эти земли «за ратные подвиги в войне с поляками и потерю руки». Последний по мужской линии помещик Федор Каверин скончался в 1881 году. Он завещал имение своей дочери Варваре Федоровне, в замужестве Русановой. Усадьба Русановых резко выделялась на фоне крытых соломой крестьянских хат. Удачно распланированные аллеи каштанов, лип, сосен, а также сад и оранжерея говорили о большой любви к садоводству. Русановы были прогрессивными людьми, и в 1901 году они организовали школу с трехлетним обучением, <...> затем в четырехлетнюю, а в 1912 г. свои двери распахнула новая земская школа.

Березовская <...> кирпичная церковь Вознесения Христова, впоследствии переименованная в Кресто-Воздвиженскую <...> самая красивая в округе церковь с высокой колокольней и круглыми куполами из красного кирпича, с голубыми крышами и позолоченным крестом была построена, по преданию, «на крови» сына Русановых, в один из летних дней утонувшего в реке. Русановы распорядились построить новую церковь в своем имении напротив спуска к реке, где произошла трагедия. <...> В 30-х годах церковь, закрыли, сейчас она функционирует <...> Сегодня от дома Русановой – основательницы сельскохозяйственной школы – осталась жалкая груда развалин. В память о Кавериных-Русановых только часть села, выступающая к реке, хранит старое название – Каверино» [Немного об истории, URL]. Известно, что «в настоящее время в селе Берёзово имеются: бройлерный цех ООО «Куриное царство», средняя школа, библиотека, детский сад. По данным 2011 года здесь примерно 1530 человек» [Берёзово, село, URL].

Существенные характеристики языковой личности старшей возрастной группы с. Берёзово представим в данной статье.

Примечательно, что в речи Макаровой М.С. прослеживаются следующие особенности:

1. Аканье: [а́брати́на, а́уаро́т, а́руни́зам, а́пу́хшия, а́тхвати́л, ба́льна́я, ва́кзал, вяза́ства, у́ато́вил, да́рауо́й, жа́лудак, жа́на, забале́ла, ка́ро́пти, па́дава́л, па́мау́а́я, пла́ды, пше́но, ра́дилась, са́лдат, са́стая́нья, са́суды, хра́мая, ча́тыри, чича́вица] и др.

2. Иканье: [укри́пленья прикро́ю], но оно немногочисленно.

3. Яканье: [вясна́, девя́цать, дя́сятау́а, дя́тям, зя́лёный, каря́нны́х, ля́ка́рства, ля́чи́ть, ня́деля, ня́льзя, ня́мно́шка, патя́ря́ла, пиря́ехал, пиря́шла, привя́зли, пя́че, свя́кла, сикря́та́рь, сия́зёнка, смя́тана, сядьмо́й, ся́ло, Ся́мённа, ся́стру́ха, тря́на́цать] и др. Подчеркнём, что ассимилятивно-диссимилятивное яканье является характерной чертой говоров Воронежской области.

4. [и] на месте древнерусского [ѣ]: [йи́сть, йи́шио́, сьйи́сть] и др.

5. Отсутствие перехода [e] в [o]: [живе́ть, йи́е́, кладе́шь, натре́шь, памне́ть] и др.

6. Отсутствие перехода [o] в [a]: [во́ришь, сво́ря] и др.

7. Появление гласного / согласного в слове: [ару́ни́зам, ля́ка́рства, ми́не, э́нтай] (организм, лекарство, мне, этой) и др.

8. Функционирует звук [ʏ] фрикативного образования: [ару́ни́зам, а́уаро́т, ба́уа́тыя, у́ато́вили, у́варя́ть, у́де, у́лаби́н, у́ла́вная, у́луха́я,

уляну́ла, уо́да, уадо́ф, уазе́та, урам, друу́ая, дарау́ой, дяся́тауа, жа́рьянауа, кнiу́а, мау́ла, мно́уа, на́шауа, пау́ро́мчи, памау́ая, приу́ласи́л, пятау́а, разуа́во́р, разуава́рьвая, руу́ая, тако́уа, тíхауа] и др.

9. Замена [к] на [х]: [карто́ха].

10. Замена [к'] на [т']: [бути́лти, каро́нти, карти́нти, кле́тти, ма-лачтё, марко́фти, никати́х, пра́знти, ста́ринтия, табле́тти, ху́дин-тия] и др. Уточним, что регулярное изменение согласного [к'] в [т'] наблюдается в числе многих русских говоров.

11. Замена [д] на [н]: [ка́жная].

12. Замена [ф] на [хв]: [прохвёссор, хвёрма]. Об этой черте воронежских говоров Н.П. Гринкова писала: «Любопытно отметить, что это фонетическое явление охватывает не только старый состав слов, как хвартук, хванарь, хранцуз или собственные имена, как Хвилип, Хведот и т.п., а захватывает фонетическое оформление совсем новых слов, в самое последнее время попавших в местный язык: хвонт, хвакт, па урахвику» [Гринкова, 1947: 197].

13. Замена [ч] на [ш]: [шо, шо́бы], однако подобные случаи немногочисленны. Добавим, что шока́нье присуще говорам южнорусского наречия.

14. На месте согласных мягких иногда функционируют твёрдые: [вяшаства́, в о́пшим, же́ншина, йишио́, мо́ршины, пи́шиша, при-крашишаю, про́шиши, пу́рэ, ра́нши, сем, шиши, шишо́ки] (вещества, в общем, женщина, ещё, морщины, пища, прекращаю, проще, пюре, раньше, семь, щи, щёки) и др.

15. Отмечен случай употребления звонкого согласного на месте глухого: [на пёнзиши].

16. Зарегистрирована перестановка с инверсией: [На неврнай по́чви] (На нервной почве).

17. Наблюдается упрощение согласных и/или отдельных гласных: [ака́заюца, бо́ли, васприма́я, вса́свать, все́-тки, вырабатвать, уваря́ть, улаби́н, жа́рьянауа, збирала, када́, как-ньть, картофным, младец, ничо́, папробвать, питьсят, розваи, роцвиники, сабрази́л, связны, седня, Сяме́нна, тада́, ты́шиша, фсяда́, шо, шо́бы, щас, эт] (оказываются, больше, воспринимает, всасывать, всё-таки, вырабатывать, говорят, гемоглобин, жареного, собирала, когда, как-нибудь, картофельным, молодец, ничего, попробовать, пятьдесят, розовые, родственники, сообразил, связаны, сегодня, Семёновна, тогда, тысяча, всегда, что, чтобы, сейчас, этот) и др.

18. И, наоборот, имеет место *удлинение* основы слова посредством появления согласных и/или гласных: [*здéсья* (здесь), *нету* (нет), *та́ма* (там), *памаўну́л* (помог), *пато́ма* (потом), *прайти́ть* (пройти), *сра́зам* (сразу)], что объясняется удобством произношения в говоре.

19. Смена места ударения: *вё́рнимси* – вернёмся, *ўляну́ла* – глянула, *дзя́ям* – дётям, *мо́ршины* – морщи́ны, *нужо́н* – ну́жен, *свяклу́* – свёклу и др.

Анализ фрагментов речи Макаровой М.С. позволяет репрезентировать её *грамматические особенности*.

Наиболее яркие из них нашли отображение в портрете:

1. Окончание *-ю* на месте нулевого *у* существительных женского рода в единственном числе в винительном падеже: [*Пражила́ я фсю жы́зню*].

2. Окончание *-ев* на месте *-ей* у существительных во множественном числе в родительном падеже: [*Ста́рых житилéв уш ма́ла*].

3. Окончание *-у* на месте *-а* у существительных мужского рода в единственном числе в родительном и винительном падежах: [*Ни лу́ку нéту, ни укро́пу нé* была. *Луку натру́*] и др.

4. Окончание *-у* на месте *-е / -о* у существительных среднего рода в единственном числе в винительном падеже: [*Туды́ и маслицу́. Мясу́ варю́*] и др.

5. Окончание *-е* на месте *-и* у существительных женского рода в единственном числе в предложном падеже: [*Ф пячé рúскай*].

6. Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном и винительном падежах на конце имеют *-е*: [*Прахвэ́сар минé сматрэ́л. У минé сястру́ха. Минé заста́вила. У минé вон кни́шка. Минé сын руу́а́я. У минé карти́нти. Вы минé изви́ня. У минé пани́жин. У тибé бали́ть*] и др.

7. На конце глаголов 3-го лица единственного и множественного числа используется *-ть*: [*Сасу́ды ўва́ра́ють у́же сла́быя. Ани́ васприма́ють. Карто́ху памне́ть. У тибé бали́ть. Сядьмо́й ўот иде́ть. Тра́вник в до́ми живе́ть. В ўазéти уш абъявля́ють. Ма́льчик ўва́ри́ть. Фся эт кипи́ть*] и др.

8. В 3-м лице на конце глаголов единственного и множественного числа отмечены гласные: [*Прям карто́ху сво́ря. Ана́ памау́а́я. Он разува́ра́вая. Та́ма пи́ша. Убива́я кле́тти ра́ка. Даё́ плады́ ка́жный мэ́сиц. Врач мо́жа. Здéсья прадава́я. Сем ты́ши сто́я. Мо́жа скры́ть. Руу́а́я си́льна. Зде́лая празра́чнай суп. Жалу́дак ни васприма́я. Име́я*

роль. Дочь та́ма рабо́тая] и др.

9. В возвратных глаголах постфикс **-ся** на месте **-сь**: [Тада пита́лися. Лячи́лася уадо́ф пять. У мине́ разви́лися. Сасу́ды раши́рилися. Уже́ смири́лися. Жéнишыны аста́лися] и др.

10. В возвратных глаголах постфикс **-си** на месте **-ся**: [Прадава́лси он з дзясятауа уо́да. В аптэ́ки паяви́лси. Пато́ма ве́рнимси абра́тна] и др.

11. Налицо разрушение категории рода: [Ф наслéднюю вре́мя. Вре́мя ны́ня патяря́ла. В адну́ вре́мя е́ли. У нас была́ вре́мя. Нашла́ такую́ кнíга. Нада йи́сть кури́ная мя́су. Мя́са для бе́дных. Ка́чества дру́аа. Ка́мень была́. Така́я ляка́рства. Вре́дна ляка́рства. Така́я де́рева. Фсю́ та́ма ууаши́ению. Мя́су туше́наю] (В последнее время. Время сегодня потеряла. В одно время ели. Нашла такую книгу. Надо есть куриное мясо. Мясо для бедных. Качество другое. Камень был. Такое лекарство. Вредно лекарство. Такое дерево. Всё там угощение. Мясо тушёное) и др.

Заклучение

Таким образом, становится очевидно, что речевому портрету речи жительницы с. Берёзово свойственны характеристики южнорусского диалекта. Информант достаточно словоохотлив и красноречив. Подытожив, определим отчётливо проявляющиеся особенности говора М.С. Макаровой.

Среди *фонетических* свойств:

- ✿ аканье; иканье; яканье;
- ✿ [и] на месте древнерусского [ѣ];
- ✿ отсутствие перехода: [е] в [о], [о] в [а];
- ✿ появление гласного/согласного в слове; [γ] фрикативного образования;
- ✿ замены: [к] на [х], [к'] на [т'], [д] на [н], [ф] на [хв], [ч] на [ш];
- ✿ на месте мягких согласных иногда функционируют твёрдые;
- ✿ звонкий согласный употребляется на месте глухого;
- ✿ перестановка с инверсией; упрощение согласных и/или отдельных гласных;
- ✿ удлинение основы слова посредством появления согласных и/или гласных;
- ✿ смена места ударения и др.

Среди *грамматических* черт:

- ✿ у существительных окончание **-ю** на месте нулевого в женском роде в единственном числе в винительном падеже; **-ев** на месте **-ей** во множественном числе в родительном падеже; **-у** на месте **-а** в мужском

роде в единственном числе в родительном и винительном падежах; -у на месте -е/-о в среднем роде в единственном числе в винительном падеже; -е на месте -и в женском роде в единственном числе в предложном падеже.

✿ у глаголов постфикс -ся на месте -сь, -си на месте -ся; -ть или гласная на конце глаголов 3-го лица единственного и множественного числа.

✿ личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном и винительном падежах на конце имеют -е.

✿ кроме того, имеет место разрушение категории рода.

Наконец, нельзя не заметить, что, описывая в 2018 году качества языковой личности Подолян Марии Никифоровны (также проживающей в селе Берёзово), мы пришли к пониманию того, что «в речи респондента сочетаются черты говора украинского языка и южнорусского наречия» [Недоступова, Бажанова, 2018: 28]. «Они настолько переплелись в речи М.Н. Подолян, что в настоящее время представляют собой особое лингвистическое явление с присущими ему характерными признаками» [Недоступова, Бажанова, 2018: 30].

Всё вышеперечисленное позволяет заключить: в исследуемом сельском поселении представлены разные диалектные явления, присущие южнорусским и русско-украинским говорам. Их особенности, проявляющиеся в живой речи старожилов, свидетельствуют о сохранности черт, сформированных в раннем детстве: Макарова М.С. всегда проживала на этой территории, Подолян М.Н. раннее детство провела в Винницкой области. Данные примеры свидетельствуют о том, что диалекты по-прежнему демонстрируют некую устойчивость, и в то же время испытывают естественное влияние со стороны литературного языка.

Резюмируя, укажем, что настоящее научное сочинение дополняет новыми данными имеющиеся работы по изучению народных говоров Воронежской области в XXI столетии ценными материалами и имеет практическую значимость. В перспективе продолжением работы могут стать разноплановые исследования, отражающие лексические и словообразования особенности речи диалектоносителей, проживающих в небольших сельских населённых пунктах.

Литература

Администрация Берёзовского сельского поселения [Электронный ресурс]. URL: <http://berezovo-rmn.ru/poisk>.

Theory and Practice of Communication / Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko, Tiraspol, February 21-22, 2024, Volume 1.

Немного об истории села Березово Рамонского района. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-34519266_4860.

Берёзово, село – Воронежская Энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vrnency.ru/vol-1/ve-1-b/a-00107-b>.

Борисова, О.Г., Костина, Л.Ю. Актуализация материнского языка в речи современного сельского жителя // Филология и человек. 2019. № 3. С. 18-29. DOI 10.14258/filichel(2019)3-02.

Гринкова, Н.П. Воронежские диалекты: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ленинград: Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1947. Т.55. 300 с.

Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Под ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Недоступова, Л.В., Бажанова, А.А. Характерные признаки речи жительницы села Берёзово Воронежской области (словообразовательный аспект) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж. 2018. № 4 (31). С.28-33.

Недоступова, Л.В. Речевой портрет щучанки (на материале говора села Щучье Лискинского района) // Воронежское краеведение: традиции и современность. Материалы ежегодной областной научно-практической конференции 24 ноября 2018 г. Воронеж, 2019. С. 210-214.

Недоступова, Л.В. Фонетические особенности говора села Борщёво Хохольского района Воронежской области (на материале речевого портрета одного носителя) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2022. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 323-330.

Недоступова, Л.В., Белашов, А.А. Речевой портрет юрьевчанки как отражение мира человека // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс]. Воронеж: ВГТУ, 2023. С. 69-73.

Недоступова, Л.В. Особенности речевого портрета диалектоносителя Таловского района Воронежской области как отражение деревенской действительности // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж. 2023. № 4(51). С.15-21.

Недоступова, Л.В. Диалектная языковая личность села Коломыцево Воронежской области // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 39-47. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-39-47.

УДК 81`42+808.1

Полежаева С.С.

**ТЕКСТ ВЕРБАЛЬНЫЙ И ВИЗУАЛЬНЫЙ:
ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА М.Ф. ЛАРИОНОВА**

**Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко
Тирасполь, Приднестровье**

Статья посвящена описанию текста как коммуникативного кода ретрансляции культурно-исторических реалий и выполнена в рамках актуального лингвосинергетического направления современной лингвистической науки. Текст рассматривается как вербальная и визуальная реализация информации. Материалом исследования является языковая и художническая личность уроженца города Тирасполя Михаила Федоровича Ларионова. Цель: описать особенности воплощения образа Тирасполя художником в его картинах и письменных текстах (художественно-биографическом дискурсе), а также представить рецепцию этого представления горожанами – визуализацию его идей в современном городском пространстве в свете концепции воспитательного потенциала визуальной культуры. Основные методы исследования: анализ и синтез, описательный метод, метод культурологической интерпретации, позволивший выделить механизмы трансляции ценностно-смыслового содержания текстов культуры (вербальной и визуальной) художника М. Ф. Ларионова современниками и потомками. Результаты: отражение образа Тирасполя (родного города художника) в его творческом наследии высвечивает особенности языковой и художнической личности М. Ф. Ларионова; исследование творчества художника в вербальном и визуальном «форматах» как текстов культуры в траектории «от слова – к визуальному образу» приводит к выводу о тождестве восприятия образа родного города; представленная рецепция художественного творчества М. Ф. Ларионова современными тираспольчанами отражает актуальный сегодня стиль «стрит-арт»; есть определенная связь между стилистикой мозаичных панно, отсылающих к стилистике ушедшей советской эпохи, и

стилистикой ларионовских образов, получивших воплощение в период работы художника в «вывесочном» стиле. Выводы: творческое наследие М. Ф. Ларионова и изучение его роли в современном обществе, воздействие на культуру сегодняшнего поколения имеет большое воспитательное значение. Перспективной видится разработка вопросов, связанных с воспитательным потенциалом визуальной культуры – одной из актуальных проблемных зон в разных предметных областях современной метанауки.

М.Ф. Ларионов, лингвосинергетика, текст культуры, рецепция, стрит-арт

Введение

Текст – пространство многомерное, представленное не только в вербализованном (письменном, устном и виртуальном) формате, но и понимаемое гораздо более широко: текст в виде музыкального произведения, живописного полотна, скульптурной композиции, технического устройства. Иными словами, текст – это явление коммуникации, рупор трансляции исторических фактов, культурных притязаний народов, показатель его нравственных, экономических, технических и других ориентиров.

Такое понимание текста сегодня актуализируется в рамках когнитивного, коммуникативно-деятельностного, лингвокультурологического и других направлений современной науки – лингвистической, философской, психолингвистической и др. Этими концептуально важными направлениями, а также не решенными пока еще в науке проблемами, которые выделяются специалистами, определяется актуальность данного исследования.

В данной статье развиваются идеи, отраженные в работах автора [Полежаева, 2019а; Полежаева, 2019б; Полежаева, Мошнина, 2020; Полежаева, 2023]: город Тирасполь рассматривается как семиотический текст визуальной культуры, воздействующий на формирование культурно-нравственного облика современников. Методологической базой исследования служат работы, в которых пространство города рассматривается в разных его плоскостях (историко-культурной, ландшафтной, ономастической и др.): это проблемное поле, активно изучаемое сегодня урбанонимной лингвистикой; ([Соколова, 2018]; [Шмелева, 2019]), в том числе на приднестровском материале ([Романенко, Мизернюк, 2018]; [Романенко, Мизернюк, 2019]) и др.), региональным краеведением (работы

приднестровских географов [Кривенко, Симаченко, 2010]).

Продолжая разработку исследования в концепциях актуальных проблем семиотической поликодowości урбанонимного пространства и его онимизации [Шмелева, 2019], городского визуального коммуникативного пространства [Кашкабаш, 2014], воспитания визуальной культуры [Баркова, Власов, Тамаровская, 2019], мы обратились к изучению образа Тирасполя как синергетического поликодového объекта – города, получившего отражение в живописной культуре, а именно на полотнах уроженца города Тирасполя, художника с мировым именем Михаила Федоровича Ларионова.

Цель работы: описать особенности воплощения образа Тирасполя художником в его картинах и письменных текстах (фрагментов из воспоминаний, дневниковых записей), а также рецепцию этого представления горожанами – визуализацию его идей в современном городском пространстве в свете концепции воспитательного потенциала визуальной культуры. Эта цель реализуется решением двух задач: 1) показать, как сегодняшние жители приобщаются не только к культурному наследию своего земляка, но и к актуальным направлениям реализации искусства (его направлений) в современном урбанистическом пространстве; 2) показать, как визуальная культура позволяет изменять городское пространство, делая более выразительной окружающую среду для формирования эстетически образованной личности многонационального общества.

Новизна подхода в исследовании состоит в том, что впервые предпринята попытка осмысления художественного полотна творчества М.Ф. Ларионова, посвященного Тирасполю, как текста визуальной культуры и его современной рецепции в аспекте поликодовой семиотической коммуникации, а также в том, что впервые проводится исследование соотношения вербального и визуального текстов этого художника в части отображения образа Тирасполя в траектории «от слова – к визуальному образу». Основным методом исследования, кроме анализа и синтеза и описательного метода, стал метод культурологической интерпретации, позволивший выделить механизмы трансляции ценностно-смыслового содержания текстов культуры (вербальной и визуальной).

Подчеркнем, что проблемное поле визуальной культуры сегодня в урбанистике признается недостаточно разработанным и требующим, на наш взгляд, детального научного изучения в урбанонимной лингвистике и региональной (приднестровской) урбанистике. Мы разделяем справедливое суждение исследователей о том, что визуальная культура является обязательным компонентом культуры личности и «предполагает единство

и синтез визуального мировоззрения, а также системы способностей полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки получаемой человеком информации» [Баркова, Власова, Тамаровская, 2019: 55-56] и, добавим, человеком, живущим в многонациональном сообществе.

Исследование творчества М.Ф. Ларионова

Современные тираспольчане, отдавая дань уважения и памяти своим предкам-землякам, их заслугам, воплощают свою благодарность в разного рода памятных знаках культуры – от минимализованных по форме до значительных по размеру.

К **первым** (минимализованным по форме) отнесем два вида артефактов: 1) почтовые марки (например, серия почтовых марок “Приднестровье накануне Первой мировой войны” [<https://markapmr.ru/news/pridnestrove-nakanune-pervoj-mirovoj-vojny-anons/>]), где представлена униформа солдат воинских частей, дислоцированных на территории современного Приднестровья, в том числе в Тирасполе, в 1913 году) и 2) памятные именные монеты, выпущенные Приднестровским Республиканским банком [<https://www.cbpmr.net/content.php?id=54>]. Среди них – «М. Ф. Ларионов», «Н. Д. Зелинский», «Л. А. Тарасевич», «Я. С. Гросул», «В. С. Соловьева», «Гарри Файф». Каждая из этих монет увековечила память о наших земляках-тираспольчанах, реализовавших себя в разных профессиональных областях (Михаил Федорович Ларионов – в области живописи; Николай Дмитриевич Зелинский – в химии; Лев Александрович Тарасевич – в микробиологии и иммунологии; Яким Сергеевич Гросул – в исторической науке; Валентина Сергеевна Соловьева – в области инженерии швейного производства; Гарри Файф (Гарри Семёнович Файфермахер) – в области архитектуры). Сведения о каждой из этих исторических личностей имеются в широко известных энциклопедиях и справочниках, в том числе в интернет-изданиях.

Ко **второй** группе (значительным по размерам визуальным объектам культуры) отнесем городские бюсты-памятники, а также памятные знаки в честь знаменитых уроженцев-тираспольчан: Н. Д. Зелинскому (химику-органику), В. С. Соловьевой (руководителю Тираспольской швейной фабрики «40 лет ВЛКСМ» в 70-80-е годы XX в.), памятный знак (камень) М. Ф. Ларионову на улице с его именем (концептологу русского авангардизма в живописи) (см. об этом [<http://fond-bud.info/news.html?id=1464594176#s>]). Как видим, в Тирасполе на сегодняшний день, к сожалению, нет (или они имеются лишь на начальном этапе разработки) памятников/бюстов/памятных знаков другим, отмеченным в данной статье, знаменитым землякам.

1. О художнике М. Ф. Ларионове

Михаил Федорович Ларионов (1881–1964) – один из крупнейших художников XX в. – вошел в историю мировой культуры как график, театральный декоратор, хореограф, исследователь балета, коллекционер, знаток русского фольклора и, самое главное, – живописец, заложивший основы русского авангардизма и создатель концепции лучизма – новой в 10-х годах XX в. формы беспредметного искусства [См. об этом: <https://ru.wikipedia.org/>]. Суть лучизма в том, что предметом изображения в живописи становится не сам реалистичный предмет, передаваемый на полотне, а осмысленная творческим воображением художника аура этого предмета, иными словами, предмет пронизывает энергия пересекающихся лучей и он теряет свой облик; именно отражение этих лучей от предмета и видит зритель на полотне, т.е., по мнению художника, это в большой мере близко тому, как предметы видятся глазу. В этом понимании М. Ф. Ларионов близок французским художникам-импрессионистам, воплощавшим свои творческие идеи на пленэре, – ведь воздух тоже меняет очертания предметного мира.

Имя Ларионова – «из первого десятка имен в европейском искусстве миновавшей эпохи», – пишет о М. Ф. Ларионове доктор искусствоведения Г. Г. Поспелов [Поспелов, Илюхина, 2005: 5], относя его живопись к «постгогеновской» линии искусства [Там же, 7]. Валентин Серов называл художника «самым скандально-спорным и самым талантливым живописцем своего поколения» [<https://ar.culture.ru/ru/subject/noch-tiraspol/>].

Михаил Ларионов был знаком с такими ключевыми фигурами конца XIX – начала XX в., как Валентин Серов, Константин Коровин, Владимир Маяковский, Александр Блок (художник создал иллюстрации к книгам этих двух поэтов), Велимир Хлебников, Казимир Малевич, Пабло Пикассо, Сергей Дягилев, Игорь Стравинский. Каждый из них оставил свой след в формировании творческого идиостиля М. Ф. Ларионова и для каждого из них М. Ф. Ларионов также стал знаковой фигурой. «Все мы прошли через школу Ларионова», – говорил Маяковский (Цит. по: [Харджиев, 1997: 77. примеч. 117]), имея в виду не просто свою связь с коллегами по первой профессии, а ту эвристическую роль в обновлении творческого мышления, затронувшем все области культуры, которая принадлежала живописи и лично Ларионову как создателю концепции нового, авангардного направления в изобразительном искусстве [<https://lavrus.tretyakov.ru/publications/ty-yavilsya-spozaranok/>].

Этому кругу людей исторически была уготована возможность жить «в эпоху перемен». Отсюда – революционные веяния и в области

искусства, а не только социально-политическая революция первых двух десятилетий XX в.

Интересна фраза-манифест М. Ф. Ларионова, ставшая своеобразным творческим кредо единомышленников-новаторов, сказанная им на Выставке картин группы художников «Мишень» в 1913 году: *«Признание копии самостоятельным произведением. <...> Признание всех стилей, которые были до нас и созданных теперь, как кубизма, футуризма, орфизма, провозглашаем всевозможные комбинации и смешение стилей. <...> Напряженность чувства и его высокий подъем ценим больше всего»* (Цит. по: [<https://rozanova.net/article/409.html>]). В данном высказывании обратим внимание на языковые единицы **всех** (стилей), **все**возможные (комбинации). Они явно переключаются с термином, который активно использовал художник, – **«всёчество»**: революционные изменения в этот период, как известно, самым ярким образом отразились и на языке. Всёчество – это принятие всех направлений, стилей, форм, традиций и попытка их объединить [<https://magisteria.ru/mikhail-larionov/larionov-and-xx-century>]. Для Ларионова всёчество – это стратегия борьбы с устаревшим и утверждения новой неклассической эстетики [<https://rozanova.net/article/409.html>].

В самом начале своего творческого пути М. Ф. Ларионов создает цикл работ, отвечающих импрессионистическому их пониманию, а также фигуративные композиции, и именно здесь выделяются полотна, посвященные Тирасполю – городу, в котором знаменитый в будущем художник родился и где провел детские годы (см. биографические сведения в: [<https://ru.wikipedia.org/>]). Среди знаменитых живописных полотен, которые относят к тираспольскому циклу, – «Сад» (начало 1900-х годов), «Абрикосовый сад» (1903-1904 гг.), «Сад и огород позади дома» (середина 1900-х годов), «Розовый куст после дождя» (1904 г.), «Акации весной (Верхушки акаций)» (1904 г.), «Куст сирени в цвету» (1905 г.), «Яблоня после дождя» (1906 г.), «Ночь. Тирасполь» (1907 г.), «Окно. Тирасполь» (1909 г.), «Цветущее дерево. Тирасполь» (1909 г.), «Натюрморт с глиняной посудой. Тирасполь» (1909 г.), «Площадь провинциального города» (1909 г.), «Бульвар в Тирасполе (Пейзаж при свете луны)» (1911 г.) и др. Как видим, в пяти из приведенных картин в названиях есть само указание города – Тирасполь.

Сегодня в Тирасполе, на родине художника, нет ни одной подлинной его работы. К сожалению, не увенчались успехом попытки передать ряд работ М. Ф. Ларионова, предпринятые после смерти художника его секретарем и супругой (во втором браке), А. К. Томилиной, в его родной город. Однако мы гордимся тем, что полные жизнелюбия и света полотна

М. Ф. Ларионова «Куст сирени в цвету», «Площадь провинциального города» и многие другие пастели тираспольского цикла хранятся сегодня в известных музеях мира и частных коллекциях – Парижа, Лондона, Мадрида, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa и других. В 2018 году в Третьяковской галерее в Москве состоялась большая персональная выставка художника М. Ф. Ларионова. Выставки работ художника, вернисажи организуются и в Тирасполе – широко известными стали такие выставки в годы юбилея художника (в честь 135-летия и в честь 140-летия со дня рождения художника; в нынешнем, 2024 году, исполнится 60 лет с даты смерти М. Ф. Ларионова, думается, что эта дата также будет ознаменована выставками его работ и вниманием общественности к тому месту, где именно в Тирасполе прошли его детские годы, к дому, который не сохранился, к тем результатам поисковых работ, которые проводились тираспольским краеведом Ростиславом Симаченко. [См. об этом в: https://www.youtube.com/watch?v=vXsyAydIrRQ&ab_channel=%D0%A2%D0%A1%D0%92].

2. От вербального текста к визуальному: языковая и художническая личность М.Ф. Ларионова.

2.1. Воспоминания М. Ф. Ларионова о Тирасполе

Выражение немецкого писателя Лиона Фейхтвангера «Талантливый человек талантлив во всех областях» в полной мере можно отнести к творческой личности М. Ф. Ларионова. «Михаил Ларионов не только гениальный художник, но и философ от искусства. Его представления о жизни, независимости, признании, противостоянии Востока и Запада, модернизме и других важных вопросах современности сохранились в статьях, письмах и манифестах» [Федотова, 2020].

На данном этапе, развивая исследовательскую концепцию Н. А. Хайдаровой [Хайдарова, 2020], мы реализуем траекторию изучения исследовательского материала от словесного образа к визуальному образу. Мы считаем, что мемуарные, дневниковые записи художника, фрагменты из его записных книжек, т.е. все то, что принято называть *вербальным письменным текстом*, дают возможность осмыслить его художественное творчество – *визуальный текст* в виде картин, набросков, рисованных театральных костюмов сценических персонажей для балета и под. Именно такому пониманию мы следуем в дальнейшем изложении.

От картин М. Ф. Ларионова, посвященных Тирасполю, веет теплотой и ощущением светлого восприятия жизни. Оставляя за рамками данной статьи профессиональный комментарий достоинств самих этих живописных полотен, сконцентрируем свое внимание на текстовой, письменной форме представления художником родного для него города. (Мы

используем фрагменты его воспоминаний – воспоминаний, которым художник придавал большое значение, ср.: «*Воспоминания, воспоминания – это самое ароматное, самое дорогое, самое изысканное, самое красивое, что может быть в жизни человека*» [<https://lavrus.tretyakov.ru/publications/khudozhnik-kotoryy-izobrel-izobretenie/>]).

Цель этого этапа исследования – проанализировать содержательную и формальную стороны языковой личности М. Ф. Ларионова, проявляемую в его письменном художественно-биографическом дискурсе (зафиксированном исследователями его творчества) в соотношении с отраженными идеями художника на его картинах.

Картины «тираспольского цикла» в большинстве своем написаны именно в Тирасполе. Но не все. Они созданы в разные периоды творчества М. Ф. Ларионова, но, где бы художник ни находился (в Москве, Петербурге, Париже, Лондоне), он время от времени возвращался к тем годам, которые сформировали его как личность. М. Ф. Ларионов писал: «*Я вспоминаю мои ранние годы. Вот мысль, вернее, задача, которую странно я себе поставил в 7 лет: **не забыть взрослым ощущений детства***» [Вакар, 2022]. Любовью художника к родному Тирасполю пронизаны строки из его воспоминаний: «*Я не знаю, почему с **грустью** безо всякого предела, **необъяснимой грустью** я вспоминаю **окно крыльца** маленького нижнего дедушкиного дома (этот почему-то нами назывался всеми бабушкиным домом). В этих **окнах** отражались последние **цвета** гаснущего **вечернего неба** и те же **потемневшие ветки акаций и абрикосовых деревьев**. <...> Я родился в этом самом бабушкином доме **с крыльцом и окнами**, в которые **любил** смотреть как в **грустное** зеркало, где отражался уходящий день. Дом был окружён **садом**, главным образом, **абрикосовым**, и последний был обсажен **кустами роз** и около изгороди высокими **белыми акациями**» [<https://lavrus.tretyakov.ru/publications/khudozhnik-govorit-mikhail-larionov/>].*

В приведенном фрагменте явно чувствуется, как художник ностальгирует по ушедшим в далекое детство временам. Доминирующей эмоцией является грусть, что доказывает вербальный конструкт текста. Это чувство М.Ф. Ларионов «усиливает» за счет нанизывания ряда однокоренных словоформ, еще и с редупликацией: *с грустью* (2 раза), *грустное* (зеркало). Поддерживает восприятие грусти употребление лексем «минорного» эмоционального полюса: *последние* (цвета), *гаснущего* (неба), *потемневшие* (ветки), *уходящий* (день). Читателю понятно, конечно же, что речь идет о вечернем времени суток (сочетания *вечернего неба*, *уходящий день*), которое, действительно, часто навеивает чувство беспричинной грусти (М. Ф. Ларионов употребляет номинации *с грустью* безо всякого

*предела, **необъяснимой грустью***). Однако наблюдательный подросток, будущий художник уже здесь, в бабушкином доме, подсознательно закладывает ориентиры своих будущих творческих находок, которые получат отражение в его картинах – окно, крыльцо, сад, деревья абрикоса и акации, изгородь, небо... Вместе с тем цель художника – не погрузить зрителя в собственный эмоциональный мир, а по-новому увидеть «жизнь снаружи», ощутить ее цветовое богатство, и для этого подходит по-детски свежий, не «замыленный» взгляд [Вакар 2022].

Приведем цитату М.Ф. Ларионова об ощущениях, возникающих у него в связи с воспоминаниями о родном для художника Тирасполе, отметим лирическое начало в высказывании уже немолодого, мудрого человека: *«Господи, если бы это могло повториться, хотя бы я мог хоть в живописи передать **ушедшие чувства** хоть немного и их пережить. Когда я смотрю на некоторые мои очень **старые этюды из Тирасполя**, эти **чувства возникают с такой болью и горечью томящей грусти и радости** одновременно, у меня наворачиваются **слёзы**... Я не могу прийти в себя очень долго, и вместе с тем **я люблю возвращаться** к этим так **волнующим** меня моментам и **всегда желать, чтобы моя молодая жизнь и эти чудесные утра повторялись**. Я бы хотел их **задержать до бесконечности и так и остаться в них жить, только в них...**»* [<https://laurus.tretyakov.ru/publications/khudozhnik-govorit-mikhail-larionov/>].

Это ли не щемящее чувство родины – малой родины, большой Родины – там, за границей, в Париже, где художник жил с 1915 года до самой своей смерти в 1964 году?! Вот почему М. Ф. Ларионов завещал весь свой архив, свое творчество вернуть на родину: *«Это письмо как призыв к Обществу московских художников. Раньше был болен я уже семь лет, а теперь уже год, как также больна Наташа (Наталия Сергеевна Гончарова, жена М. Ф. Ларионова в первом браке – С. П.) и может еле двигаться, а у нас собрано буквально на несколько миллионов франков старинных книг и гравюр, не говоря о картинах, которые теперь все покупаются в музеи. Мы одни, у нас никого нет. **Мы работали, чтобы оставить всё Родине** (выделено нами – С. П.). Как это сделать, не знаем, как переправить туда? ...Ателье и две квартиры завалены, и посреди лежим мы – я и Наталия Сергеевна. Так всю жизнь продумали о картинах и книгах»* (из письма 1957 года М. Ларионова Л. Жегину) (Цит. по: [<https://laurus.tretyakov.ru/publications/khudozhnik-kotoryy-izobrel-izobretenie/>]).

Но это уже будет потом, а пока – вернемся в Тирасполь, в молодые годы художника. *«Почти весь **сад** моей бабушки, громадный для города (более двух гектаров), был окружен **большими кустами роз**, из*

лепестков этих роз тетя Аня варила **замечательный шербет**. <...> Дягилев приглашал меня на выставку в Париж и просил приехать в Москву, чтобы посмотреть мои работы. Хотя это было больше чем за два месяца до того срока, как я решил возвращаться в Москву **из моего милого Тирасполя**, я на следующий же день решил выехать со всеми моими живописями, покинув бабушкин сад и **чудесное южное солнце!**» [<https://history.gospmr.org/genij-i-novator-mihail-larionov-luch-czveta-epohi-impressionizma/>].

В Париже художник раскрывает еще одну сторону своего творчества – его художественный стиль теперь тяготеет к воплощению на картинах образов людей и жизни провинциального города. Он вдохновляется эстетикой вывесок и плакатов, еще в Тирасполе его так привлекавшей.

Друг художника по ученическим годам в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, С. Романович, писал о М.Ф. Ларионове: «Здесь, на его родной почве, ожили и стали еще понятнее его провинциальные франты и парикмахеры, прототипы которых можно встретить на тираспольских вывесках» [<http://larionov.tretyakov.ru/>]. «Наша улица, украшенная вывесками, разве не есть музей вывесок?» – так философски подходил к своей идее «вывесочного стиля» в искусстве живописи М. Ф. Ларионов.

В провинциальном Тирасполе того времени, «очень специфическом в смысле культурной традиции» (так как это был военный городок), «не было ни старых дворянских усадеб, ни монументальных купеческих домов, зато в преизбытке можно было найти рестораны, кабаки, парикмахерские, мастерские портных», – так пишет современный российский искусствовед Андрей Ковалев [<https://lavrus.tretyakov.ru/publications/khudozhnik-kotoryy-izobrel-izobretenie/>]. Именно их отражал на своих полотнах М. Ф. Ларионов, поскольку в понимании современного ему искусства живописи разделял взгляды В. В. Маяковского на литературное искусство и считал, что «улицы – наши палитры, и искусство должно идти на улицы. Но прежде чем искусство должно прийти на улицы, оно должно что-то взять с улиц» (Цит. по: [<https://magisteria.ru/mikhail-larionov/larionov-and-xx-century>]).

«Мечта Ларионова – неразличение жизни и искусства» [<https://magisteria.ru/mikhail-larionov/larionov-and-xx-century>]. Отметим ряд картин, написанных художником в этом стиле, в том числе отражающих образ провинциального Тирасполя: «Парикмахер» (1907 г.), «Провинциальная франтиха» (1907 г.), «Провинциальный фронт» (1909 г.), «Пекарь» (1909 г.), «Прогулка в провинциальном городе» (ок. 1909 г.) (Илл. 1) и др.

Ларионов М..Парикмахер.1907.

Прогулка в провинциальном городе. Около 1909.

«Пекарь» 1909

Илл. 1. Работы М. Ф. Ларионова

2.2. Ларионов о соотношении Востока и Запада и места России в этом соотношении

Говоря о Ларионове-художнике, Ларионове-философе, нельзя не упомянуть о его взглядах на соотношение Востока и Запада, в том числе в области искусства. Его представления о жизни, независимости, признании, противостоянии Востока и Запада, модернизме и других важных вопросах современности сохранились в статьях, письмах и манифестах [<https://lavrus.tretyakov.ru/publications/khudozhnik-govorit-mikhail-larionov/>].

Приведем высказывание М.Ф Ларионова, имеющую и сегодня, спустя более ста лет, актуальнейший характер: «*Между **западной и восточной** культурой существует громадная **разница**. Из-за этого происходит ряд **непониманий**. Причём непонимание происходит не с двух сторон, но главным образом со стороны Западной Европы из-за полного незнания или **неумения подойти и понять**. Западному человеку кажется, что он достиг совершенства, и все вещи он рассматривает со своей точки зрения, меряет своей мерой. Восточный человек совершенным себя не считает. То, что его мало знают, его скорее радует, но зато он усердно изучает окружающее. Всё, что Западная Европа знает о русском искусстве и даже о вообще о восточном, прошло через западный фильтр, через восприимательные возможности западной критики. Таким образом она получает пищу ту и в таком виде, в каком она её может проглотить и переварить» [<https://lavrus.tretyakov.ru/publications/khudozhnik-govorit-mikhail-larionov/>]. «**Мы против Запада, опошляющего наши и восточные формы и всё нивелирующего**», – заключает М.Ф. Ларионов [<https://lavrus.tretyakov.ru/publications/khudozhnik-govorit-mikhail-larionov/>].*

Художник не мыслил русскую культуру без азиатской, будучи уверенным в том, что **Россия и Восток тесно связаны** ещё со времён нашествия монгол, дух которых так укоренился в нашей жизни и культуре, что подчас бывает трудно отличить, где кончаются национальные черты, а где начинается восточное влияние (в коллекции М. Ларионова есть разнообразные предметы восточного искусства: китайский лубок, японская гравюра) [<https://pro100-mica.livejournal.com/351897.html>]. В одной из своих лекций «Ларионов и XX век», посвященных творчеству Михаила Ларионова, кандидат искусствоведения Кирилл Светляков акцентирует следующее: «*Ларионов-то говорил – но он о России говорил, – что Россия не Европа и не хотим мы ей быть, мы Восток*» [<https://magisteria.ru/mikhail-larionov/larionov-and-xx-century>].

Эта концепция отразилась в ряде работ, которые выражают тяготение автора к национальному колориту. В большей степени, это, несомненно, относится к парижскому периоду его творчества, где он проявил себя как театральным декоратор в знаменитых «Русских сезонах» Сергея Дягилева: сценические костюмы персонажей выражали русскую фольклорную символику, древнерусское скоморошество. Вместе с тем, ряд картин представляет предметы с национальным колоритом родного края, где М. Ф. Ларионов родился. Среди них отметим одну: «Натюрморт с глиняной посудой. Тирасполь» (1909 г.), – где тарелки и кувшин «расписаны» народным, возможно, молдавским или украинским орнаментом. Такое предположение основываем на том, что исторически город включал людей многих национальностей, как пишет искусствовед Андрей Ковалев, «в самом Тирасполе было много пришлого населения: приезжие из русских и украинских областей, цыгане, евреи, даже турки» [<https://lavrus.tretyakov.ru/publications/khudozhnik-kotoryy-izobrel-izobretenie/>].

2.3. Авторский анализ текстов культуры по траектории «от слова – к визуальному образу»

«Войти» в творческую мастерскую художника, т.е. проникнуть в его интеллектуальный и эмоциональный мир, можно несколькими способами: созерцать и осмысливать его картины; читать его литературное и/или эпистолярное наследие (воспоминания, письма, многочисленные записные книжки); знакомиться с работами критиков его творчества и биографами. Мы предлагаем использовать следующий путь: **сопоставить фрагменты текстов из воспоминаний самого М.Ф. Ларионова и предложить его высказывания через восприятие его же картин.** Для этого мы отобрали ряд текстовых фрагментов и картин художника с целью сопоставления своего, авторского, представления о личности

М. Ф. Ларионова, которое, безусловно, может быть рассмотрено лишь как один из векторов его многомерной и неординарной натуры. Представим получившиеся результаты.

(1) Картины М. Ф. Ларионова «**Абрикосовый сад**» (1903 г.), «**Акации весной (Верхушки акаций)**» (1903-1904 гг.), «**Цветущее дерево. Тирасполь**» (1909 г.) (Илл. 2)

Абрикосовый сад, 1903-1904. Холст, масло.

«Акация весной (Верхушки акаций)» 1904 г. Холст, масло

М. Ларионова. Цветущее дерево. Тирасполь. 1909. Холст, масло. Частично собрание.

Илл. 2. Работы М. Ф. Ларионова

Из воспоминаний М. Ф. Ларионова: «**Какая беспредельная радость** разлита была всегда в эти **никогда не забываемые** мной утра. Воздух наполнен запахом белой **акаци**и — деревом моего детства, **самым любимым** моим деревом. Так же **любимым**, как **абрикосовое дерево**. Нет другого дерева в саду, которое могло бы вызвать **самые трогательные воспоминания** в моей **душе**, чем абрикосовое. **Вся моя жизнь от рождения** связана с этими двумя деревьями. **Самая большая любовь** и все **счастье**, какие я себе мог вообразить, я несу **к корням** этих деревьев, чтобы они **подняли в голубое небо**. **Кружевные ветки акаций** и **сердечки абрикосовых листьев** в такое утро мне заменяют **весь мир**» [<https://larionov-140let>].

В приведенном текстовом фрагменте отметим ключевые для понимания внутреннего мира художника слова: **беспредельная радость**, **самые трогательные (воспоминания)**, **любимое (дерево)**, **в (моей) душе**, **самая большая (любовь)**, **всё счастье**. Обращает на себя внимание гиперболизация восприятия мира, переданная местоимениями – **самые / самая, всё**; представление хронотопа бесконечности: пространства (эмоции) – **беспредельная, весь мир**; времени – **никогда не забываемые (утра)**, **вся моя жизнь (от рождения)**.

Художник обозначает траекторию своей жизни двумя лексемами, контекстуальными антонимами – **корни** и **небо**. Корни поднимают ввысь,

в голубое небо, не только деревья – это аллегория собственной жизни М. Ф. Ларионова: он вспоминает свое детство, свои корни, свой дом – всё то, что подняло его на вершины мастерства. Переносный смысл поддерживается и метафорами, в том числе и поэтической – *кружевные ветки (акаций) и сердечки (абрикосовых) листьев*.

Созерцание названных выше картин абсолютно тождественно описываемому мироощущению художника в отраженном тексте. В картине «Абрикосовый сад» – жизнерадостность, ощущение полноты жизни, эмоции, передаваемые радостными желтым, оранжевым цветом и их оттенками, это мягкая, ласковая, приглушенная зелень травы и кустарников.

Картина «Акации весной (Верхушки акаций)» пронизаны ощущением утренней весенней свежести, причем сами деревья, действительно, тянутся ввысь, к голубому небу. Художник использовал интересный ракурс – зритель как будто смотрит снизу вверх и проникается дуновением весеннего утра: ведь когда поднимаешь голову вверх, то происходит непривольный вдох, а возможно, и легкое головокружение. Эта синь и белизна изображенных на картине деревьев пьянит, как и сами белопенные облака и гроздья акаций. Последнее навеивает воспоминания о романсе «Белой акации гроздья душистые» (сл. М. Матусовского, муз. В. Баснера), который считался неофициальным символом и гимном послереволюционных волн русской эмиграции. В акации, как одном из любимых деревьев художника, можно усмотреть символическую составляющую – предвестие эмигрантского периода жизни М.Ф. Ларионова.

Приведенная трактовка мироощущения М.Ф. Ларионова, на наш взгляд, совпадает в обоих случаях – и в тексте воспоминаний, и в живописных полотнах.

(2) Картины М. Ф. Ларионова «**Развод караула**» (ок. 1900 г.), «**Кониюшники**» (1910 – 1911 гг.), «**Близ лагеря**» (1911 г.) (Илл. 3) относятся к «солдатской» теме творчества художника. Будучи ребенком-подростком, он наблюдал «казарменную» жизнь солдат. Ларионов в своих новаторских поисках отталкивался от жизненных впечатлений: солдаты Ларионова отбывают скучную службу в казармах мирного времени, отсюда и художественное «решение» картин «солдатского» цикла [<https://rozanova.net/article/409.html>]. Позже, будучи призванным в армию в Первую мировую войну, художник получит контузию и комиссуется.

Из воспоминаний детства М. Ф. Ларионова:

«Утро, позднее утро. Наш дом, что на горе – против драгунских конюшен. **Голубое небо с нежным золотом** конского помета. **Голубой, блестяще-голубой воздух**. Хочется им дышать решительно всем организмом, и действительно дышится им всем организмом, **совершенно сам в нем растворяешься**. Такая **радость, тепло и счастье** разлито в этом утре, что большей **радости и счастья** не может быть. Такое **чувство очарования и обаяния жизни**. Это единственная **самая крупная радость** всей моей жизни. В небе без конца падают и поднимаются **ласточки с нежным теком**. **Спокойствие и тишина** наполнены все же какими-то **звуками кристальной чистоты и ясности**. Драгунский духовой оркестр разучивает какой-то **бодрый марш**. Каждый музыкант разучивает свою партию, обращая внимание на других. И вместе с тем **все радостно и стройно и созвучно с блестящим утром**. Длинные беленые стены конюшен тянутся и падают в степь, где дрожит и вибрирует над бурьянами **нежный утренний воздух**» [<https://pro100-mica.livejournal.com/351897.html>].

И в данном текстовом фрагменте М. Ф. Ларионова выделим совокупность лексем, называющих эмоции: *радость, радостно, счастье, очарование, нежный*. Они соседствуют с группой слов, реализующих положительную коннотацию: *спокойствие, тишина, бодрый (марш)*. Обратим внимание на цветовую гамму отрывка: *голубое (небо), золото, блестяще-голубой (воздух), блестящее (утро)*. М. Ф. Ларионов описывает лучезарность, прозрачность (*кристальная чистота и ясность*), свет. Эта идея света/цвета в дальнейшем будет реализована в разработанной художником концепции лучизма. Весь текстовый фрагмент основан на восприятии гармонии (*все радостно и стройно и созвучно...*) звука и цвета. Бодрость и ощущение полноты жизни передается фразами *Хочется им [воздухом] дышать решительно всем организмом; Совершенно сам в нем [воздухе] растворяешься*.

Илл. 3. Работы М. Ф. Ларионова

Именно эта растворенность хорошо ощущается в картине «Близ лагеря» (Илл. 3): летний пейзаж, где среди цветущей природы размещена небольшая фигурка солдата. Этот образ является воплощением лирических чувств автора. Герой близок в своей растворенности природному окружению [<https://rozanova.net/article/409.html>]. Здесь хорошо заметны рельефные мазки краски, контрастные насыщенные цвета (опять же синий, золотой, как в приведенном тексте), художник обозначил формы предметов, подчеркнув их темными контурами.

В своих рассуждениях эволюции-перехода от словесного (текстового) знака к художественному знаку (художественной кистью на полотне) мы снова доказываем мысль о своеобразном тождестве отражения в двух текстовых форматах (вербальном и художественном) языковой и художественной личности М. Ф. Ларионова. Подчеркнем, что этот вывод мы не экстраполируем на все творческое наследие этой фигуры, знаковой для русской (и не только!) культуры.

3. Рецепция творчества М. Ф. Ларионова. Визуальная культура

Как мы уже отметили, в родном для М.Ф. Ларионова Тирасполе пока нет ни одной его картины в подлиннике (хотя государственными службами проводится работа по решению этого вопроса в части приобретения хотя бы некоторых произведений художника). Однако есть множество репродукций его картин, выставляющихся на всевозможного формата выставках (показательно, что в них могут участвовать не только члены Союза фотохудожников, но и молодые художники. Главный критерий: работы должны быть написаны в авангардной манере, которую очень любил М.Ф. Ларионов), в том числе подаренных детской художественной школе им. А.Ф. Фойницкого.

Есть в Тираспольском микрорайоне «Южный» и улица с названием «Улица Ларионова» (правда, она находится далеко от того исторического места, где был расположен дом деда художника, в котором родился М.Ф. Ларионов) и памятным знаком (камнем) в честь художника, место возле которого постепенно превращается в небольшой сквер для досуга и отдыха горожан (в нем высажена акация (любимое дерево М.Ф. Ларионова) и рябина (любимое дерево жены художника, Наталии Гончаровой)).

В честь открытия памятного знака М.Ф. Ларионову в 2016 году был проведен конкурс рисунков среди юных талантов Приднестровья под названием «Подражая Ларионову». На улице Ларионова сегодня многоэтажные и частные дома, разнообразная инфраструктура, здесь курсирует городской транспорт, есть остановка Ларионова, в художественном оформлении которой использованы выгравированные инициалы художника – «М. Л.» [<https://novostipmr.com> 04.06.2019].

Илл. 4. Коллаж по картинам М. Ф. Ларионова на стене дома в Тирасполе

3.1. Стиль «стрит-арт»

В рамках проводимого нами исследования обратим внимание на рецепцию творчества М.Ф. Ларионова современниками. В Тирасполе на наружной стене площадью в 105 кв. м. одного из частных домов по улице Ларионова потрясает своим масштабом, яркой цветовой гаммой и неординарной графикой арт-объект: коллаж из шести известных картин художника Михаила Ларионова (Илл. 4). Приднестровской художнице Александре Новак потребовалось три недели на создание этого шедевра. На стене – отражение образов с картин М. Ф. Ларионова, написанных им в авангардистской концепции восприятия мира. Самой заметной и по размеру, и по яркой окраске является гротескный образ кошки/кота. (Отметим интересную деталь: на портале «Узнай Россию» представлен любопытный факт о 15 главных котах/кошках русской живописи. Показательно, что наряду с картинами Бориса Кустодиева, Владимира Маковского, Константина Маковского, Ивана Крамского, Павла Федотова, Зинаиды Серебряковой здесь есть и картина Михаила Ларионова «Кацапская Венера», где одной из «героинь» является кошка). Так частный домовладелец-тираспольчанин решил, по всей видимости, продемонстрировать свою любовь к авангардному искусству и к нашему знаменитому земляку-художнику.

Думается, что и недавно созданный в Екатерининском парке Тирасполя роллердром, оформленный в соответствии с дизайнерским представлением движения и скорости, тоже в некотором роде отражает элементы авангардизма Ларионова, во всяком случае, об этом свидетельствует графика образов и яркость, эпатажность цветового решения. Возможно, такое оформление этого уголка города навеяно тем, что на этом месте, как показывают результаты изысканий краеведов, находился дом, в котором родился будущий художник.

Показательно, что подобное решение вопросов культуры улицы (о котором в свое время говорили и Ларионов, и Маяковский) сегодня шагает

широким шагом в российских и зарубежных городах, становится все более заметной и в Тирасполе, и в других городах и селах Приднестровья. Так, например, автор представленного в Тирасполе коллажа Александра Новак с успехом «расписывает» стены и в других городах нашей республики – в городах Рыбница, в Дубоссары (например, на здании бывшей молочной кухни, а сегодня – доме творческого объединения «Акколада» в Дубоссарах).

3.2. Мозаичная культура

«Поднимать историю на поверхность» могут и другие артефакты уличной культуры, например, мозаика. Тираспольские **мозаичные композиции** являются разновидностью «стрит-арта» ушедшей, советской эпохи. Мозаика украшает город, не разрушая плоскость стены и архитектуру здания. Как элемент городской среды, мозаика связана с архитектурой и рассчитана на восприятие с большого расстояния, отсюда ее лаконизм и обобщенность. **Эти же черты отражены, как нам представляется, и в живописной манере (авангардной, «вывесочной») Михаила Ларионова зарубежного периода его творчества. Потому мы усматриваем некоторые параллели в творческом отражении предметного мира этими двумя видами искусства.**

Илл. 5. Мозаика на улицах

Горожане могут видеть (а еще в большем количестве – могли видеть не в столь давние исторические времена) мозаичные арт-объекты на улицах Тирасполя, например, мозаичную экстерьерную композицию «Дерево жизни» (Илл. 5), объект культурного и исторического наследия, который сегодня охраняется государством и находится на реставрации после переноса в другое место.

Расположенная на торце здания бывшей мебельной фабрики №5 в промышленной зоне Тирасполя по ул. Шевченко, эта композиция замечательно вписывалась в пространство, открывая взору весь город.

Мозаичная композиция состоит из блоков смальты неправильной формы, которую сегодня по современным технологиям получить уже не представляется возможным. Мастера бережно выполняют реставрационные работы, чтобы сохранить горожанам и их потомкам этот уникальный не только для Тирасполя, но и для всего Приднестровья, объект культуры.

Экстерьерные мозаичные композиции в Тирасполе расположены на городских остановках, например, на троллейбусной остановке «Совхозтехникум им. М. В. Фрунзе»; также у выезда из Тирасполя в сторону Григориополя есть мозаичная композиция с символикой сельскохозяйственной жизни региона. Большое количество монументальных мозаичных панно находятся в интерьере Тираспольского теоретического лицея №1 по улице 1 Мая прямо напротив улицы Ларионова. Раньше в этом здании находился спортивный интернат, поэтому мозаика передает идею гармонического развития личности: единство физической и интеллектуальной составляющих.

В еще большем количестве и разнообразии сюжетно-композиционного и эстетического решения – мозаичные композиции, которые находятся как снаружи, так и внутри зданий, на улицах других городов и сел республики. Как правило, орнамент мозаик – в виде местной флоры, сельскохозяйственной продукции, символизирующих плодородие молдавской земли; сюжеты отражают национальные традиции, местный колорит (молдавский, украинский); прославляют труд рабочего и колхозника; содержат «картинки», иллюстрирующие национальные танцы русских, молдаван и украинцев (народов, которые проживали и сейчас проживают на территории республики).

Вместе с тем, в с. Владимировка на одном из мозаичных панно, которое использовано в оформлении остановки, изображены женские фигуры, по внешнему виду напоминающие людей азиатской и африканской наружности (*Илл. 5*). Почему они здесь изображены – вопрос, на который у нас пока нет ответа. Предполагаем, что, возможно, таким образом мастера, создавшие мозаику, проводили в жизнь идею солидарности и братства всех трудовых народов мира, а это символ их мирной жизни.

Идея содружества разных народов, взаимного уважения к их культуре и традициям и сегодня продолжает оставаться главной на приднестровской земле. Таким образом, идейно-нравственная задача мозаик заключалась в демонстрации «идиллических» картин мира и призвана была вызывать положительный эмоциональный настрой многонационального населения края. Перечислим некоторые из приднестровских мозаик:

г. Бендеры – мозаика на стенах Дома культуры Шелкового комбината, над проходной этого предприятия и на городской остановке этого комбината; мозаика над проходной завода «Молдавкабель»; мозаика на

остановке Аграрно-экономического колледжа с. Гыска под Бендерами (Илл. 5); мозаичное панно городского ресторана «Фэт-Фрумос»; мозаика на фасаде Дворца культуры им. Павла Ткаченко; керамическая мозаика в зале ожидания бендерского автовокзала.

✿ **г. Днестровск** – мозаика у проходной Молдавской ГРЭС (на ней – образ Прометея, несущего свет); мозаика у Дворца культуры «Энергетик»; мозаика на городских остановках.

✿ **с. Кицканы** – мозаика на фасаде ресторана «Стругураш».

✿ **с. Парканы** – остановка на старой дороге, которая раньше вела из Тирасполя в Бендеры, а сегодня уже не действует.

✿ **с. Владимировка** – на остановках в стиле традиционного молдавского колорита.

✿ **с. Мокра, Рыбницкий район** – мозаичное панно «Пробуждение» на фасаде Дома культуры.

✿ **с. Гояны, Дубоссарский район** – мозаика на остановке с необычным сюжетом: отдыхающие на пляже, играющие в мяч, изображенные раков и рыб.

Краткий обзор объектов искусства стрит-арт в Тирасполе, а также объектов мозаичной культуры, представленных на улицах городов и сел Приднестровья, дает возможность проникнуться большим уважением к нашим предкам, которые «учитывали не только практические и материальные выгоды, но думали и о художественной составляющей, формирующей уникальность и эстетику повседневной жизни». Эти уличные произведения искусства наполнены красотой и философией жизни. Некоторые из них незаслуженно забыты и находятся в плачевном состоянии. Они нуждаются в заботе, защите и сохранению для потомков.

Являясь ретрансляторами культуры, отражая стилистику времени, общественные запросы и настроения людей того периода, когда они создавались, «эти памятники советской эпохи – срез отдельного культурного пласта, они не оставят равнодушными людей, которые хотят сохранить в памяти поколений достижения народа» [<https://novostipmr.com> 20.03.2021].

Заключение

Использованный подход описания личности М. Ф. Ларионова как художника и как мыслителя, идеолога нового в начале XX столетия направления в искусстве – авангардизма – позволил прийти к заключению, что на протяжении всей жизни этого человека, а в особенности в раннем периоде творчества (периоде импрессионистском), М.Ф. Ларионова во многом вдохновлял его родной город Тирасполь: пребывание в нем, а затем ностальгия по нему.

Образ этого города, воплощенный в его письмах-воспоминаниях, воспоминаниях его современников об этой значимой в мировой культуре личности, а также отраженный в его многочисленных картинах, высвечивает особенности языковой и художественной личности М.Ф. Ларионова, его творческий идиостиль.

Осуществленный анализ ряда выбранных фрагментов из писем и литературно-творческих, дневниковых записей в сопоставлении с живописными полотнами художника, запечатлевшими образ Тирасполя, по траектории «от слова – к образу на картине», приводит к выводу о тождестве восприятия образа родного города. Эти формы представления (вербальную и визуальную) личности М. Ф. Ларионова мы трактуем как тексты культуры с сильной индексальной составляющей, которые обладают большой воспитательной силой. Они не только являются кодификаторами и декодификаторами исторических, идеологических и культурных фактов жизни той эпохи, но и формируют и обогащают эстетический слой личности.

В Тирасполе после 2010-х годов все более и более усиливается интерес к нашему земляку, к этой неординарной, во многом эпатажной личности, к его творческим взглядам и колоссальному в содержательном и количественном отношении наследию.

Наших современников сегодня поражает сам факт первенства М. Ф. Ларионова в разработке целого направления в мировом художественном искусстве – лучизма, а еще более то, что именно он явился основателем, создателем направления под названием «русский авангард». Безусловно, мы не имеем права не зафиксировать для последующих поколений такой важный факт, как формирование и становление личности Ларионова на тираспольской земле.

Нами отмечена рецепция современным поколением горожан картин художника – в виде дизайнерских объектов в актуальном стиле «стрит-арт». Как положительный факт воспринимаем и продвижение концепции культуры улиц (или уличной культуры) отдельными приднестровскими художниками, трактуя такие объекты как визуальные тексты.

Реализация арт-объектов на улицах воплощается сегодня и в мозаичных композициях, которые представлены не только в Тирасполе, но и в целом по Приднестровью. Мы усматриваем определенную связь между стилистикой мозаичных панно, в большом количестве имеющих в республике и отражающих ушедшую советскую эпоху, и стилистикой ларионовских образов, получивших воплощение в период работы художника в «вывесочном» стиле.

Творческое наследие М. Ф. Ларионова и изучение его роли в современном обществе, воздействие на культуру сегодняшнего поколения,

несомненно, имеет большое воспитательное значение. Оно выводит нас на **перспективу** разработки вопросов, связанных с воспитательным потенциалом визуальной культуры – одной из актуальных проблемных зон в разных предметных областях современной метанауки.

Литература

Баркова, О. И. *Постановка проблемы воспитания визуальной культуры в России* / Баркова, О. И., Власов, В. А., Тамаровская, А. А. // *Философия образования*. 2019. Т. 19, № 4. С. 53-66.

Вакар, И. *Люди и измы. К истории авангарда*. / Издательство: Новое литературное обозрение. 2022. 480 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/book/irina-vakar/ludi-i-izmy-k-istorii-avangarda-67316871/chitat-onlayn/page-4/>

Кашкабаш, Т. В. *Городское визуальное коммуникативное пространство как фактор социальной интеграции (на примере г. Москвы): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук.*: Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. 18 с.

Кривенко, А. В., Симаченко, Р. В. *Тирасполь: эволюция городской застройки* // *Приднестровское наследие: материалы III международной научно-практической конференции «Культурное наследие в системе духовных ценностей приднестровского общества*. Тирасполь, 2010. С. 44- 47.

Полежаева, С. С. *Городское культурно-семиотическое пространство: вербальная и невербальная аспектация* // *Вестник Донецкого национального университета. Научный журнал. Серия Д: Филология и психология*. №3. 2023. С. 68-82.

Полежаева, С. С. *Текст как выражение культуры: лингвистические аспекты изучения* // *Актуальные вопросы филологии, лингвистики и журналистики: Материалы научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава филологического факультета ПГУ им. Т. Г. Шевченко по итогам НИР 2018 года*. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2019. С. 299-304.

Полежаева, С. С. *Имя собственное в полилингвистическом сообществе (на материале урбанонимов города Тирасполь)* // *Ономастика Поволжья / Сост., ред. В. Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: «ТПК «Печатный двор», 2019. С. 394-398.*

Полежаева, С. С., Мошнина, Т. Г. *Внеучебная деятельность как фактор формирования этнокультурного и языкового сознания обучающихся* //

Этнокультурные феномены в образовательном процессе: коллективная монография / Отв. ред. С. Л. Михеева, О. А. Димитриева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. С. 87-99.

Поспелов Г. Г., Илюхина Е. А. Михаил Ларионов : живопись, графика, театр : кн.-альбом. М., 2005.

Романенко, В. А., Мизернюк, В. Т. Коммуникативное пространство поселка городского типа Новотираспольского // Актуальные вопросы филологии, лингвистики и журналистики: Материалы научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава филологического факультета ПГУ им. Т. Г. Шевченко по итогам НИР 2017 года/ отв. редактор Н. В. Кривошапова. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2018. С. 429-433.

Романенко, В. А., Мизернюк, В. Т. Фрагменты коммуникативно-культурного пространства города Тирасполя // Мова. 2019. № 32. С. 27-31.

Соколова, Т. П. Проблемы описания городского ономастикона // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 1. С. 196-206.

Федотова, Е. Художник говорит Михаил Ларионов // Третьяковская галерея. Лаврус. Для тех, кто учит и учится [Электронный ресурс] URL: <https://lavrus.tretyakov.ru/publications/khudozhnik-govorit-mikhail-larionov/>

Хайдарова Н. А. Реконструкция образа пустыни в эпистолярном наследии М. Волошина: от образа к слову // Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание: сб. ст. и материалов / Сост. А. С. Макурина. Челябинск : ЮУр-ГИИ им. П. И. Чайковского, 2020. С. 93-98.

Харджиев, Н. И. Поэзия и живопись (Ранний Маяковский) // Харджиев Н. И. Статьи об авангарде : в 2 т. Т. 1. М., 1997.

Шмелёва, Т. В. Поликодовость городского ономастикона // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 51-66.

УДК 811.161.1:81`42

Пузов Н.А.

**СЛОВО «ДОЖДЬ»
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

**Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровье**

Актуальность темы нашей статьи обусловлена тем, что, во-первых, природное явление, названное словом «дождь», в аксиологическом аспекте играет достаточно важную роль в жизни человека: оно оказывает существенное влияние на физическое и психологическое состояние человека; во-вторых, слово «дождь» весьма часто употребляется в художественных произведениях русских писателей и поэтов; в-третьих, проблема отражения природных явлений, в частности, дождя, в художественном тексте часто выступала в качестве объекта исследования аксиологической аспектации в научных трудах отечественных языковедов (В.В. Виноградов, А.И. Ефимов, Н.К. Гей). Однако научных работ, в которых представлен комплексный системный анализ явления, названного словом «дождь», сравнительно немного. Цель исследования – выявить и исследовать специфику презентации явления «дождь» в лингвистических словарях, в русских фразеологизмах, пословицах, поговорках, а также в художественных произведениях русских писателей и поэтов. Методы исследования: описательный, сопоставительный, статистический и метод контекстуального анализа. Результаты и ключевые выводы: 1) слово «дождь» как единица языка, обозначающая одно из природных явлений, в аксиологическом аспекте представляет собой понятие, важное для человека не только с точки зрения физической (как метеорологическое явление), но и с точки зрения психологической (как явление, влияющее на состояние души человека: его настроение, чувства и эмоции); 2) во фразеологизмах, пословицах, поговорках и художественных текстах русских писателей и поэтов слово «дождь» употребляется в прямом и в переносном значениях, не только обозначая природное явление, но и выражая физическое и душевное состояние человека; 3) дождь как природное явление в художественном тексте символизирует положительные (очищение, обновление, оживление) и отрицательные состояния человека и

природы (тоска, грусть, плохое настроение и самочувствие); 4) слово «дождь» в метафорическом значении в произведениях художественной литературы нередко обозначает «большое количество чего-либо»; 5) в текстах спортивной тематики слово «дождь» приобретает дополнительный семантический оттенок, связанный с проявлением своеобразных черт характера спортивной команды: упорство, настойчивость, целеустремлённость; 6) наиболее ярко реализуется переносное метафорическое значение слова «дождь» в художественных произведениях русских писателей К.Г. Паустовского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, М.А. Шолохова и поэтов Ф.И. Тютчева, С.Я. Маршака, В. Набокова, А. Яшина, В. Тушиновой, Г. Шпаликова.

Дождь, природное явление, художественный текст, метафорическое значение, фразеологизм, аксиологический аспект, культурологический аспект

Введение

В современной отечественной лингвистической науке сформирована лингвокультурологическая модель, которая объединяет достижения смежных лингвистических и других гуманитарных наук при рассмотрении структуры языка как концентрации мировосприятия определённой лингвокультурной общности.

В 90-е годы XX столетия термин «лингвокультурология» начинает употребляться в работах русских языковедов Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьёва, В.И. Карасика, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия. Это стало важным признаком интегративных процессов, происходящих в отечественной гуманитарной науке. В.И. Карасик рассматривает лингвокультурологию как комплексную область научного знания, раскрывающую взаимосвязь и взаимовлияние языка и культуры [Карасик, 2002]. По мнению С.Г. Воркачёва, задачи лингвокультурологии заключаются в изучении и описании взаимосвязей языка и культуры этноса, языка и менталитета народа [Воркачёв, 2001].

Сегодня лингвокультурология понимается большинством отечественных исследователей как комплексная лингвистическая наука, направленная на описание проявлений культуры, отразившихся и закрепившихся в языке, и ориентированная на человеческий фактор в языке и на языковой фактор в человеке.

Дождь как природное явление, слово, которое называет его, и художественный образ дождя на страницах книги сопровождает человека в течение всей его жизни. Глобальный и вместе с тем специфический характер явления, названного словом «дождь», значимость его влияния на физическое и эмоциональное состояние человека определяют особое внимание к нему со стороны учёных, писателей и поэтов. Важность комфортной «погоды в доме» ощущает и понимает любой из нас. Всё это обусловило наше обращение к проблеме комплексного исследования «дождя» как природного явления, лексической единицы в системе языка и художественного образа в литературном тексте.

Слово «дождь», обозначающее природное явление, весьма часто употребляется в художественных произведениях русских писателей и поэтов. Актуальность темы нашей статьи обусловлена тем, что; проблема отражения природных явлений в художественном тексте выступает в качестве объекта исследования в аксиологическом аспекте в научных трудах отечественных лингвистов (В.В. Виноградов, А.И. Ефимов, Н.К. Гей), но комплексное детальное описание и анализ явления, названного словом «дождь», а также его использование в художественных текстах в работах отечественных исследователей встречаются довольно редко.

Цель нашего исследования – выявить и проанализировать специфику презентации и функционирования слова «дождь» в лингвистических словарях, в русских фразеологизмах, пословицах, поговорках, а также в художественных произведениях русских писателей и поэтов в лингвокультурологическом аспекте.

Новизна подхода к решению данной проблемы видится нам в попытке рассмотреть слово «дождь» комплексно: как лексическую единицу, представленную в толковых словарях и называющую природное явление, влияющее на физическое и психическое состояние человека, и лексическую единицу, функционирующую в русских фразеологизмах, пословицах и поговорках, а также в текстах прозаических и поэтических произведений русских авторов.

Лингвокультурологическое описание «дождя»

Человек, сталкиваясь с природными явлениями, редко задумывается над тем, какое большое влияние эти явления могут оказывать на него. Конечно, влияние любых погодных явлений, в том числе и дождя, зависит не только от их признаков и особенностей, но и от внутреннего настроения человека. Безусловно, каждый из нас радуется хорошей солнечной погоде, но это не значит, что дождь всегда вызывает только отрицательные

эмоции. При этом можно говорить о национально-культурной специфике восприятия этого природного явления, хотя отношение к дождю как к природному явлению у каждого человека своё, индивидуальное. Оно связано в основном с теми эмоциями и чувствами, которые человек испытал в самые сензитивные периоды своего развития – в детстве и в юности.

Как свидетельствуют научные исследования и наш собственный опыт, дождь может вызывать положительные и отрицательные эмоции у одного и того же человека.

К числу положительных относится *радость*, поскольку дождь всегда считался символом плодородия, а также обновления, очищения и возрождения человека и природы; *спокойствие*, так как многие люди под монотонный стук дождя ощущают состояние спокойствия, умиротворения и безмятежности; *ностальгия* и романтизм, ибо многие из нас во время дождя вспоминают счастливые моменты, связанные и ассоциированные с дождём (уютное детство, романтические встречи, успешные дела).

К числу отрицательных относится *апатия*, вызванная увяданием природы осенью и прощанием с хорошей, тёплой погодой; *утомлённость*, вызванная эмоциональным спадом, связанным с метеозависимостью человеческого организма; *страх* как первобытное чувство *перед разбушевавшейся стихией* при сильном дожде, сопровождающемся грозой, яркими молниями, резкими дарами грома и сильными порывами ветра.

Существуют различные классификации дождя – по временной протяжённости, по частоте падения капель, по размеру и направлению дождевых капель, по времени года. Различают дожди кратковременные (менее трёх часов), дожди временами (более трёх часов с перерывами), дожди затяжные (более шести часов без остановки); ливни (интенсивные дожди), спорые дожди (плотные короткие), грозовые дожди (интенсивные и переходящие в ливень); окатные, или купальные дожди (непродолжительные с крупными каплями); косые дожди (капли падают под углом из-за бокового ветра), морозящие дожди (маленькие капли воды одинаковой формы), ситные дожди (мелкие редкие капли, как бы просеянные сквозь сито), дожди со снегом (холодные капли в сочетании со снежными осадками), ледяные дожди (капли замерзают, коснувшись поверхности); летние дожди (грибной дождь, окатный дождь, полосовой дождь, ливень); осенние дожди (обложной дождь, морозящий дождь, косой дождь).

В толковых лингвистических словарях значение слова «дождь» представлено следующим образом:

- Вода в каплях или струями из облаков. [Даль, 2013: 214];

- 1. Атмосферные осадки в виде водяных капель. 2. Перен. О чём-н. сыплющемся во множестве. [Ожегов, 1984: 152];

- 1. Атмосферные осадки в виде капель воды. 2. О чём-л. в большом количестве падающем сверху. 3. Блестящие нити для украшения ёлки. [СТСРЯ, 2003: 167].

В русском языке существует сравнительно небольшое количество фразеологизмов со словом «дождь»: *дождь моросит; дождь стучит по крыше; дождь льёт как из ведра; дождь стоит как стена; проливной дождь; косой дождь; грибной дождь; золотой дождь; звёздный дождь; после дождика в четверг.*

Пословиц и поговорок со словом «дождь» в русском языке значительно больше: *в дождь коси, а в ведро гребь; в дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет; быть бы ненастью, да дождь помешал; мокрый дождя, а нагой разбою не боится; дай Бог дождю в толстую вожжу; уж дождь дождём, поливай ковшом; весной дождь парит, а осенью мочит; дождь пробил до костей; лебедь летит к снегу, а гусь к дождю; Спасский колокол к дождю заговорил; часты дождики, буйны ветры; дождик, дождик, перестань, мы пойдём на Иордань, Богу помолиться, Христу поклониться.*

Русский язык очень богат словами, относящимися к временам года и к природным явлениям, связанным с ними. Слово «дождь» – одно из таких. Писатель К.Г. Паустовский отмечает, что в этом слове «заложена бездна живых образов. Я, конечно, знал, что есть дожди морозящие, слепые, обложные, грибные, спорые, дожди, идущие полосами – полосовые, косые, сильные окатные дожди и, наконец, ливни. Но одно дело – знать умозрительно, а другое дело – испытать эти дожди на себе и понять, что в каждом из них заключена своя поэзия, свои признаки, отличные от признаков других дождей» [Паустовский, 1991: 86].

В прозаических и поэтических произведениях отечественных авторов слово «дождь» достаточно часто употребляется в прямом и переносном метафорическом значении, в результате чего мастера русского слова создают художественный образ дождя. В ходе нашего исследования мы выявили данный факт в текстах прозаических произведений К.Г. Паустовского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, И.А. Бунина, М.А. Шолохова и в стихотворных произведениях Ф.И. Тютчева, А.Н. Плещеева, А.Н. Майкова, А. Суркова, В. Набокова, А. Яшина, В. Тушиновой, Г. Шпаликова.

В повести К.Г. Паустовского «Алмазный язык» писатель описывает разные виды дождя, сопровождая это описание интересными народными

наблюдениями: *«Но вот начина-ют крапать первые капли. Народное слово «крапать» хорошо передаёт возникновение дождя, когда ещё редкие капли оставляют тёмные крапинки на пыльных дорогах и крышах. Потом дождь расходится. Тогда-то и возникает чудесный прохладный запах земли, впервые смоченной дождём. Характерно, что независимо от того, какой будет дождь, его, как только он начинается, всегда называют очень ласково – дождиком. «Дождик собрался», «дождик припустил», «дождик траву обмывает». Разберёмся в нескольких видах дождя, чтобы понять, как оживает слово, когда с ним связаны непосредственные впечатления... Чем, например, отличается спорый дождь от грибного? Слово «спорый» означает – быстрый, скорый. Спорый дождь льётся от-весно, сильно. Он всегда приближается с набегаящим шумом. Особенно хорош спорый дождь на реке. По всей реке стоит стеклянный звон. По высоте этого звона догадываешься, набирает ли дождь силу или стихает. А мелкий грибной дождь сонно сыплется из низких туч. Лужи от этого дождя всегда тёплые. Он не звенит, а шепчет что-то своё, усыпи-тельное, и чуть заметно возится в кустах, будто трогает мягкой лап-кой то один лист, то другой. Лесной пережной и мох впитывают этот дождь не торопясь, основательно. Поэтому после него начинают буйно лезть грибы. О слепом дожде, идущем при солнце, в народе говорят: «Ца-ревна плачет». Сверкающие на солнце капли этого дождя похожи на крупные слёзы. Всё это – только ничтожная часть того, что можно ска-зать о дожде» [Паустовский, 1991: 86-88].*

В рассказе К.Г. Паустовского «Дождливый рассвет» создаётся худо-жественный образ дождя и все события происходят под шорох, шёпот, шум дождя: *«Дождь прошёл, но с крыши ещё капали капли, постукивали по дощатому тротуару... В темноте перешёптывался слабый дождь... Было слышно, как шуришит в кустах дождь... По поднятому верху про-лётки барабанил дождь... В старых вётлах сонно шумел, стекал с ли-стьев дождь»* [[http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/rasskaz/...](http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/rasskaz/)].

В данном фрагменте художественного текста перед нами не просто дождь как природное явление, а художественный образ живой природы, не отделимый от человека, его чувств и переживаний. Он как соучастник описываемых событий доверительно общается с героем и читателем. Та-кое впечатление создаётся благодаря не только семантике использован-ных в тексте слов, содержанию и построению предложений, но и в ре-зультате использования элементов звукописи (употребление шипящих). Всё это создаёт не только атмосферу доверительного общения человека с

природой, но и желания раскрыть свою душу. Текст, насыщенный лексемой «дождь» и словами, которые характеризуют признаки и действия этого дождя, оживает, приобретает особую лирическую взволнованность, а сам дождь становится полноправным героем рассказа, превратившись в изящный и живой поэтический образ, подчёркивающий душевное состояние главного героя. Картины, рисуемые в этом рассказе дождь, представляют собой живые и наглядно воспринимаемые художественно-поэтические образы.

Символом выражения положительных эмоций выступает художественный образ дождя в тексте второй части трилогии Л.Н. Толстого «Отрочество» (гл. II «Гроза»): *«На кожаный верх брички тяжело упала крупная капля дождя... другая, третья, четвёртая, и вдруг как будто кто-то забарабанил над нами, и вся окрестность огласилась равномерным шумом падающего дождя. Косой дождь, гонимый сильным ветром, лил как из ведра... Молния светила шире и бледнее, раскаты грома уже были не так поразительны за равномерным шумом дождя. Но вот дождь становится мельче; туча начинает разделяться на волнистые облака, светлеть в том месте, в котором должно быть солнце... Через минуту робкий луч солнца уже блестит в лужах дороги, на полосах падающего, как сквозь сито, мелкого прямого дождя и на обмытой, блестящей зелени дорожной травы. Я испытываю невыразимо отрадное чувство надежды в жизни, быстро заменяющее во мне тяжелое чувство страха. Душа моя улыбается так же, как и освежённая повеселевшая природа»* [library.ru/text/1310/p.1/index.html]. В данном фрагменте текста образ дождя связан с чувством надежды в жизни героя, душа которого улыбается подобно освежённой дождём повеселевшей природе.

Душевный комфорт и спокойствие создаёт образ дождя в рассказе И.С. Тургенева «Осенний день в берёзовой роще»: *«С самого утра перепал мелкий дождик, сменяемый по временам тёплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то всё заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновение, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая... Я сидел и глядел кругом, и слушал. Листья чуть шумели над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце или закрывалось облаками; она то озарялась вся, словно вдруг в ней всё улыбалось... то вдруг опять всё кругом слегка синело: яркие краски мгновенно гасли... и украдкой, лукаво,*

начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь» [liveinternet.ru›users/5399361/post501379941/]. В данном контексте художественный образ дождя, наделённый качествами человека (*украдкой лукаво начинал шептать*), символизирует умиротворённость и душевное спокойствие автора и окружающей его живой природы.

Бурные отрицательные эмоции героя связаны с художественным образом дождя в рассказе И.А. Бунина «Дождь»: *«На этой же неделе, в субботу, дождь, начавшийся ещё в среду, ливший с утра и до вечера, лил как из ведра. Он то и дело припускал в этот день особенно бурно и мрачно. И весь день Митя без устали ходил по саду и весь день так страшно плакал, что порой даже сам дивился силе и обилию своих слёз. Перед вечером дождь, обрушившийся на сад с удесятёрённой силой, и с неожиданными ударами грома, погнал его наконец в дом. И стало быстро темнеть. Дождь шумел повсюду – и по крыше, и вокруг дома, и в саду. Шум его был двойной, разный, – в саду один, возле дома, под непрерывное журчание и плеск желобов, ливших воду в лужи, – другой»* [studfile.net›preview/5111794/page:56/].

В данном текстовом фрагменте подчёркивается интенсивность, темп и сила дождя (фразеологизм *лил как из ведра; припускал особенно бурно; обрушившийся с удесятёрённой силой; шумел повсюду*). Сопровождают этот дождь мрак и темнота, причём не только внешне, окружая героя, но и в его душе, что является причиной его бурных отрицательных эмоций (*весь день страшно плакал... и сам дивился силе и обилию своих слёз*).

Тишину и спокойствие в природе и в душе человека символизирует образ дождя в следующем фрагменте романа М.А. Шолохова «Поднятая целина»: *«В начале июня часто шли необычные для лета дожди: тихие, по-осеннему смирные, без гроз, без ветра. Где-то высоко и добродушно, еле слышной октавой разговаривал гром, и спускался благодатный дождь. Тёплые, словно брызги парного молока, капли отвесно падали на затаившуюся в туманной тишине землю, белыми пузырями вспухали на непросохших, пенистых лужах. И так тих и мирен был этот летний негустой дождь, что цветы не склоняли головок, даже куры по дворам не искали от него укрытия. Бодрые голоса их сливались с чириканьем беззастенчиво купавшихся в лужах воробьёв и писком ласточек, как бы припадавших в стремительном полёте к пахнувшей дождём и пылью, ласково манящей земле»* [Шолохов, 1967: 36-37].

Обращает на себя внимание синонимический ряд прилагательных, обозначающих главный признак дождя в данном фрагменте текста

(*тихие, смиренные, тих, мирен, благодатный*). Это значение тишины, спокойствия и умиротворённости подкрепляется семантикой слов, символизирующих гармонию в природе и в душе человека (*добродушно разговаривал, ласково манящий, сливались*).

Различные чувства и эмоции вызывает художественный образ дождя в стихотворных произведениях русских и советских поэтов.

Ф.И. Тютчев:

«Люблю грозу в начале мая, / Когда весенний, первый гром, / Как бы резвяся и играя, / Грохочет в небе голубом. / Гремят раскаты молодые, вот дождик брызнул, пыль летит, / Повисли перлы дождевые, и солнце нити золотит» («Весенняя гроза») [Путешествие в страну Поэзия Кн.1, 1972: 196].

«Неохотно и несмело / Солнце смотрит на поля. / Чу, за тучей прогремело, принахмурилась земля. / Ветра тёплого порывы, / Дальний гром и дождь порой... / Зеленеющие нивы / Зеленеет под грозой» [Путешествие в страну Поэзия Кн.1, 1972: 201].

А.Н. Плещеев:

«Скучная картина! / Тучи без конца, / Дождик так и льётся, / Лужи у крыльца... / Чахлая рябина / Мокнет под окном; / Смотрит деревушка / Сереньким пятном. / Что ты рано в гости, / Осень, к нам пришла? / Ещё просит сердце / Света и тепла!» [Путешествие в страну Поэзия Кн.1, 1972: 273].

А.Н. Майков:

«Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома, / Вдруг застал нас ливень далеко от дома; / Мы спешили скрыться под мохнатой елью... / Не было конца тут страху и веселью! / Дождик лил сквозь солнце, и под елью миистой / Мы стояли точно в клетке золотистой; / По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал; / Капли дождевые, скатываясь с игол, / Падали, блистая, на твою головку, / Или с плеч катились прямо под снуровку... / Помнишь – как всё тише смех наш становился... / Вдруг над нами прямо гром перекатился – / Ты ко мне прижалась, в страхе очи жмуря... / Благодатный дождик! золотая буря!» («Под дождём») [Путешествие в страну Поэзия Кн.1, 1972: 324-325].

И.А. Бунин:

«Стеклянный, редкий и ядрёный, / С весёлым шорохом спеша, / Промчался дождь, и лес зелёный / Затих, прохладой дыша» («Перед закатом набежало») [ilibrary.ru/text/3384/p.1/index.html].

А.А. Сурков:

«Не торопись, не спеши, подождём. / Забудем на миг неотложное дело. / Смотри: ожила трава под дождём / И старое дерево помолодело» («Грибной дождь») [rustih.ru›aleksej-surkov-gribnoj-dozhd/].

Г. Галина:

«Дождик, дождик посильней / Рассыпайся жемчугами, / чтобы в комнате моей / Сладко пахло тополями! / Дождик, дождик, шибче лей, / Лей потоки золотые – / На траву, на голубей, на берёзки молодые!» («Дождик») [rustih.ru›galina-galina-dozhdik/]

С.Я. Маршак:

«По небу голубому / Проехал грохот грома, / И снова всё молчит. / А миг спустя мы слышим, / Как весело и быстро / По всем зелёным листьям, / По всем железным крышам, по цветникам, скамейкам, / По вёдрам и по лейкам / Пролётный дождь стучит» («Дождь») [culture.ru›Каталог стихотворений›Самуил Маршак – стихи].

К.М. Симонов:

«Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины, / Как шли бесконечные, злые дожди...» [culture.ru›Каталог стихотворений›Константин Симонов – стихи].

В.В. Набоков:

«Дождь пролетел и сгорел налету. / Иду по румяной дорожке. / Иволги свищут, рябины в цвету, / Белеют на ивах серёжки. / Воздух живителен, влажен, душист. / Как жимолость благоухает! / Кончиком вниз наклоняется лист / И с кончика жемчуг роняет» («Дождь пролетел») [rustih.ru›vladimir-nabokov-dozhd-proletel/].

«На солнце золотом сияет дождь летучий, / Озёра в небесах синеют горячо, / И туча белая из-за лиловой тучи / Встаёт, как голое плечо» («Облака») [http://nabokov-lit.ru›nabokov/stihi/140.htm].

«Как весной мой север призывен! / О, мятежная свежесть его! / Золотой, распеваящий ливень, / а потом – торжество... торжество» («Родина») [http://nabokov-lit.ru›nabokov/stihi/259.htm].

А.Я. Яшин:

«Дождик прошёл по садовой дорожке, / Капли на ветках висят, как серёжки, / Тронешь берёзку – она встрепенётся / И засмеётся. До слёз засмеётся. / Дождь прошуршал по широкому лугу, / даже цветы улыбнулись друг другу: / В чашечках листьев, на каждой травинке / По огнёчку, по серебрянке» («После дождя») [rustih.ru›aleksandr-yashin-posle-dozhdya/].

В. Тушнова:

«Дождик сеет, сеет, сеет с полуночи моросит, / Словно занавес кисейный за окошками висит. / А в лесу кричат кукушки, обещают долгий век... / Мне не грустно и не скучно, я счастливый человек» («Дождик сеет, сеет, сеет») [culture.ruКаталог стихотворенийВероника Тушнова – стихи].

Г.Ф. Шпаликов:

«Над асфальтом наклонились вязы, / Тенью скрыв дорожку мостовой. / Помню, как к девчонке сероглазой / Торопился я под выходной. / Как, промокнув под дождём весёлым, / За цветущий прятались каштан / Девочка из сорок третьей школы / И до слёз смущённый мальчуган» («Переулочек юности») [stihi.ru2019/09/06/6784].

«Бывает всё на свете хорошо, / В чём дело, сразу не поймёшь, / А просто летний дождь прошёл, / нормальный летний дождь» («Бывает всё на свете хорошо») [culture.ruКаталог стихотворенийГеннадий Шпаликов – стихи].

На наш взгляд, можно говорить об определённых различиях собирательного художественного образа дождя в исследованных нами текстах прозаических и поэтических произведений.

В прозаических текстах образ дождя представляется более детально и основательно прописанным, поскольку для его создания писатели используют более пространственные, сложные и многословные элементы языковой системы: описаны признаки и действия дождя как природного явления и живого существа с их детализацией и различными оттенками.

В поэтических текстах образ дождя предстаёт более выразительным, лёгким, прозрачным, звонким вследствие лаконичности, краткости языковых средств, с помощью которых этот образ создаётся. Образ дождя в исследованных нами поэтических текстах гораздо чаще, чем в прозе, ассоциируется с положительными эмоциями и чувствами: радость, бодрость, свежесть, обновление, возрождение.

Вместе с тем следует отметить использование при создании художественного образа дождя как в прозе, так и в поэзии, фразеологизмов, метафор, образных сравнений, элементов звукописи.

Своеобразным и интересным представляется нам употребление слова «дождь» в текстах спортивной тематики. Многие спортивные обозреватели, специалисты и болельщики помнят крылатую фразу: «Футбольный матч состоится при любой погоде: и в дождь, и в снег». Дождливую погоду, при которой труднее выполнять технические приёмы, а на первый план выходят воля и характер спортсменов, нередко называют

«спартаковской погодой», поскольку многие важные футбольные матчи первенства и кубка Советского Союза проходили в дождь и приносили победу спартаковцам.

В переносном метафорическом значении – «множество, очень много» – слово «дождь» часто встречается в спортивной литературе: *Дождь ударов обрушился на ворота соперника. Соревнования принесли дождь рекордов. Завершившиеся соревнования обернулись для нашей команды дождём золотых медалей. Состязания тяжелоатлетов ознаменовались золотым дождём для наших спортсменов.*

Заключение

Проанализировав тексты произведений русских прозаиков и поэтов с целью выявить и исследовать специфику презентации в них дождя как природного явления в культурологическом аспекте, используя при этом описательный, сопоставительный, статистический методы и метод контекстуального анализа, мы пришли к следующим выводам:

1. Слово «дождь» как единица языка, обозначающая одно из природных явлений, в аксиологическом и культурологическом аспектах представляет собой понятие, важное для человека не только с точки зрения физической (как метеорологическое явление), но и с точки зрения психологической (как явление, влияющее на состояние души человека: его настроение, чувства, эмоции).

2. В толковых словарях русского языка просматривается тенденция увеличения количества значений слова «дождь» (словарь В.И. Даля – 1 значение; словарь С.И. Ожегова – 2 значения; словарь С.А. Кузнецова – 3 значения).

3. «Дождь» как природное явление в жизни человека и в художественном тексте символизирует положительное (радость, очищение, обновление, возрождение) и отрицательное (тоска, грусть, страх).

4. Художественный образ дождя в прозаических и поэтических произведениях различается формой (структурой, объёмом) и содержанием (характер значения).

5. Своеобразно и интересно использование слова «дождь» в прямом и в переносном значении в текстах спортивной тематики.

Литература

Виноградов, В.В. О языке художественной литературы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 656 с.

Theory and Practice of Communication / Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko, Tiraspol, February 21-22, 2024, Volume 1.

Виноградов, В.В. *Стилистика, теория поэтической речи, поэтика*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 256 с.

Виноградов, В.В. *О теории художественной речи*. М.: «Высшая школа», 1971. 240 с.

Воркачѳв, С.Г. *Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании* // *Филологические науки*. 2001. № 1. С. 64-72. [Электронный ресурс] URL: http://library.lgaki.info:4042020/Воркачев_...

Гей, Н.К. *Художественность литературы. Поэтика. Стыль*. М.: Наука, 1975. 472 с.

Гизатулина, А.Ф. *Лингвокультурологические аспекты в лингвистическом анализе* // *Молодой ученый*. 2018. № 16 (202). С. 329-331. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/202/49047/>

Даль, В.И. *Толковый словарь русского языка: современная версия*. М.: Эксмо, 2013. 736 с.

Ефимов, А.И. *О языке художественных произведений*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1954. 288 с.

Ефимов, А.И. *Стилистика художественной речи*. М.: Изд-во МГУ, 1957. 448 с.

Карасик, В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Электронный ресурс] URL: rulit.me/books/yazykovoj-krug-read-700638-1.html

Ковшова, М.Л. *Роль лингвокультурологии на современном этапе: основные принципы и метод исследования (статья)* // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка, Семиотика, Се-мантика*. 2023. № 3. С. 745-756. [Электронный ресурс] URL: cyberleninka.ru/article/n/rol-lingvokulturologii-...

Ожегов, С.И. *Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю.Шведовой*. 15-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1984. 816 с.

Потебня, А.А. *Полное собрание трудов: Мысль и язык*. М.: Издательство «Лабиринт», 1999. 300 с. [Электронный ресурс] URL: rodnovery.ru/images/knigi/potebnja_mysl_i...

Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2003. 960 с.

Источники языкового материала

Бунин, И.А. *Дождь* [Электронный ресурс] URL: studfile.net/preview/5111794/page:56/

- Бунин, И.А. *Перед закатом набежало* [Электронный ресурс] URL: ilibrary.rwtext/3384/p.1/index.html
- Галина, Г. *Дождик* [Электронный ресурс] URL: rustih.rwgalina-galina-dozhdik/
- Маршак, С.Я. *Дождь* [Электронный ресурс] URL: culture.ruКаталог стихотворенийСамуил Маршак – стихи
- Набоков, В.В. *Дождь пролетел* [Электронный ресурс] URL: rustih.rwvladimir-nabokov-dozhd-proletel/
- Набоков, В.В. *Облака* [Электронный ресурс] URL: <http://nabokov-lit.rwnabokov/stihi/140.htm>
- Набоков, В.В. *Родина* [Электронный ресурс] URL: <http://nabokov-lit.rwnabokov/stihi/259.htm>
- Паустовский, К.Г. *Золотая роза: психология творчества*. М.: Педагогика, 1991. 224 с.
- Паустовский, К.Г. *Дождливый рассвет* [Электронный ресурс] URL: <http://paustovskiy-lit.rwpaustovskiy/text/rasskaz/...>
- Путешествие в страну Поэзия*. Кн.1. Лениздат, 1972. 560 с.
- Симонов, К.М. *Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...* / Каталог стихотворенийКонстантин Симонов – стихи [Электронный ресурс] URL: culture.ru
- Сурков, А.А. *Грибной дождь* [Электронный ресурс] URL: rustih.rwaleksej-surkov-gribnoj-dozhd/
- Толстой, Л.Н. *Отрочество* [Электронный ресурс] URL: ilibrary.rwtext/1310/p.1/index.html
- Тушнова, В. *Дождик сеет, сеет, сеет* / Каталог стихотворенийВероника Тушнова – стихи [Электронный ресурс] URL: culture.ru
- Тургенев, И.С. *Осенний день в берёзовой роще* [Электронный ресурс] URL: liveinternet.rwusers/5399361/post501379941/
- Шолохов, М.А. *Собрание сочинений в 9-ти томах. Т.7 «Поднятая целина» Роман в двух книгах. Книга вторая*. М.: Художественная литература, 1967. 402 с.
- Шпаликов, Г.Ф. *Переулочек юности* [Электронный ресурс] URL: stih.rw2019/09/06/6784
- Шпаликов Г.Ф. *Бывает всё на свете хорошо* / Каталог стихотворенийГеннадий Шпаликов – стихи [Электронный ресурс] URL: culture.ru
- Яшин, А.Я. *После дождя* [Электронный ресурс] URL: rustih.rwaleksandr-yashin-posle-dozhdy/

УДК 81`42+004.55

Самсонова Е.А.

СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЙ ДИСКУРС И СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВАЯ КАРТИНА МИРА КАК СТРУКТУРЫ РИЗОМНОГО ТИПА

**Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия**

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть социальные сети как структуру ризомного типа. Исследование проводится на стыке нескольких наук: коммуникативистики, дискурсологии, семиотики, философии и др. С позиции дискурсологии мы говорим о существовании в соцсетях особого типа дискурса, который мы именуем социально-сетевым и рассматриваем как разновидность глобального медиа-дискурса. Социально-сетевой дискурс формирует социально-сетевую картину мира – особый способ отражения и конструирования реальности в соцсетях. Оба термина представлены нами в контексте постмодернистской философии, для которой одним из ключевых является понятие ризомы, или корневища. Принципиально важным для нас становится отождествление ризомы с лабиринтом, каждая дорога в котором ведет к неупорядоченной и децентрализованной структуре. Именно такой структурой, на наш взгляд, является социально-сетевой дискурс, представляющий собой бесконечно развивающуюся сеть (идея семиозиса в семиотике) с неограниченным числом интерпретаций. Ризомный характер социально- сетевого дискурса также связан с несистемностью, вариативностью, хаотичностью, свободой коммуникации в соцсетях. Данные маркеры ризомной структуры позволяют нам говорить о своего рода игре в социально-сетевой дискурсе, игровом характере коммуникации, причем рассматриваем мы их во взаимосвязи с ключевыми функциями социальных сетей. Социально-сетевая картина мира, являясь производной социально- сетевого дискурса, также определяется нами как структура ризомного типа. Порождаемое в процессе коммуникации многообразие интерпретаций помогает пользователям уходить от той медиакартины мира, которую конструируют средства массовой информации. Исследование проводится на материале популярной среди молодых людей соцсети ВКонтакте и молодежных социальных сетей Ask.ru

и Ask.fm. Используются такие общенаучные методы, как наблюдение, анализ, сравнение, систематизация, а также специальные - метод дискурсивного анализа, лингвосемиотический анализ, элементы лингвопрагматического анализа.

Социальные сети, социально-сетевой дискурс, ризома, ризомная структура, семиозис, социально-сетевая картина мира

Введение

В современном научном дискурсе принято говорить о кардинальной трансформации человеческого самосознания во второй половине XX – начале XXI века. В этот период сложилась принципиально новая социально-философская и культурно-историческая парадигма, именуемая постмодернизмом. В рамках данной парадигмы отвергается целостность бытия, что проявляется в идеях не только философов, но и представителей других научных областей.

Согласно философии постмодернизма, мир представляет собой неупорядоченную субстанцию и, соответственно, непознаваем. Его необходимо интерпретировать, при этом интерпретация приводит не к устранению старых противоречий, а возникновению новых, которые могут бесконечно наслаиваться друг на друга, что говорит о бессмысленности установления какого-либо порядка в мире [Экосистема медиа: цифровые модификации, 2021]. Как отмечали И. Пригожин и И. Стенгерс, реальность постиндустриального общества «отнюдь не является ареной, на которой господствует порядок, стабильность и равновесие: главенствующую роль в окружающем нас мире играют неустойчивость и неравновесность» [Пригожин, Стенгерс, 1986: 16].

Одним из ключевых в постмодернистской философии является понятие ризомы, или корневища. Оно было введено в научный оборот Ж. Делезом и Ф. Гваттари [Deleuze, Guattari, 1987].

Корневищем в ботанике именуется своеобразное строение корневой системы, для которой характерно отсутствие центрального стержневого корня и наличие множества побегов, хаотически расположенных, переплетающихся между собой, изменчивых в своем развитии, время от времени отмирающих и потом регенерирующих.

В то же время это своего рода метафорическая реализация идеи глобального лабиринта без начала и конца, без центра и периферии, но с путями обхода и системами сокращения. Любое различие в таком «лабиринте» становятся отправной точкой для новой дороги, ведущей к глобальной структуре, децентрализованной и неупорядоченной.

В широком смысле *ризома* – это образ мира в философии постмодернизма. Не случайно к данному понятию обращаются ученые из различных научных областей. Так, внимания заслуживает изучение литературоведами ризоморфных структур на материале постмодернистских текстов [Бешукова, Хачмафова, 2017]. На стыке социологии и философии возникает вопрос о становлении ризоматического общества в условиях глобальной цифровизации [Мерзлякова, 2021].

Наибольший интерес для нас представляет рассмотрение ризомы и структур ризомного типа современными медиаисследователями. Ярким примером структуры ризомного типа в век информационно-коммуникационных технологий служит сеть Интернет, о чем пишет в своей работе М.Г. Шилина [2012]. Философ В.А. Емелин через понятие ризомы раскрывает структуру и функциональность Интернета, так называемой Всемирной паутины. Вслед за представителями французского постмодернизма Ж. Делезом и Ф. Гваттари он называет основные принципы организации ризомы-корневища и выявляет, насколько адекватно с их помощью можно описать сеть Интернет. К основным принципам он относит: связь и гетерогенность; принцип множественности; принцип незначащего разрыва; картографию и декалькоманию [Емелин].

В настоящее время система массовой коммуникации включает в себя множество субъектов. К таковым мы относим традиционные средства массовой информации (газеты и журналы, радио, телевидение), рекламную сферу, сферу связей с общественностью (PR) и т.д. Площадкой для развертывания этой системы становится Интернет-пространство (при этом нельзя говорить об исчезновении СМИ в их традиционной форме), благодаря которому традиционные СМИ приобретают черты средств массовой коммуникации.

Огромное значение для современного цифрового общества имеют новые медиа, в том числе и социальные сети, возникшие в процессе развития информационно-коммуникационных технологий. В ходе изучения научной литературы, посвященной понятию ризомы (ризомных структур), было обнаружено, что медиаисследователи используют его только применительно к глобальной сети Интернет, в то время как в рамках изучения отдельных субъектов системы массовой коммуникации этому понятию внимание не уделяется.

В связи с этим целью нашего исследования стало изучение социальных сетей как открытых структур ризомного типа. Именно социальные сети представляют собой одну из наиболее активно развивающихся и перспективных разновидностей новых медиа. Исследование проводилось на материале популярной среди молодых людей соцсети ВКонтакте и молодежных социальных сетей Ask. ru и Ask. fm.

Понятие ризомы позволяет нам показать технические возможности социальных сетей во взаимосвязи с мировоззренческим контекстом постиндустриального общества. Иными словами, мы рассматриваем социальные сети как ризомную структуру в двух тесно связанных между собой направлениях: первое обусловлено непосредственно технической стороной функционирования данного средства массовой коммуникации; второе предполагает осмысление ризомного характера социально-сетевой коммуникации на уровне передачи смыслов (формирование социально-сетевой картины мира).

Социально-сетевой дискурс как структура ризомного типа

Говоря о функционировании языка в той или иной сфере человеческой жизни, исследователи используют понятие дискурса. На современном медиaprостранстве существует свой особый тип дискурса, получивший название медиадискурса. Под медиадискурсом мы вслед за И.В. Анненковой будем понимать комплекс «семиотико-коммуникативных параметров, определяющих способы осуществления коммуникации на всем медиaprостранстве в виде формации медиатекстов, маркированных наличием стилистических черт языка средств массовой информации и коммуникации и воплощающих в себе особый способ отражения мира, принятый в рамках медиакommunikации, то есть медиакартину мира» [Анненкова, 2011: 69]. Медиадискурс является родовым понятием по отношению к разновидностям (видам) медиадискурса, к числу которых мы относим и социально-сетевой дискурс.

Основные тенденции, связанные с формированием социально-сетевого дискурса, изложены в наших предыдущих работах [напр., Самсонова, 2020]. Данное исследование предполагает изучение социально-сетевого дискурса с принципиально новой позиции – в качестве структуры ризомного типа.

При таком подходе особый интерес вызывают семиотические особенности социально-сетевого дискурса. Причем речь здесь идет не об использовании знаков различных семиотических систем, которые характерны практически для всех современных онлайн-платформ, а об идее семиозиса как бесконечно развивающейся сети (имеется в виду традиционный образ семиозиса в классической семиотике) [Анненкова, Самсонова, 2023: 27]. Посты и комментарии к ним, являясь ключевыми типами медиатекста в социально-сетевом дискурсе, представляют собой своеобразные узлы этой сети, которые могут развиваться до бесконечности, порой в самых неожиданных направлениях.

Похожую идею высказывал еще А.А. Попов, рассматривая комментарии в интернет-пространстве (на примере микроблогинга, но данная мысль справедлива и для социальных сетей) как возможность

бесконечного развития медиатекста. При таком подходе медиатекст (пост) становится не конечным продуктом, а лишь одним из звеньев коммуникативной цепи [Попов, 2013]. Сеть может расширяться и за счет реакции на комментарии (ответ на комментарии, возможность поставить «лайк» понравившемуся комментарию и т.д.). В условиях «плетения» сети огромным (бесконечным) числом участников социально-сетевой коммуникации возникает такое же бесконечное число интерпретаций.

Следует напомнить, что идею интерпретации принято считать стержневой (ключевой) для всей постмодернистской философии и культуры, однако, особенно отчетливо она проявляется именно в социально-сетевом дискурсе, и связано это с прагматическими установками коммуникации в социальных сетях, реализовать которые помогают технические средства (функционал данного средства массовой коммуникации).

Еще одна значимая особенность социально- сетевого дискурса, позволяющая рассматривать его в качестве структуры ризомного типа, связана с несистемным характером коммуникации в социальных сетях. Отсутствие системы, хаотичность являются принципиально важными признаками системы ризомного типа в постмодернистской философии. В качестве примера можно привести неограниченное число адресантов, или лидеров коммуникации (авторов медиатекстов) в любой из исследуемых нами соцсетей.

Говоря об адресатах, также следует отметить их потенциальную неограниченность, хаотичность, дифференцированность. Технические возможности конкретной платформы могут ограничивать аудиторию в определенных ситуациях, например, соцсеть ВКонтакте позволяет настроить приватность публикаций таким образом, что их сможет видеть только определенный круг пользователей. В социальных сетях с вопросно-ответной формой коммуникации Ask. ru и Ask. fm, в которых в качестве поста (первичного медиатекста) выступает «вопрос», присутствует возможность как разместить публикацию во всеобщем доступе, так и задать вопрос пользователю лично. Однако в глобальном смысле адресат медиатекста в соцсетях неограничен.

В контексте взаимоотношений адресата и адресанта в социально-сетевой коммуникации интерес представляет понятие транзактности, под которым мы понимаем смену ролей коммуникантов: адресант может стать адресатом и наоборот, что проявляется в той же сети постов и комментариев, когда автор поста (адресант) становится одним из адресатов тех комментариев, которые делают другие пользователи к его посту (первичному медиатексту).

Игра и социально-сетевой дискурс

В контексте энтропийной модели мира постмодернизма мысль человека приобретает абсолютную свободу, что ведет к сотворению им собственного мира, по своей сущности являющегося игровым. Социально-сетевой дискурс, в котором господствуют вариативность и многообразие, по сути, являет собой пример бесконечного лабиринта, о котором говорят представители постмодернизма. Ж. Делез и Ф. Гваттари в своей концепции номадологии (кочевничества), объясняя новую организацию пространства, обращаются к игровым аналогиям [Экосистема медиа: цифровые модификации, 2021]. По мнению исследователей, феномены *лабиринт* и *игра* обладают схожими характеристиками. Так, они оба связаны с выбором, множественностью, вариативностью, многозначностью, отказом от цельности и системности. Пользователи «блуждают» в бесконечном лабиринте виртуальной реальности социальных сетей, которую справедливо следует считать эклектичной и дискретной. Находясь даже в пределах одной конкретной социальной сети, например ВКонтакте, пользователь может параллельно просматривать новостную ленту, слушать музыку, вести переписку с другими участниками соцсети и т.д.

Отдельного внимания заслуживает гипертекстуальность в социально-сетевом дискурсе, когда человек имеет возможность изменить медиареальность: расширить или трансформировать ее в процессе перехода по гиперссылкам. Как отмечает В.Л. Эпштейн, «гипертекст можно определить как нелинейную документацию, которая ветвится и взаимосвязывается, позволяя читателю исследовать содержащуюся в ней информацию в последовательности, которую он сам выбирает» [Эпштейн]. Социальные сети являют собой пример открытой структуры, что выражается как в наличии внутрисетевых гиперссылок, так и возможности перейти по ссылке на сторонний ресурс. Свободный выбор в процессе «блуждания» по гиперссылкам, на наш взгляд, целесообразно рассматривать во взаимосвязи с игровым поведением пользователя. Предполагается, что каждый пользователь социальной сети свободен в своих действиях, а их выполнение зависит только от его воли.

В рамках игрового характера коммуникации в соцсетях человек перестает быть «массовым», он выбирает то, что интересно, важно и т.д. именно ему. В этом смысле социально-сетевой дискурс противостоит медиадискурсу средств массовой информации в их традиционном понимании. Система средств массовой информации, как пишет Н. Луман, «усиливающейся производительностью обязана своему системному обособлению, оперативной замкнутости и ... автономии» [Луман]. Иными словами, средства массовой информации являют собой пример закрытой системы со строгой иерархией. Система средств массовой информации

ориентирована на управление массовой аудиторией посредством конструирования в ее сознании определенной картины мира.

Хаотичность и вариативность «игры» в социально-сетевом дискурсе целесообразно рассмотреть во взаимосвязи с основными функциями соцсетей. Наиболее важной является функция коммуникативная, под которой мы понимаем непосредственно общение. Пользователь сам выбирает, с кем и посредством каких знаковых систем ему общаться. В зависимости от технических возможностей платформы вариативность и неограниченность выбора могут варьироваться. Например, в социальной сети Ask. ru, ориентированной на вербальную коммуникацию, у коммуникантов нет возможности использовать изображения или эмодзи. В социальной сети Ask. fm активно используются как текст в традиционном понимании, так и изображения и эмодзи. Наибольшая вариативность характерна для ВКонтакте, поскольку помимо названных участникам сети доступны технически более сложные знаковые системы (аудио, видео и т.д.).

Еще одна важная функция – рекреационно-развлекательная – обусловлена стремлением аудитории отдохнуть и развлечься. В данном случае наибольшее число вариантов того, каким способом это сделать, пользователь обнаружит в соцсети ВКонтакте. Социальная сеть предлагает колоссальный объем визуального, аудиального и аудиовизуального контента. Принципиально важно то, что получить доступ к этому контенту внутри сети аудитория может самыми разными способами. В качестве примера рассмотрим аудиальный контент (музыкальную индустрию). Если человек хочет послушать музыкальные новинки, он может зайти в группу (сообщество) соответствующей тематической направленности, изучить содержание постов на стене сообщества или обратиться к разделу с загруженными в него файлами. Другой вариант – зайти в раздел «Музыка» в своем аккаунте и слушать новинки там в соответствующем подразделе. Другая ситуация возникает, когда пользователю необходимо найти конкретную композицию или он является поклонником определенного исполнителя. Только он решает, что, как и в каком разделе он будет искать. Приведенные нами ситуации показывают, что вариативность в работе пользователя с аудиальным контентом в соцсети огромна.

Если же говорить о развлекательной функции в соцсети Ask. fm, то здесь следует выделить раздел «Фотоопрос», позволяющий адресанту размесить в публикации два изображения (система поставит между ними знак VS) и спросить у адресата, какое из предложенных изображений ему нравится больше, какое бы он выбрал и т.д. В этом случае ожидается вариативность реакций: адресат может не только сделать выбор, но и прокомментировать его.

Среди других значимых функций социальных сетей мы выделяем функцию самовыражения (самоактуализации), функцию самопрезентации, функцию кооперации, социализирующую функцию и организаторскую функцию. Все они связаны со свободным, хаотичным, вариативным выбором пользователем того, как он будет вести коммуникацию в соцсетях с целью удовлетворить свои потребности (именно они порождают ту или иную функцию соцсетей). Каждая из названных функций в большей или меньшей степени актуальна для всех исследуемых нами социальных сетей, а способы их реализации обусловлены техническими возможностями платформ.

Остановимся на функции управления идентичностью, которая особенно важна для социальных сетей Ask. ru и Ask. fm. Каждому человеку очень важно ощущать свою принадлежность к какой-либо человеческой общности, с чем и связана обозначенная функция. Показательным примером ее реализации в соцсети Ask. ru служит ролевая коммуникация. Ее целью является создание особого «ролевого» мира, что выводит «игру» в социально-сетевом дискурсе на принципиально новый уровень. Так называемые ролевики отождествляют себя, с одной стороны, с созданными ими персонажами, с другой – с «ролевым» сообществом, включающим в себя людей, общение с которыми приводит к формированию субкоммуникации, или коммуникации «для своих». Своеобразная субкоммуникация формируется и в социальной сети Ask. fm, в которой большая часть коммуникации обусловлена стремлением пользователей заработать виртуальные «монеты» и попасть в еженедельный рейтинг. Участие в еженедельном рейтинге служит свидетельством успеха пользователя как участника сети. На наш взгляд, субкоммуникация – это своего рода игра, связанная с желанием аудитории уйти от реального мира и сконструировать свой.

Социально-сетевая картина мира как структура ризомного типа

Социально-сетевой дискурс формирует социально-сетевую картину мира, под которой мы понимаем особый способ отражения и конструирования реальности в соответствующей разновидности новых медиа. Ее формирование параллельно осуществляется в двух ключевых направлениях. Первое направление предполагает конструирование образа мира в духе общемедийных процессов и дискурсивных стратегий. Оно обусловлено манипулятивным и организаторским потенциалом социальных сетей, способных влиять на сознание аудитории и, как следствие, ее реальную жизнь, жизнь вне виртуального пространства (к таким соцсетям мы относим ВКонтакте). Второе направление связано со стратегией формирования в социальных сетях субкоммуникации, или коммуникации «для

своих». В этом случае происходит уход пользователей в виртуальный мир (примерами служат Ask. ru, Ask. fm).

Учитывая то, что социально-сетевую картину миру мы рассматриваем в качестве производной социально-сетевого дискурса (а он является примером структуры ризомного типа), мы считаем целесообразным говорить и о ней как о структуре ризомного типа. Сформированная социально-сетевым дискурсом, она демонстрирует некоторые элементы хаотичности, разрозненности, вариативности и т.д. В первую очередь, следует акцентировать внимание на бесконечном числе интерпретаций любого медиатекста, размещенного в соцсети. Мы принимаем то, что пользователь свободен в своей интерпретации, он не подвержен влиянию каких бы то ни было внешних факторов. Интерпретация зависит исключительно от его интеллектуального уровня, психологических и других особенностей, которые мы обозначим как личностные.

Социально-сетевая картина мира конструируется на нескольких уровнях. Наиболее значимым нам представляется тематический (медиа-топосовый) уровень, а также лексический уровень (лексика, формирующая эти медиатопосы). Для каждого из выделенных нами направлений формирования социально-сетевой картины мира характерна своя разновидность медиатопосов: в соцсетях с субкоммуникацией доминируют социально-сетевые медиатопосы, то есть темы, обсуждаемые исключительно в соцсетях; в тех же случаях, когда речь идет о формировании массового сознания, на первый план выходят общемедийные топосы – темы, освещаемые на всем медиапространстве.

Однако исследование показывает, что довольно тяжело говорить о двух типах социально-сетевой картины мира в чистом виде. На уровне медиатопосов наблюдается определенная несистемность и хаотичность, проявляющаяся в обращении пользователей к «чуждым» для конкретной разновидности социально-сетевой картины медиатопосам. Например, в соцсети ВКонтакте можно обнаружить сообщества, посвященные ролевой коммуникации (ролевые игры, ролевые СМИ и т.д.) и другим типам субкоммуникаций (субкультурам), а в социальных сетях Ask. ru и Ask. fm – посты на общемедийные темы. При этом стоит отметить, что в обоих случаях такие «вкрапления» не оказывают серьезного влияния на формирование конкретного типа социально-сетевой картины мира и могут служить маркерами того, что социально-сетевая картина мира имеет ризомную структуру.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что данное исследование проводилось на стыке нескольких наук: коммуникативистики, дискурсологии, семиотики, философии и др. С позиции дискурсологии мы можем говорить

о существовании в соцсетях особого типа дискурса, который мы именуем социально-сетевым и рассматриваем как разновидность глобального медиадискурса. Социально-сетевой дискурс формирует социально-сетевую картину мира – особый способ отражения и конструирования реальности в соцсетях. Оба понятия рассматриваются нами в контексте постмодернистской философии, для которой одним из ключевых является понятие ризомы, или корневища. Принципиально важным для нас становится отождествление ризомы с лабиринтом, каждая дорога в котором ведет к неупорядоченной и децентрализованной структуре. Именно такой структурой, на наш взгляд, является социально-сетевой дискурс, представленный в виде бесконечно развивающейся сети (идея семиозиса в семиотике) с неограниченным числом интерпретаций. Ризомный характер социально- сетевого дискурса также связан с несистемностью, вариативностью, хаотичностью, свободой коммуникации в соцсетях. Данные маркеры ризомной структуры позволяют нам говорить о своего рода игре в социально-сетевой дискурсе, игровом характере коммуникации, причем рассматриваются они во взаимосвязи с ключевыми функциями социальных сетей.

Социально-сетевая картина мира, являясь производной социально-сетевого дискурса, также представляет собой структуру ризомного типа. Порождаемое в процессе коммуникации многообразие интерпретаций помогает пользователям уходить от той медиакартины мира, которую конструируют средства массовой информации. Можно было бы предположить, что социально-сетевая картина мира выступает в оппозиции к медиакартине мира, формируемой СМИ. Однако в оппозиции находится только та разновидность социально-сетевого дискурса, которая позволяет пользователям полностью уйти в виртуальность. Вторая разновидность, конструируемая в русле общемедийных дискурсивных стратегий, ориентирована на формирование массового сознания. В то же время мы склонны утверждать, что за счет множества интерпретаций и плюрализма мнений влияние на сознание здесь оказывается несколько иным образом, с изучением чего и связана перспектива нашего исследования.

Литература

- Анненкова, И. В. *Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ*. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2011. 392 с.
- Анненкова, И.В., Самсонова, Е.А. *Функции социально-сетевого дискурса и социально-сетевая картина мира // Меди@льманах. 2023. № 2 (115). С. 22-28.*

- Бешикова, Ф.Б., Хачмафова, З.Р. Постмодернистские текстовые стратегии в пространстве литературной коммуникации // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. №3(202). С. 108-113
- Емелин, В. А. Ризома и Интернет // Глобальная сеть и киберкультура. URL: <https://emeline.narod.ru/rhizome.htm> (дата обращения: 06.02.2024).
- Луман, Н. Реальность масс-медиа // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий». URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3001/3002> (дата обращения: 05.02.2024).
- Мерзлякова, И.Л. Человек как субъект творческой деятельности в условиях становления цифрового ризоматического общества // Kant. 2021. №1(38). С. 139-146.
- Попов, А.А. Блогинг как форма профессиональной журналистской коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2013. 176 с.
- Пригожин, И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
- Самсонова, Е. А. Новые медиа – новая картина мира (к постановке вопроса о социально-сетевой картине мира) // Меди@льманах. 2020. № 4 (99). С. 18-24.
- Шилина, М.Г. Интернет-коммуникация: исследовательские концепции XXI века. К вопросу формирования категориально-понятийного аппарата // Медиаскоп. 2012. Вып. 2. Режим доступа: <http://www.media-score.ru/node/1081> (дата обращения: 02.02.2024).
- Экосистема медиа: цифровые модификации: монография / И.И. Волкова, И.Н. Кемарская, Л.К. Лободенко и др.; под ред. С.Л. Уразовой. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 252 с.
- Эпштейн, В. А. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lingvolab.chat.ru/library/hyper-text.htm>.
- Deleuze, G., Guattari, F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987.

УДК 811.161.1:378+81-13

¹Тряпельников А.В., ²Яхненко В.В.

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК РОДНОЙ (РКР):
ЭНЕРГЕЙЯ И СИНЕРГЕЙНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ**

¹*Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы*
²*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия*

В данной статье приводятся рассуждения и предлагаются примеры синергейного анализа смыслообразования языковых единиц в русском языке с точки зрения подхода под названием «русский язык как родной». Дается истолкование понятия «синергейя» применительно к процессу «вочеловечения» языка, а также - с позиций синергейи, на примере анализа синергейного смыслообразования в слове. Обосновывается понятие простых слогов, их роль при образовании языковых звуков (фонем). Обращается внимание на принципиальное отличие самостоятельных частей, обладающих свойствами целого, от несамостоятельных частей (элементов). Рассматриваются выразительные функции синергейного характера категории «мягкости/твердости», «ударности/безударности». В качестве примеров проводится деятельностный (энергейный) анализ смысловых особенностей предлогов «НА» и «ДО», порожденных артикуляционными действиями, а также синтетическая цельность предикативного наречия «НАДО».

Синергейя, синергейный анализ, вочеловечение языка, смысловая модель, целое, часть, элемент, предлог, мягкость, твердость, ударность, интонация

Введение

Современная европейская наука, как известно, родом из античного прошлого. В составе древнегреческих и латинских терминов европейские

ученые часто находят опору для создания новых теоретических построений. Именно такое опорное значение для описания феномена языка/речи под названием «русский язык как родной» (РКР)² [Тряпельников, Яхненко, 2022: 169-170] могут иметь понятия, закрепленные в терминах «энергэ́йя» («эне́ргия»³) и «синерге́йя» («сине́ргия»)⁴ еще в XIX веке.

Принципиальной особенностью подхода под названием «русский язык как родной» является определение основной функции языка как средства понимания мира в целом и по частям, т.е. как чего-то членораздельного в соответствии с природой самого языка. Конечно, язык служит и средством коммуникации, и органом мышления, как это принято обычно утверждать сегодня, но функция «быть средством понимания» мира служит, с нашей точки зрения, определяющим свойством языка, объясняющим и родство человека с другими живыми существами, и его отличие в понимании, вызванное качеством членораздельности, и естественный процесс «вочеловечения» языка. Именно в этой связи возникает необходимость в понятиях «энергейя» и «синергейя».

Знаменитое утверждение В. фон Гумбольдта: «Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)»⁵ сочувственно повторяется во многих трудах по языковедению. Во всяком случае, не известно *ни одного* возражения против этого утверждения. Как определяют исследователи научного творчества В. фон Гумбольдта, понятие энергейи у В. фон Гумбольдта восходит к аристотелевскому пониманию⁶ и тем самым связывает науку Нового времени с античной традицией. Однако на сегодня нам не известно, заметим, *ни одного* описания какого-либо естественного языка, в котором было бы воплощено деятельностное понимание языковой природы.

² Тряпельников А.В., Яхненко В.В. Русский язык как родной (к обоснованию подхода) // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации. М., 2022. С. 169-170.

³ Термин «энергия» уже в XIX в. входит в состав русской лексики, судя по его включению в «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля; интересно, что для истолкования этого понятия используется русское слово «сила» (*сила воли, неистомная сила*).

⁴ См.: Хакен Г. Синергетика. Пер. с англ. / Под ред. Ю.А. Климонтовича и С.М. Осовца. – М.: Мир, 1980. – 404 с. С. 6.

⁵ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем.яз. под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с. С.70. О понятии «энергейя» в учении В. фон Гумбольдта см. Лобанова А.П. Язык как энергейя в концепции В. фон Гумбольдта и А. Вайсгерберера. URL: http://tverlingua.ru/archive/032/010_32.pdf.

⁶ Гумбольдт В. фон. Концепция общего языкознания: цели, содержание, структура. Избранные переводы. Пер. с нем. / Вступ. ст. и примеч. А.П. Лобановой. М.: ЛЕНАНД, 2018. 504 с. С. 20.

Греческий термин «синергейя» «означает совместное, или кооперативное, действие. Впервые этот термин был введен [в науку Нового времени – А. Т., В.Я.], и именно в этом смысле, великим английским физиологом Шеррингтоном около ста лет тому назад в ходе исследований мышечных систем и управления ими со стороны спинного мозга»⁷.

На основе понятия «синергейи» по прошествии почти векового развития науки, с одной стороны, Р.Б. Фуллером, а с другой, Г. Хакеном создается «синергетика» – новая наука о самоорганизующихся сложных системах, свойства которых прямо не сводятся к свойствам их частей (компонентов), взятых по отдельности. Каждый из создателей «синергетики», прежде всего, исходил из особенностей устройства наиболее ему «близких по духу» сложных систем: Р.Б. Фуллер – математических и инженерных, а Г. Хакен – физических. Им обоим был присущ обобщающий стиль мышления, который побуждал их распространять свои построения на предельно широкий круг сложных систем, включая архитектурные, биологические, социальные, экономические. У их последователей, в том числе на русской почве, невольно возникает ощущение научного подъема⁸, безграничных возможностей синергетического анализа и моделирования, дерзновенности обобщений и применения новых методов.

Однако на наш взгляд, такое одушевление несколько преждевременно. Дело в том, что для строгого синергетического анализа и моделирования (с обязательным применением математического аппарата) гуманитарные объекты, будь то общественные, образовательные или языковые системы, еще недостаточно осознаны в своем составе и свойствах. В отличие от систем, с которых основатели синергетики начинали, достаточно ясных по составу частей (компонентов), естественные языки (в том числе и русский язык) как феномены до сих пор таят множество тайн и, судя по всему, могут быть отнесены к разряду *сверхсложных* систем, в которых, можно обоснованно предполагать, действуют гораздо более сложные принципы и более тонкие законы, чем, например, в лазерах.

В то же время само понятие «синергейи» (в сочетании с «энергейей») представляется крайне важным для понимания природы языковых единиц: оно определяет тот факт, что языковая единица как деятельное (энергейное) целое не сводится в своих свойствах к ее составным частям,

⁷ Хакен Г. Синергетика. Пер. с англ. / Под ред. Ю.Л. Климонтовича и С.М. Осовца. – М.: Мир, 1980. – 404 с. С. 6.

⁸ Ср.: «Наука на рубеже веков нуждается в новой парадигме...» (Герман И. А. Лингвосинергетика. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. – 168 с. С.21)

взятым по отдельности, что в ней должна присутствовать выраженность самой идеи деятельного целого.

Нужно также отметить, что на русской почве понятие «синергеи» не может ограничиваться только значением «совместности действия» (см. выше). В «Словаре иностранных слов»⁹ исходное греческое слово «synergeia» толкуется как «сотрудничество», «содружество», что подчеркивает необходимое присутствие в действующих частях целого (при «синергеи») особого совместного отношения к труду¹⁰ (т.е. деятельности) и взаимного дружелюбного отношения друг к другу¹¹.

Именно таким значением «синергеи» («сотрудничество», «содружество») можно определить процесс естественного «воязыковления» человека-дитяти (или, иначе, «вочеловечения»¹² языка) [Бодуэн де Куртенэ, 1963: 258-264], при котором в раннем возрасте как бы «само собою» образуется ядро цельной языковой личности. В самом деле, образование языковой личности в естественных условиях (обычно в ходе семейного воспитания), во-первых, носит деятельностный (энергейный) характер как со стороны дитяти, так и со стороны окружающих его носителей определенного национального языка, во-вторых, ядро цельной языковой личности возникает *лишь в ходе сотрудничества и содружества* участников процесса «воязыковления». Собственно, языковая личность как носитель личностного языкового сознания и возникает в знаменование образовавшейся телеснодуховной целостности, не сводимой ни к окружающим людям, ни к обучающемуся живому субъекту как таковому (т.е. до его «воязыковления»).

⁹ Словарь иностранных слов. – 10-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1983. – 608 с., С. 456.

¹⁰ Ср.: *Трудникъ* [м.], – *ница* [ж.] обреченный или сам обрекшийся на тяжкие труды, сподвижник, мученик, трудящийся неумоимо (Даль В.И. «Толковый словарь живого великорусского языка» в 4-х тт. Т. 4 /Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Репринт. воспроизв. Изд. 1903-1909 гг. М., 1994. - С. 852).

¹¹ Обращает на себя внимание, что носитель русского языка называет «другом» человека, близкого себе по духу, т.е. того, с кем он себя готов отождествить. И от этого же корня (*друг-*) образуется прилагательное со значением различения: *одно – другое*. Т. о., можно сказать, что сам процесс различения в русском языке носит дружелюбный характер (в отличие, например, от английского языка), т.е. при различении предметов русский язык берет за основу не их противопоставление, а отождествление.

¹² Выражение «вочеловечение языка» было употреблено Бодуэном де Куртенэ для характеристики процесса возникновения способности к артикуляции в ходе становления человеческого рода. См.: Бодуэн де Куртенэ И.А. Вочеловечение языка // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.1 / Сост. В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 384 с. - С. 258-264.

Понятие «синергеи» (сотрудничество, содружество) объясняет саму возможность и осуществимость обучения языку в естественных условиях – факт, признаваемый всеми как очевидный, но ничем не обоснованный.

Надо сказать, что всякий естественный язык предполагает такого рода сотрудничество и содружество на раннем этапе «воязыковления» дитяти (и/или «вочеловечения» языка), но не все языки (в отличие от русского языка) сохраняют это качество в развитом своем состоянии на уровне общенационального (литературного) языка.

Можно сказать, что сам ход самодеятельного (энергейного) становления русской языковой системы обусловлен сотрудничеством и содружеством (синергейей) русского языка с детской языковой способностью (языковым сознанием) его будущих носителей. Это первое и главное условие развития русской языковой системы.

Разумеется, это утверждение на сегодняшний день носит характер догадки и может показаться голословным, но мы все же рискуем высказать такое предположение и приглашаем всех заинтересованных лиц «взглянуться свежим взглядом» в свойства русского языка как чего-то родного и близкого.

«Свежесть взгляда» на свойства русской языковой системы при синергейном анализе во многом зависит от ясного понимания особенностей категории «целое/части» по отношению к языковым единицам.

Дело в том, что на сегодня категория «целое/части» применяется ко всем единицам языка без каких-либо различий. Такое отношение в свое время четко сформулировал В. Фон Гумбольдт, характеризуя сущность языка: «...В этом сущность языка, который непрерывно так членит части и целые [совокупности] между собой, что части могут становиться целыми [совокупностями], а целые [совокупности] – частями»¹³ [Гумбольдт В. фон, 2022: 71]. Однако данное мнение нуждается в уточнении, которое может внести различие «части» и «элемента», предложенное А.Ф. Лосевым¹⁴.

¹³ Гумбольдт В. фон. Основные черты всеобщего типа языка: Избранные переводы. Пер. с нем. / Сост., пер., вступ. ст., прим. Л.П. Лобановой; закл. ст. В.М. Алпатова. М.: ЛЕНАНД, 2022. С. 71.

¹⁴ См.: Лосев А.Ф. Аксиоматика знаковой теории языка // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982, 50-52. [Приведем подробные цитаты из рассуждений А.Ф. Лосева о природе части (единицы) и элемента в силу их значимости. «Нужно различать «часть» и «элемент». Часть – это та вещь, которая хотя и входит в состав другой вещи, но мыслится [может мыслиться – А.Т., В.Я.] совершенно отдельно от нее. Ведь можно стекло, входящее в дверцы шкафа, представить себе совершенно отдельно от самого шкафа и не думать о том, что тут имеется в виду именно только шкаф» (С. 51). «Элемент же – это то, что, входя в целое, только и мыслится в связи с этим целым и делается конечным [т.е. определенным – А.Т., В.Я.] только в связи с целым» (С. 51). «Звук, в этом смысле слова, вовсе

Нам кажется, что рассуждения А.Ф. Лосева весьма убедительны [Лосев, 1982: 50-52]. Если их дополнить представлением о том, что предельной (простейшей) самостоятельной речезыковой единицей является простой слог, тогда образование простых слогов можно (и нужно) понимать как *содружество* (синергейю) языковых звуков-элементов, системный статус которых принципиально отличается от статуса других языковых единиц – слогов, слов и предложений, которые могут подводиться, в том или ином смысле, и под понятие «целого», и под понятие «части».

В русском языке простые слоги представляют собою содружество (синергейю), прежде всего, согласного и гласного звуков (схематично [СГ]), которые распределяются по двум позициям. Назовем такие слоги полными простыми слогами и не забудем, что они являются деятельностью содружеством (синергейей) языковых звуков-элементов. Это значит, что составные части полных простых слогов могут быть выделены дитятею *исключительно умозрительно*¹⁵. Для умозрительного разделения таких полных простых слогов в языке с необходимостью должны присутствовать неполные простые слоги типа [#Г] и [С#], в которых определенные гласные и согласные вступают в содружество с неопределенными звуками-призвуками¹⁶. Таким образом, для умозрительного разделения

не может рассматриваться нами как [самостоятельная – А.Т., В.Я.] часть чего-то. Ведь мы же говорим о звуках речи. Может ли каждый отдельный звук речи рассматриваться сам по себе? Если мы возьмем слово *дом*, то можно ли сказать, что мы сначала помыслили звук *д* и тут же о нем забыли, потом стали рассматривать звук *о* в его самостоятельности и отдельности, т.е. опять тут же его забыли при переходе к следующему звуку, а потом представили себе звук *м* и опять ради отдаления его от соседних звуков тут же о нем забыли? Можем ли мы в таком случае слово *дом* понимать именно как слово *дом*? Ведь ни звук *д* не есть *дом* и то же самое ни звук *о*, ни звук *м*. Как же из трех нулей составила какая-то определенная единица, которую мы назвали *дом*? Ясно, что при такой дискретности не может образоваться ни какое-нибудь слово, ни какое-нибудь предложение, ни какая-нибудь связь предложений, периода, строфы, главы рассказа и т.д. Следовательно, употребляя звук *д* в слове *дом*, мы в то же время мыслим и *о*, и *м*; а во время произношения звуков *о* или *м* мы мыслим одновременно и два других звука, входящих в слово *дом*. Целое, таким образом, решительно мыслится как таковое в каждом из составляющих его элементов, а каждый элемент мыслится одновременно со всем целым, в которое оно входит. Для диалектики такое положение дела вполне элементарно. Но как обойтись здесь без диалектики, мы не знаем» (С. 51-52).]

¹⁵ Широко распространенное представление, что человек способен произносить отдельные звуки как нечто самостоятельное, является иллюзией, порожденной буквенной системой письма. Языковые звуки можно лишь мыслить самостоятельно, но нельзя произнести без участия призвуков. В древнерусском языке это отражалось в употреблении на письме «Ъ» («ерь») и «Ь» («ерь»): например, «СО-НЬ, СЪ-НА», «ДЕ-НЬ, ДЬ-НЯ».

¹⁶ Неопределенные звуки-призвуки мы обозначаем знаком [#]. Знак # удобно использовать в современных условиях: во-первых, такой знак представлен на компьютерной клавиатуре; во-вторых, такой знак не входит в буквенный состав никакого языка. Надо

простых слогов на две позиции дитя в русском языке использует асимметричную дистрибутивную матрицу 2×3 (две позиции и три разряда звуков)¹⁷ [Рождественский, 1969: С.99-100].

А что же в простых слогах знаменует идею целостности (т.е. синергейю)? Ответ на заданный вопрос дает возможность понять, чем объясняется проявление в русском языке категории «мягкости/твердости» на уровне звуков. На самом деле, «мягкость/твердость» знаменует свойство простого слога как синергейного целого, характеризуя качество слога в целом, а не согласных или гласных самих по себе. Эту особенность русских простых слогов можно выразить в транскрипции с использованием букв «Ъ» и «Ь» следующим образом: [С^ЪГ], [С^ЬГ], [#^ЪГ], [#^ЬГ], [С^Ъ#], [С^Ь#].

Содружество (синергейя) языковых звуков-элементов при образовании слогов отличается от содружества (синергейи) слогов при образовании слов, как и содружества слов при образовании предложений, как и содружества предложений при образовании слов-текстов.

Так, например, смысл русского предлога «НА»¹⁸, доступный пониманию детского сознания с опорой на наглядность и соотнесенность с характерными артикуляционными действиями, получает символическое развитие в развитом русском литературном языке в виде разнообразных употреблений слога «НА» и в качестве предлога¹⁹, и в качестве

заметить, что такой знак может употребляться в разных смыслах для выражения звуковых единиц или процессов, которые в той или иной степени трудно соотносить со звукобуквенными обозначениями. Так, например, Д. Ворт использует знак # для обозначения морфемы, с помощью которой описываются процессы с т.н. беглой гласной (См. Ворт Дин. Очерки по русской филологии / Пер. с англ. К.К. Богатырева. М., 2006. С.22.)

¹⁷ Принцип дистрибутивного различения языковых единиц был обоснован, в свое время, Ю.В. Рождественским (см.: Рождественский Ю.В. Типология слова / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1969). Надо отметить, что основное внимание в этой эпохальной работе уделяется свойствам минимальной дистрибутивной матрицы, создаваемой на основе 3-х единиц и 3-х позиций. Такую матрицу можно назвать «симметричной». Повышенное внимание к симметричной матрице объясняется тем, что Ю.В. Рождественский рассматривает процесс естественного (взаимосвязанного) различения единиц и позиций в рамках лингвистического метода. В русском языке, судя по всему, «живет» (т.е. применяется самим носителем языка) минимальная асимметричная дистрибутивная матрица, создаваемая на основе 3-х единиц и 2-х позиций (о таком типе матрицы есть упоминание в книге Ю.В. Рождественского на стр. 99-100, но специально она не исследовалась).

¹⁸ Подробнее см.: Тряпельников А.В., Яхненко В.В. Русский язык как родной (РКР): предлоги (наглядная семантизация смыслов пространственных предложно-падежных сочетаний в обучении русскому языку иностранцев) // Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Филологические науки» № 3 (85), С. 111-117.

¹⁹ Ср.: предлог «НА» насчитывает, по меньшей мере, 22 смысловых оттенка при употреблении с формами Вин.п. и 11 смысловых оттенков при употреблении с формами Предп.п. (См.: Словарь русского языка в 4-х тт., Т.II. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1958.)

приставки²⁰, и (редко) в качестве корневого слога (в исконно русских словах)²¹.

При образовании слога «НА» ([Н^ЬА]) содружество звуков (как частей-элементов целого) создает модель противоположно направленных сил, уравнивающих друг друга в составе целого: [Н] – движение воздушной струи, направленное *вверх* (в носовую полость), и [А] – движение языкового тела (в ротовой полости) *вниз*. Такая символическая модель вполне соответствует смыслу предлога «НА» в исходном значении для выражения соотношения предмета и поверхности, на которой он находится: ведь нахождение на поверхности чего-либо предполагает равновесное соотношение давления *вниз* (под воздействием силы тяжести) и препятствующей силы поверхности, направленной *вверх*.

Другим примером может служить предлог «ДО» ([Д^ЬО]): [Д] – движение языкового тела (в ротовой полости) вперед с остановкой у верхнего нёба, и [О] – округлое движение обеих губ, создающее образ некоего объемного тела. Содружество (синергея) таких артикуляционных движений вполне может стать смысловой моделью движения, направленному к некоторому пределу (именно пределу, т.к. языковое тело не достигает уровня губ, хотя и направлено в их сторону). Отсюда – «ДОЙТИ ДО ЛЕСА» включает представление о движении, направленном к лесу, но здесь нет представления о вхождении в лес, т.е. «ЛЕС» (в данном случае) – предел мыслимого движения.

Поскольку звуки имеют статус элементов, т.е. могут возникать только в составе слога как целого, то описанные выше смысловые модели образуются сразу, как целое, не сводимое на элементы, а обусловленное их соотношением.

Конечно, не все слоговые сочетания звуков сами по себе имеют природу смысловых моделей²², для некоторых из них надо войти в состав слов, чтобы получить наглядное осмысление в языковом сознании дитяти, однако это не отменяет общего принципа порождения слоговой осмысленности.

²⁰ Ср.: приставка «НА» насчитывает, по меньшей мере, 5 смысловых оттенков при употреблении с глагольными формами и по одному смысловому оттенку при употреблении с именными формами (существительных, прилагательных и отыменных наречий) (См.: Словарь русского языка в 4-х тт., Т.П. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1958.)

²¹ Ср.: слог «НА» в слове «НАСТ»: (снег, поверхность снега, оледенелая корка на поверхности снега) НА чём можно СТОЯТЬ. Здесь предлог «НА», сохраняя свой исходный смысл, выполняет функцию корневого слога имени.

²² Например, слоги «КЕ», «ГЕ», которые не входят в состав корня у исконно русских слов, но получают свое осмысление в составе именных падежных форм.

Иная ситуация возникает при содружестве простых слогов в составе слова. Возьмем для примера предикативное наречие «НАДО», состоящее из двух простых слогов «НА» и «ДО». Смысловые модели, возникающие в каждом из этих слогов-предлогов (см. выше), предполагают для образования представлений о языковых звуках, входящих в их состав, исключительно *аналитическую* процедуру, т.е. процедуру разложения на составные элементы, каждый из которых самостоятельно (в изолированном виде) существовать не может²³.

В то же время содружество (синергея) слогов «НА» и «ДО» в слове «НАДО» носит иной характер, чем содружество звуков в составе слога – не аналитический, а синтетический. Конечно, смысл «НАДО» как самостоятельного слова не тождественен смыслу предлогов «НА» и «ДО», но он становится понятным языковой интуиции носителя русского языка на основе их синергейного сочетания (синтеза). Дело в том, что предлог «НА» наглядно (жестово) обосновывает разговорное употребление слога «НА» в качестве побудительной частицы («На, возьми!»²⁴) и, становясь ударным, включает смысл побудительности в предикатив «НАДО», тогда как слог «ДО», обладая смыслом указания на предел, указывает на глагол (в неопределенной форме) как на направление побудительности, содержащейся в первой (главной, ударной) слоговой части («НА-»). Отсюда – известное характерное употребление этого слова.

Особо надо прокомментировать языковой статус ударения в русском языке, которое знаменует сочетание простых слогов как синергейного целого. Важную роль словесного ударения в языке подчеркивал еще В. фон Гумбольдт: «Слово возникает лишь только посредством ударения, которое вдыхает в него единство понятия»²⁵, однако он не рассматривал ударение как один из языковых способов знаменования синергейного сплава простых слогов в единице более высокого уровня – знаменательном словесимени.

В этой связи т. н. свободный характер ударения в русском языке связан с особой «вольницей», которая присуща русскому языковому

²³ Поэтому обычно применяемое объяснение звукового состава, например, слога [НА] как состоящего из звуков [Н] и [А], носит умозрительный характер, порожденный буквенной системой письма.

²⁴ См.: Словарь русского языка в 4-х тт., Т. II. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1958.

²⁵ Гумбольдт В. фон. Концепция общего языкознания: цели, содержание, структура. Избранные переводы. Пер. с нем. / Вступ. ст. и примеч. Л.П. Лобановой. М.: ЛЕНАНД, 2018. 504 с. С. 104.

сознанию. Русский язык не сковывает своего носителя никакими условностями (в отличие от языков с фиксированным местом ударения в слове). Ср., например, как легко в русских пословицах может меняться привычное место ударения во имя смысловой выразительности: «Разумный видит, что к чему идет» или «Скачет баба задом и передом, а всё идет своим чередом»²⁶ [Даль, 1994: С. 81].

Столь же разнообразны в русском языке могут быть и интонации, представляющие собою личностное средство знаменования цельности (синергейи) эмоционально-логических смыслов, выражаемых в речи. Поэтому вполне обоснованы слова Н.И. Жинкина: «Обучиться интонации нельзя. Это то же самое, что обучаться плакать, смеяться, горевать, радоваться и т. п. Интонация речи в определенной жизненной ситуации приходит сама собой, о ней не нужно ни думать, ни заботиться... Интонация в целом является непроизвольным ответом на окружающую ситуацию разговора. Непроизвольность определяется тем, что в голосовую реакцию входят вегетативные компоненты, участвующие в регулировании дыхания, сердцебиения и других проявлений жизнедеятельности. Однако во всей системе речевой интонации можно выделить, по крайней мере, два уровня: а) логический и б) эмоциональный. Интонация речи должна быть членораздельна, как и логически членораздельна высказываемая мысль. Вместе с тем, как отражение внутреннего состояния говорящего, интонация неизбежно будет эмоциональной»²⁷ [Жинкин, 2022:1998, С.342-343].

Заключение

Таким образом, на основе приведенных рассуждений и примеров можно, как нам кажется, сделать некоторые предварительные выводы в отношении синергейного анализа языковых единиц в русском языке как родном:

- ✿ целесообразность русской языковой систематики может быть обоснована в том случае, если применять подход, названный нами «русский язык как родной», при котором учитываются обстоятельства, при которых может осуществляться процесс «вочеловечения» языка и образовываться смысловое ядро детской языковой личности;

- ✿ описание содружества (синергейи) частей в русских языковых единицах требует учета разделения частей целого на самостоятельные

²⁶Даль В.И. «Толковый словарь живого великорусского языка» в 4-х тт. Т. 1 /Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Репринт. воспроизв. Изд. 1903-1909 гг. М., 1994. С. 81

²⁷ Жинкин Н.И. Психологические основы развития речи // Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998. С. 342-343.

части и несамостоятельные части (элементы); в итоге принципы содружества (синергеи) могут носить различный характер – синтетический или аналитический;

☀ в русском языке понятие «синергея», истолкованное как «сотрудничество» и «содружество», дает возможность определить деятельный (энергейный, силовой) смысл таких категорий, как «мягкость/твердость», «ударность/безударность», «интонация», а также лучше понять природу процесса «вочеловечения» языка.

Литература

Бодуэн де Куртенэ, И.А. Человечение языка // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.1 / Сост. В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 384 с., С. 258-264.

Гумбольдт В. фон. Основные черты всеобщего типа языка: Избранные переводы. Пер. с нем. / Сост.. пер., вступ. ст., прим. Л.П. Лобановой; закл. ст. В.М. Алпатова. М.: ЛЕНАНД, 2022. С. 71.

Даль, В.И. «Толковый словарь живого великорусского языка» в 4-х тт. Т. 1 / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Репринт. воспроизв. Изд. 1903-1909 гг. С. 81.

Жинкин, Н.И. Психологические основы развития речи / Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М., 1998. С. 22-23.

Лобанова, Л.П. Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта [Текст] / Л. П. Лобанова. - Москва : URSS : ЛЕНАНД, сор. 2015. 284 с. : портр.; 22 см. (История лингвофилософской мысли).; ISBN 978-5-9710-1920-6.

Лосев, А.Ф. Аксиоматика знаковой теории языка // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982, 50-52.

Рождественский, Ю.В. Типология слова / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1969.

Тряпельников, А.В., Яхненко, В.В. Русский язык как родной (к обоснованию подхода) // Российская психолингвистика: итоги и перспективы. Материалы XX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2022. С. 169-170.

УДК 811.161.1:81`24(373)

Туманова О.С.

ПРЕПОДАВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПИСЬМА В СТАРШИХ КЛАССАХ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ОДАРЁННОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

***Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия***

Современные требования, касающиеся академической мобильности и публикационной активности, предъявляются к молодому исследователю еще на первых курсах университета. В то же время практика показывает, что вчерашние школьники не всегда преуспевают в создании оригинальных научных текстов. На наш взгляд, это не столько индивидуальная проблема, сколько серьёзная лакуна в школьном образовании. В большинстве вузов на первых курсах часто вовсе не предусмотрены занятия по академическому или креативному письму, хотя с самого начала обучения студентам приходится сдавать много письменных работ и заниматься академической работой в целом: взаимодействовать с соавторами, переписываться с научными журналами и организационными комитетами конференций, работать с замечаниями рецензентов. Однако любые элементы академического письма в школе способны скорректировать эту проблему и максимизировать эффективность школьного образования как «в моменте», так и в обозримом университетском будущем. Опыт работы с академическим письмом в старшей школе – реферирование и аннотирование текста, научное редактирование, работа с источниками, продуцирование собственных научных текстов различных жанров (эссе, статья и пр.), работа над индивидуальным исследовательским проектом и многое другое – позволяет современному школьнику увидеть тотальную текстуальность мира вокруг, обрести умение считывать различные культурные коды и смыслы, уверенно ощущать себя в мейнстриме современного научного знания, воспринимать предметы школьной программы в сложной взаимосвязи, нестандартно мыслить, эффективно решать учебные задачи и делать более осознанный профессиональный выбор в будущем.

Theory and Practice of Communication / Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, Pridnestrovian State University T.G. Shevchenko, Tiraspol, February 21-22, 2024, Volume 1.

Академическое письмо; методика преподавания русского языка; русский язык в старшей школе; развитие одарённости; профильные школы при вузах

Введение

В российской традиции преподавания академического письма в высшей школе за последние два десятилетия уже сформировался определенный канон. В 2000–2010-е были изданы как отдельные методические рекомендации [Радаев, 2001], так и полноценные учебные пособия для студентов, направленные на совершенствование навыков генерации собственных и составления вторичных научных текстов [см. Маркушевская, Цапаева, 2008; Колесникова, 2011].

Впрочем, говорить о полноценном методическом обеспечении этого курса даже для вузов не приходится, хотя и существуют работы, посвященные отдельным преподавательским кейсам (так, например, А.В. Марков описывает опыт преподавания аспирантам курса академического письма, уделяя особенное внимание поощрению публикационной активности [Марков, 2023: 107]). В то же время Ю.Э. Бут отмечает ограниченность практики преподавания академического письма в региональных вузах: «В связи с тем, что студентов не учат навыкам академического письма, им приходится писать свои эссе, доклады, проекты, выпускные работы и научные статьи по наитию, имея слабое представление о техниках письма, нормах структурирования и обязательных компонентах разных типов научных текстов» [Бут, 2019: 5]. Действительно, во многих вузах курс «Академическое письмо» возникает либо на старших курсах, либо уже в аспирантуре, куда, в идеале, приходит уже практически состоявшийся исследователь.

При этом нельзя забывать, что навык академического письма – полезный и универсальный инструмент в руках молодого ученого, способный существенно облегчить первые шаги в науке и стать отправной точкой для развития одаренности и научного творчества. Под структурными компонентами одаренности здесь и далее мы вслед за Б.Г. Ананьевым склонны понимать «совокупность интеллекта, эмоциональной сферы, темперамента, скорости выполнения деятельности». На наш взгляд, своевременно приобретенный и усовершенствованный навык академического письма обеспечивает продуктивность одарённого ребенка в научной сфере, так как позволяет снять «страх чистого листа» и авторской немоты – «знаю, о чём написать, но не знаю, как».

Вероятно, наиболее эффективным было бы введение курса академического письма уже в старших классах. К сожалению, в российских школах такой курс отсутствует, хотя работа над индивидуальным проектом и предусмотрена ФГОСом. Практика показывает, что в рамках проектных занятий в школе обычно решаются вопросы, связанные с содержанием работы, а на формальные компоненты времени уже не остается. Поэтому нашей целью стала разработка курса академического письма для старшей школы, причем таким образом, чтобы обозначенные Ю.Э. Бутом лакуны оказались эффективно закрыты.

Академическое письмо в профильной школе при вузе: опыт лицея пермского университета

В 2022 году в Пермском крае согласно постановлению Правительства Пермского края от 25 ноября 2021 г. № 934-п «Об утверждении Порядка предоставления грантов в форме субсидий из бюджета Пермского края образовательным организациям высшего образования на реализацию пилотного проекта «Профильные школы при вузах Пермского края» было открыто три профильных школы при крупнейших университетах – ПГНИУ, ПНИПУ, НИУ ВШЭ (Пермский филиал).

Лицей, открытый при Пермском государственном национальном исследовательском университете, одной из своих ведущих задач ставит развитие одарённости обучающихся. Лицей имеет три профиля: социально-гуманитарный (с углублённым изучением истории и географии), естественнонаучный (с углублённым изучением химии и биологии), технологический (с углублённым изучением физики, математики и информатики). В развитии одарённости значимым элементом выступает подготовка абитуриентов Пермского государственного национального исследовательского университета, изначально заинтересованных заниматься научной работой. Обучение в лицее предполагает работу над исследовательским проектом (научным исследованием или прикладной разработкой). Работа над индивидуальным проектом происходит под руководством наставника из числа профессорско-преподавательского состава ПГНИУ, включает обязательный исследовательский компонент и апробацию результатов работы в рамках региональных или всероссийских научно-практических конференций (за два года обучения лицеист должен принять участие минимум в двух НПК).

Исследовательский проект лицеиста должна отличать не только методологическая выверенности, новизна и актуальность, но и достаточно высокое качество научного текста. Лицеисту-десятикласснику,

делающему первые шаги в науке, добиться всего и сразу представляется очень сложной задачей. Умберто Эко иронично замечал: «Первый импульс у любого студента - написать такой диплом, где говорилось бы сразу о многом» [Эко, 2023: 27]. Для юного ученого одинаково важным становится вопрос как «о чём писать исследование?», так и «как писать исследование?». Поэтому в помощь начинающим исследователям и в дополнение к дисциплине «Исследовательский проект» для старшеклассников социально-гуманитарного, естественнонаучного и технологического классов Лицея ПГНИУ был разработан курс «Академическое письмо».

Один из базовых принципов академического письма – это нахождение четкого баланса между использованием чужих работ и собственным вкладом. При незначительной разбалансировке работа из исследования превращается либо в реферат, либо в наукообразную спекуляцию, что не поощряется современным научным сообществом. Поэтому миссия курса «Академическое письмо» – подготовить юного исследователя, который будет иметь навык навигации в современном академическом пространстве, знаком с научной этикой, готов к непрерывному образованию (в том числе и самообразованию), способен ясно, логично и точно излагать свою точку зрения, использовать для этого адекватные языковые средства, а также корректно работать с источниками.

Основная цель курса – формирование у лицеистов профессиональной компетенции по анализу и написанию академического текста, создание представления о типах и структуре научного текста, требованиях к метаданым и библиографии. Результаты освоения курса требуют от учащихся, как минимум, владения методикой анализа текста, способствующей точному восприятию исходного высказывания, как максимум – умения оперировать методикой работы с текстом, включая поиск информации в справочной, специальной литературе и компьютерных сетях. По окончании освоения курса лицеист должен уметь использовать приемы смыслового анализа текста, методику коммуникативного анализа текста, работать с жанрами аннотации, реферата, эссе, рецензии и научной статьи.

Академическое письмо в лицее ПГНИУ: цифры и факты

Курс «Академическое письмо» входит в вариативную часть учебного плана. Он почти поровну распределен между 2 семестром 10 класса и 1 семестром 11 класса. На курс выделяется 18 часов в 10 классе и 16 часов в 11 классе, соотношение теории и практики 40:60. В рабочую программу курса вошли следующие модули:

1. Специфика научного стиля речи (4 часа);
2. Работа с источниками и библиографическое описание (4 часа);
3. Аннотирование и реферирование текста (6 часов);
4. Редакторская правка текста (4 часа);
5. Написание научного эссе (3 часа);
6. Написание рецензии (3 часа);
7. Написание научной статьи по итогам исследовательского проекта (10 часов).

Представленная в плане логика изложения информации отражает движение от простого к сложному [см. Сметанин, Туманова, 2022: URL]. С одной стороны, она не допускает чистого теоретизирования (что, к сожалению, часто отличает вузовские курсы академического письма, где студенту дают чёткую установку «как писать нельзя», но уже не успевают научить, «как можно»), с другой – направлена на приобретение практических навыков работы с научным текстом.

Предварительные итоги реализации такого подхода к исследовательской работе обучающихся можно подвести уже сейчас, пусть Лицею ПГНИУ и только предстоит летом 2024 года выпустить свой первый набор 2022 года.

Приведем некоторые статистические данные, которые были получены в 2023-2024 годах. Референтной группой стал первый набор лицейстов 2022 года. Из 69 обучающихся участниками региональных и всероссийских научно-практических конференций стало 22 лицеиста (то есть 32% обучающихся Лицея). Из 22 участников победителями и призёрами региональных и всероссийских научно-практических конференций стало 15 лицеистов (68% от общего количества участников конференций и 22% от общего количества обучающихся Лицея ПГНИУ). Безусловно, эти данные являются неполными, так как впереди весна – сезон школьных и студенческих конференций.

Заключение

Данные результаты даже на столь раннем этапе позволяют говорить об успешной и весьма эффективной реализации курса «Академическое письмо» в старшей школе. Введение курса «Академическое письмо» способствует максимизации результатов освоения дисциплины «Индивидуальный проект учащегося» и способствует развитию одарённости обучающихся в научной сфере.

Нам представляется перспективным рассмотреть, как будут меняться эти цифры от выпуска к выпуску, проследить, будет ли

существовать какая-либо корреляция между уровнем академической мобильности учащихся и профилем, каков процент призеров олимпиад (ВСОШ и перечневых) среди победителей и призеров региональных и все-российских научно-практических конференций из числа лицеистов. Не исключено введение в исследование и психолого-педагогического компонента, который позволит, например, проследить зависимость между типом темперамента и степенью вовлеченностью в научную жизнь города и края. Наконец, было бы любопытно узнать, сохраняют ли эти 22% обучающихся Лицея прежнюю академическую мобильность в студенческой жизни.

Литература

Бут, Ю.Е. *Академическое письмо для историков: учебное пособие для студентов, обучающихся по программе магистратуры по направлению подготовки 46.04.01 «История»*. Екатеринбург: Издательский отдел УрГПУ, 2019. 224 с.

Колесникова, Н.И. *От конспекта к диссертации: учеб. пособие по развитию навыков письменной речи*. М.: Флинта, 2011. 288 с.

Марков, А.В. *Поощрение публикационной активности студентов на занятиях по академическому письму // Гуманитарный акцент. 2023. № 1. С. 107–129.*

Маркушевская, Л.П., Цапаева, Ю.А. *Аннотирование и реферирование (Методические рекомендации для самостоятельной работы студентов)*. СПб: СПб ГУ ИТМО, 2008. 51 с.

Радаев, В. В. *Как организовать и представить исследовательский проект: 75 простых правил*. М.: ГУ-ВШЭ: ИНФРА-М, 2001. 201 с.

Сметанин, А.В., Туманова, О.С. *Академическое письмо. Рабочая программа учебного предмета*. // URL: <http://www.psu.ru/sveden/education/eduOp/liceu/2023/en/educationAnnotation/> (дата обращения 10.02.2024).

Эко, У. *Как написать дипломную работу: гуманитарные науки*. М.: Corpus, 2023.

УДК 811.161.1:81`2

Чумаков А.Н.

СОЦИОМОРФНАЯ МЕТАФОРИКА В РУССКОЙ АФОРИСТИКЕ

**Старооскольский филиал
НИУ «Белгородский государственный университет»
Старый Оскол, Россия**

Актуальность исследования определяется необходимостью рассмотрения презентации возможностей метафоры в таком литературном жанре, как афоризм. Метафора рассматривается как универсальный феномен, который, с одной стороны, отражает традиционное языковое и культурное представление, а с другой стороны, обладает значительным идиостилистическим потенциалом. Русская афористика, состоящая из небольших по своему объёму произведений, представляет интерес для исследователя как поле формирования у современного человека понимания действительности и как пространство становления системы личностных ценностей. В статье рассмотрены особенности реализации в русской афористике метафоризируемых лексем, именующих человека, находящегося в зависимости от определенных социальных условий, а также коллективы и общественно-политические события. Цель статьи заключается в анализе особенностей социоморфной метафоры, что достигается через решение нескольких задач: рассмотрение лингвистических особенностей метафоры как универсального инструмента описания мира и человека и афоризма как разновидности художественного текста. Нами представлены и проанализированы примеры из 3 тематических групп метафоризированных лексем: «Человек с точки зрения его социального бытия»; «Коллектив, сообщество»; «Частные и общественные ситуации». В ходе работы были использованы описательный и классификационно-типологический методы, методика теоретической интерпретации эмпирических данных и выявления тенденций и закономерностей, контекстуальный анализ, статистический анализ. Установлено, что социоморфная метафорика в афоризмах русских писателей разных эпох формирует целый комплекс разнопорядковых

образных ассоциаций. Отмечено, что в семантике социоморфной метафоры в пределах небольшого по объему контекста афоризма возникают субъективные, присущие конкретному автору, коннотации, которые, вместе с тем, имеют глубокие национальные корни, фундаментальную культурную и языковую основу, что делает социоморфную метафору мощным мировоззренческим инструментом.

Художественный текст, русская литература, картина мира, афоризм, метафора, образные средства языка, коннотации, языковая личность

Введение

В современной лингвистической парадигме метафора является одним из инструментов, определяющим мышление человека и создающим картину мира языковой личности. Метафора представляет собой уникальный способ познания мира, средство создания новых ассоциативных связей и окказиональных смыслов. Метафора в рамках филологических и междисциплинарных исследований рассматривается как когнитивный и как лингвофилософский феномен, который, с одной стороны, отражает специфику национальной концептосферы и традиционного мировосприятия, а с другой – обладает значительным художественным идиостилистическим потенциалом. «Метафора – троп или фигура речи, состоящая в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, действий или признаков для характеристики или номинации другого объекта, сходного с данным в каком-либо отношении. Метафора предполагает использование слова не по его прямому значению, вследствие чего происходит преобразование его смысловой структуры. Взаимодействие метафоры с двумя различными типами объектов (денотатов) создает семантическую двойственность, двуплановость» [Русский язык. Энциклопедия, 1980: 47].

Споры вокруг природы метафоры ведутся на протяжении столетий. Несмотря на это, понимание метафоры как лингвистической категории содержит в себе много противоречий.

Как отмечает Г.Н. Складарская, «получив статус языкового явления, метафора продолжает трактоваться как троп (т.е. фигура речи, художественное средство)» [Складарская 1993: 12]. При этом метафорическое слово в актуальных лингвистических работах начинает рассматриваться как способ представления культуры и инструмент познания мира,

передающий всю сложность когнитивного опыта отдельной личности, нации и человечества.

Возросший интерес к такой сфере литературы, как афористика, в настоящее время не удивителен и обусловлен рядом культурных, психологических и социальных причин, в числе которых необходимость осмысления бытия, поиск своего места в жизни, укрепление мировоззренческих позиций. Для современного читателя – человека с постоянным дефицитом времени – чтение афоризмов (небольших по своему объёму произведений) является прекрасной возможностью определить своё мнение по тому или иному спорному жизненному вопросу, а также может быть основой формирования представлений об окружающем мире или становления системы личностных ценностей.

А.В. Королькова в своей докторской диссертации «Русская афористика в контексте фразеологии» даёт следующее толкование понятия: «Афоризм – это оригинальная законченная мысль, изречённая или записанная в лаконичной запоминающейся текстовой форме и впоследствии неоднократно воспроизводимая другими людьми» [Королькова 2006: 14]. Именно в афоризмах «достигается предельная концентрация непосредственного сообщения и того контекста, в котором мысль воспринимается окружающими слушателями или читателем» [Там же].

Цель статьи – проанализировать особенности социоморфной метафоры в афоризмах русских писателей. В соответствии с целью исследования определены такие задачи, как определить лингвистические особенности метафоры как универсального инструмента описания мира и человека; установить особенности афоризма как художественного целого; рассмотреть социоморфные метафоры, обнаруженные в русской афористике, с точки зрения их лексико-семантического своеобразия.

Для достижения поставленной цели исследования были использованы описательный и классификационно-типологический методы, методика теоретической интерпретации эмпирических данных и выявления тенденций и закономерностей, контекстуальный анализ, статистический анализ.

Новизна исследования определяется необходимостью применения теории метафоры к такому литературному жанру, как афоризм, что позволит рассматривать социоморфную метафору как мировоззренческий инструмент и стилистический прием.

Особенности социоморфной метафоры в афоризмах русских писателей

В лингвистической литературе пословицы и афоризмы считаются текстами, несмотря на краткость оформления (преимущественно одно предложение). Эти тексты носят специфический характер, который отражает их жанровое своеобразие. Афоризм можно определить как «авторское высказывание, выраженное в лаконичной форме, имеющее характер самостоятельного изречения, главным свойством которого являются текстуальная автосемантическая и глубина смысла» [Дмитриева 1997: 43].

Афоризм, как правило, отражает индивидуальный авторский взгляд на окружающую действительность, что и отличает его от пословицы, лишённой авторского взгляда. Бесспорными и общепризнанными являются такие качества афоризма, как: 1) лаконичность; 2) обобщённость; 3) высокая независимость от контекста; 4) отточенность и высокохудожественность формы.

Афоризмы являются литературным жанром, но, как правило, не содержат художественного образа или сюжета. Парадоксальная и яркая мысль, раскрывающая относительность общепринятых истин, зачастую определяет специфику афористики. «Афоризм – это высказывание вполне устойчивой формы и представляет собой единое неделимое целое. В их состав нельзя ввести какие-либо компоненты, как нельзя произвольно извлекать из них что-либо, не изменив при этом смысла фразы, т. к. афоризм представляет собой суждение» [Королькова 2008: 5].

Широкое использование тропов и стилистических фигур, таких как метафора, сравнение, анафора, эпифора, антитеза, риторический вопрос, риторическое восклицание, придают афоризмам цельность, законченность и выразительность. Использование стилистических фигур и тропов не только укрепляет структуру афоризма, но и обуславливает его эмоциональную действенность и оригинальность.

Для нас интерес представляет афористика с точки зрения отражения в ней образа мира русских писателей. Реализации парадоксальности и глубины мысли афористических высказываний чрезвычайно способствует метафора, которая позволяет выражать личностное мировидение и устанавливать связь идиостиля конкретного писателя с различными категориями, в том числе с метафорой.

Рассмотрим метафорику социоморфного сегмента, основанную на номинациях человека, данного в его социальном бытии (с точки зрения родственных, семейных отношений, общественного статуса,

профессиональной деятельности, социально обусловленных ситуаций), а также на номинациях различных сообществ, государственных устройств, мест пребывания людей.

Социоморфная метафорика, в котором метафоризируются существительные, обозначающие человека, находящегося в зависимости от определенных социальных условий, коллективы, события, имеющие как частный, так и глобальный, социально-политический характер, представлен в афоризмах русских писателей тремя тематическими группами.

1. Тематическая группа «Человек с точки зрения его социального бытия». Она подразделяется на несколько подгрупп:

1.1. Тематическая подгруппа включает номинации человека по роду деятельности, по профессии: *творец, следователь, священник, доктор, капитан, акушерка, могильщик, судья, философ, поэт, солдат, портной*. Общее количество номинаций – 12 единиц.

В одном афоризме могут контаминироваться сравнение и метафора из одной тематической группы. Они создают завершенный образ, который трудно разложить на составляющие без потери смысла высказывания: *Писатель в России, в отличие от других стран, занимает всегда особое место. К нему относятся с большим уважением, но и требуют от него многого. Он там вроде как священник, и доктор, и даже капитан. То есть в случае чего с корабля он должен сходить одним из последних.* (Войнович В.Н.) В данном контексте мы наблюдаем своего рода ряд контекстных синонимов, выражающих положительную оценку, данную писателю.

1.2. Тематическая подгруппа включает номинации человека по родственным, семейным отношениям: *сестра, сирота, брат, мать, бабушка, любовница, дочери, мачеха, сын, сукин сын*. Общее количество номинаций – 10 единиц.

С целью обозначения родства объектов или явлений действительности используются наименования лиц по родственным связям, и здесь наиболее частотной лексемой является лексема сестра: *Краткость – сестра таланта.* (Чехов А.П.); *Правда и простота – родные сестры, а красота – третья сестра.* (Горький М.); *Любовь и голод – два родных брата, две коренных основы всего живущего.*

Узуальными метафорами, которые используются традиционно, являются лексические единицы *мать, мачеха*: *В природе рождается человек, и потому мы часто говорим: мать-природа... Природа является местом*

борьбы человека за существование. Значит, природа человеку и мать, и злая мачеха. (Пришвин М.М.)

Нехарактерной для современного узуса метафорой является устаревшая церковно-славянская лексема *дщерь: Правда и вера – две сестры родные, дщери одного всевышнего родителя...* (Ломоносов М. В.)

1.3. Тематическая подгруппа номинации человека по социальному статусу: *властелин, приказчик, деспот, госпожа, служанка, мулла.* Общее количество номинаций – 6 единиц.

Для того чтобы показать преимущество какого-либо явления писателями используются наименования лиц, доминирующих по статусу: *Грусть – жестокий властелин.* (Лермонтов М.Ю.) *К чему бесплодно спорить с веком? Обычай – деспот меж людей.* (Пушкин А.С.)

В социоморфном сегменте мы также можем наблюдать контаминацию метафоры и сравнения: *Руки у головы – самые главные и самые надежные приказчики. Голова без рук – как отец без детей: есть что приказать, а некому.* (Пермяк Е. А.)

1.4. Тематическая подгруппа включает номинации, обозначающие человека по профессиональному или социальному действию, выполняемому им, по положению в коллективе: *глашатай, борец, провокатор, всадник, собиратель, возлюбленная, исцелитель, помощник, гость, распорядительница, жрец, пророк, угадчик, плясун, спутник.* Общее количество номинация – 15 единиц.

Русские писатели уподобляют объекты окружающего их мира человеческой деятельности: *Одежда на женщине – большой провокатор* (Адамович Алесь).

В данном сегменте также встречаются редко употребляемые в узусе лексические единицы, например *распорядительница: Жизнь – мудрая распорядительница, напрасно мы ей не доверяем.* (Проскурин П. Л.)

1.5. Тематическая подгруппа включает номинации, обозначающие оценку человека: *мастер, дура, чародей, юридивец, должник, разоблачительница, враг, подруга.* Общее количество номинаций – 8 единиц.

Данная тематическая подгруппа включает в себя ряд метафор, нехарактерных для узуса и воплощенных в оценочных лексических единицах, например *юродивец: Да-а, русский народ – великий юродивец. В смраде, в язвах, в скверне валяясь, возвращает миру чистую святую правду! Да, Россия новую правду в кровавых муках родит* (Тренев К.А.).

2. Тематическая группа «Коллектив, сообщество»: *нация, государство, общество, царство, народ, секта, родня.* Общее количество номинаций – 6 единиц.

Общеизвестно, что одной из основных моделей описания общественной жизни является метафора родства. Метафорическая модель *государство – это семья* представляет отношения между государством и гражданами, между главой страны и народом, между социальными слоями. Эти отношения выстраиваются как отношения в семье, члены которой ощущают кровную связь между собой и душевную привязанность друг к другу, где младшие должны проявлять уважение к старшим, глава рода может при необходимости и наказывать неразумного. Вместе с тем, едва ли не в любой семье могут возникать противоречия, появляться взаимные обиды и непонимание. Отношения в семье регулируются не столько законами, сколько традиционными представлениями о том, как должны поступать родственники в тех или иных ситуациях. Все члены семьи – это «свои», и при необходимости они должны совместно противостоять «чужим»; в соответствии с семейной этикой на защиту «своего» надо становиться вне зависимости от того, прав он или нет.

Метафора родства широко использовалась в языке Российской империи XIX века (*царь – батюшка, императрица – матушка, Россия – мать, славяне или православные народы – братья*). В афористике писателями различных эпох употребляется как метафора, основанная на классической модели, так и оригинальное метафорическое номинирование: *Семья – это государство в миниатюре* (Аверченко А.Т.); *Каждый человек – государство, которым безраздельно управляет эгоизм* (Вампилов А.В.).

3. Тематическая группа «Частные и общественные ситуации»: *суд, базар, панихида, праздник, соревнование.* Общее количество номинаций – 5 единиц.

Для выражения отношения, оценки того или иного явления окружающей действительности русские писатели прибегают к использованию метафор, формирующих смысловую, оценочную и эмоционально-экспрессивную антитезу: *Брак – панихида по любви* (Княжнин Я.Б.); *Искусство – это, в конце концов, праздник, и <...> большой, настоящий художник должен уметь в жизни увидеть и впитать из нее все здоровое, светлое, радостное* (Некрасов В. П.).

Целый ряд афоризмов построен на соединении метафор, принадлежащих к различным тематическим подгруппам внутри одного сегмента:

1) Соединение метафор тематической подгруппы, включающей в себя номинацию человека по родственным связям (*бабка*), тематической подгруппы, включающей в себя номинацию человека по роду деятельности (*могильщик*): *Если насилие – повивальная бабка истории, то ещё вернее, что сегодня оно скорее могильщик истории* (Адамович Алесь).

2) Соединение метафор тематической подгруппы, включающей в себя номинацию человека по родственным связям (*брат*), тематической группы, включающей в себя номинацию человека по социальному действию, выполняемому им (*свидетель*): *Черный хлеб – родной брат русского человека. Он – свидетель истории. Гора и счастья* (Дудинцев В.Д.).

Метафора социоморфного сегмента в афоризмах русских писателей интересна тем, что при ее восприятии у носителя языка возникает целый комплекс разнопорядковых ассоциаций. В семантике слова, создающего переносный смысл в пределах небольшого по объему контекста, зачастую возникают субъективные коннотации, имеющие при этом глубокие национальные корни, фундаментальную культурную основу.

Заключение

В современной лингвистике одним из способов представления культуры, присущих любому языку, признается метафора. Метафорика, находясь в отношении функционального дополнения к системе мышления, является мощным инструментом, с помощью которого система языка получает возможность передать всю сложность когнитивного опыта человечества, нации и, наконец, отдельной личности.

Метафора, представляя собой универсальный инструмент описания мира и человека, является наиболее ёмкой формой художественного текста. Семантика метафоричности состоит из нескольких взаимосвязанных элементов. К этим элементам относится первоначальное значение слова, образ, который рождается в результате сопоставления, и новое понятийное содержание, а также – новая номинация, которая возникает в результате осмысления метафоры.

Для осмысления метафорического образа мира в русской афористике нами было проанализировано, в первую очередь, видение мира каждого писателя в отдельности, так как афоризм – это, прежде всего, авторское высказывание, главным свойством которого являются текстуальная автосемантичность и глубина смысла. Афоризм ярко, лаконично и концентрированно выражает авторский взгляд на окружающую действительность, на ту или иную проблему. А наличие метафоры в афоризме позволяет создать уникальный и выразительный образ.

Литература

- Арутюнова, Н.Д. *Метафора и дискурс / Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
- Арутюнова, Н.Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
- Виноградов, В.В. *О языке художественной литературы*. М., 1960. 142 с.
- Дмитриева, О.А. *Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О.А. Дмитриева*. Волгоград, 1997. 189 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.ua-ru.net>
- Иванюк, Б.П. *Метафора и литературное произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования) [Текст] / Б.П. Иванюк*. Черновцы: Рута, 1998. 252 с.
- Караулов, Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Едиториал УРСС, 2003, 264 с.
- Королькова, А. В. *Русская афористика в контексте фразеологии: Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук / А.В. Королькова; Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина*. Елец, 2006. 34 с.
- Королькова, А.В. *Словарь афоризмов русских писателей / под рук. д-ра филол. наук, проф. А.Н. Тихонова*. М.: Рус.яз. Медиа, 2008. 627 с.
- Кубрякова, Е. С. *Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира // Филология и культура*. Тамбов: ТГУ, 2003. С. 32-34.
- Резанова, З.И. *Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Часть 1.* / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина, Д.А. Катунин. Воронеж: РИД ЕФ ВГУ, 2003. 210 с.
- Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов*. М., Наука, 1980. 720 с.
- Скляревская, Г.Н. *Метафора в системе языка*. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1993. 160 с.
- Харченко, В.К. *Функции метафоры*. Воронеж: ВГУ, 1992. 88 с.
- Чумаков, А.Н. *Метафора в языке и тексте*. Старый Оскол, СОФ БелГУ, 2011. 107 с.

УДК 811.161.1:81`22(+81-112)

Шетэля В.

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА *КЛЕЦКИ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

***Московский городской педагогический университет
Москва, Россия***

*В статье представлена этимология и история слова *клецки* – «мучное изделие в форме кубика, как добавка к бульону» в польском и русском языке, чаще всего употребляемого в указанном множественном числе (ед. ч. *клецка*). Предполагается польское происхождение слова, в котором формировалось оно от слова *kłosek* – «кубик». Слово в русской терминологической кулинарии является результатом межязыковой коммуникации, имеющей место в разное время на стыке языка-источника, каким являлся для польского языка немецкий язык и роли польского языка в качестве посредника для русского языка. В статье ставится не только вопрос о происхождении в польском и русском языках слова *клецки* (*клецка*, *клёцка*), но и вопрос о разных формах его употребления в текстах на этих языках. Богатая польская и русская справочная литература по-разному разъясняет нестыковки, имеющие место в формообразовании, акцентуации и употреблении слова *клецки* в близкородственных польском и русском языках.*

Грамматическая форма, история слова, немецкий, польский и русский языки, справочная литература, этимология

Введение

Наиболее полный и противоречивый образ *клецки* как «мучного кулинарного изделия» представил «Историко-этимологический словарь» П.Я. Черных [Черных, 2009].

П.Я. Черных в словарной статье на слово *клецка* отмечает, что обычно это слово употребляется в множественном числе в значении «комочек пресного теста, опущенный в кипящий суп и сваренный там» [Черных, 2009: I, 401].

Отмечается отсутствие этого слова в славянских языках, кроме белорусского - *клёцка* - и здесь же делается отсылка к польскому *kluska*. По сути, слово *kluska* (клюска) и *klecka* (клецка) являются такой же одинаковой добавкой к варившемуся бульону, заменявшим макароны и лапшу. Разница лишь только в форме отдельного изделия. Клецка имеет форму кубика по-польски *klocek* (кубик) откуда и произошло его название, а слово *клюска* обозначает кусок теста незаконченной геометрической формы.

Но каждое из этих слов может пояснять значение другого.

Во всяком случае двуязычный польско-русский словарь Стыпулы и Ковалевой не отмечает слово *klecka*, но это слово используется здесь для пояснения слова *kluska* т.е. клёчки [Стыпула, 2005: 161].

Интересно, что заглавное слово в форме множ. ч. *kluski* поясняется также словом в форме множ. ч. *клёчки*.

Именно так – в форме множественного числа произносят польские кулинары это название: *клецки* - «мучные изделия в форме кубиков», заменяющих в супах вермишель или лапшу. Возможны разные варианты его произношения и написания, примеры чего находим в польской и русской справочной литературе.

Напр., в словаре А.Г. Преображенского находим *клёцка* [Преображенский, 1958: 315], а в словаре М. Фасмера отмечена *клёцка* с указанием на роль польского *klocek* – «кубик» (от немецкого *Kloß* – «ком, клецка») в заимствовании его русским языком [Фасмер, 1986: 249].

Того же мнения по поводу слова *kluska* В. Борысь [Boryś, 2005: 236]

А. Брюкнер по поводу слова *kluska*, *klucha*, *kluseczka* замечает давнее употребление этого слова в форме *kloska*, от немецкого *Kloss*, *Klösschen* и считает, что оно из польского языка перешло в Русь; русское *klocka* это бывшие немецкие *Klotz* «куб», а по-польски *kloc* [Brückner, 1998: 236].

Словарь иноязычных слов русского языка И.И. Гавкина скрывает под пометой *нем.* это польское посредничество, указывая на более глубокие корни заимствования: «Клецки, *нем.* – шарики теста на яичном белке и масле в бульоне» [Гавкин, 1912: 269]. Помета *нем.* как раз намекает на более древнее заимствование слова *клецка* русским языком.

Таким образом, здесь представлен результат межязыковой коммуникации, имеющей место в разное время на стыке языка-источника, каким являлся для польского языка немецкий язык, и польского языка в качестве посредника для русского языка.

Этот результат взаимодействия языков отмечен в ряде источников, см.: слово *кле́цка* (*kłosek* – «кубик») – «*клецки* (блюдо из муки)» [Народы России, 1994: 111]; [Народы мира, 1988: 161, 617]; БАС [БАС, 1956: 5, 1023]; а также в словаре Даля [Даль, 1882: 642]; Ушакова [Ушаков, 1935: 137].

Энциклопедический словарь Толля 1864 г. отмечает еще одно значение слова «*клецки* – детская игра» [Толль, 1864: 481]. Действительно, дети играют *клоцками*-кубиками, т.е. польск. *kłosek*, *kłocki*.

В известных дополнениях Я.К. Грота к словарю Даля указано слово *салма*, для пояснения которого употреблено слово *клецки*, см.: «Салма = татарское кушание в роде лапши или клецок» [Грот, 1870: 17]. Этот иллюстративный материал использовал Г. Дьяченко для объяснения значения слова *салма* в своем словаре. Здесь слово *клецки* в форме Р. п., множ. ч. *клецок* также послужило для объяснения значения другого слова, см.: «Салма=татарское кушанье в роде лапши или клецок. Встречается не раз у Державина, напр., в оде „На рождение Гремиславы” (срав. „Отрывок из семейных записок Рожнова” в Библ. для чт. 1862 № 1, стр. 127)» [Дьяченко, 1898: 1101].

Также в примечаниях к произведению Н.В. Гоголя «Мертвые души» находим слово *масляницы*, для объяснения которого используется слово *клецки*, что доказывает полное и более древнее заимствование этого слова русским языком. См.: «масляницы – клецки в растопленном масле» [Гоголь, 1959: 569]. Данный материал, кроме прочего, показывает на существование мучных изделия подобных клецкам у других народов: *салма*, *масляницы*.

Слово *клецки* встречается довольно часто в текстах русской художественной литературы. Напр.: «Она угощала нас польскими *клецками* и мазурками» [Златовратский, Барская дочь, цит. по: БАС, 1957: 6, 497]; «Водянистый суп с шишковатыми *клецками* и корицей» [Тургенев, 1976: 391]. «Съел похлебку сладкую, с какими-то *клецками*, похожими немного и на макароны» [Гончаров, 1985: 425]; «До сих пор помню вкусные молодые *клецки*, которыми кормила мама Петьки и Стася Пацевича» [Адамович, 1993: 30]; «суп с *клецками*» [Любимов, 1992: 76].

Слово встречается в мемуарной письменности, скажем, в воспоминаниях А.О. Смирновой-Россет: «Я очень жалею нашего старого русского повара, его суп с *клецками*» [Смирнова, 1989: 354].

Слово *клецки*, впрочем, как и слово *клюсы* (*klusy*), *kluski* (*kluski*), могут служить у авторов и для характеристики внешности персонажа, чем

и воспользовались переводчики с польского языка на русский язык: «Физиономия гладкая, обычная, вот нос, как бы это сказать ... *клеукой* ... Такая длинная мягкая *клеука*» [Хмелевская, 1995: 13]. В переводах на русский язык детективов И. Хмелевской находим и антропоним *Клуска*, образованным от названия этого мучного изделия: «– Зенон Клуска? – Взяли бы лучше телефонную книгу, там тоже большинство фамилий мне незнакома. При чем тут все эти гонски и *клуски*?» [Хмелевская, 1995: 323]. Впрочем, словом *клюсы* (*klusy*), *клуски* (*kluski*) называют и глину подобную своим видом на мучное изделие: «Из вымешанной глины гончар делает большой валик и режет его на части – *клюсы* (*klusy*)» [Ганцкая, 1970: 16].

Таким образом, отметим, что некоторые слова кулинарии в русской терминологической подсистеме является результатом межязыковой коммуникации, имеющей место в разное время на стыке языка-источника, каким являлся для польского языка немецкий язык и польского языка, в качестве посредника, для русского языка.

Литература

- Адамович, А. *Vixi* // *Дружба народов*, 1993. № 10. С. 30.
- Гавкин, И.И. *Краткий словарь иностранных слов*. 60-ое изд. СПб., К., Харьков, 1912. 745 с.
- Ганцкая, О.Я. *Народное искусство Польши*. М.: Наука, 1970. 183 с.
- Гоголь, Н.В. *Мертвые души* // Гоголь Н.В. *Собрание сочинений в шести томах*. М.: Гос. изд. худ. лит., 1959. Т.5.
- Гончаров, И.А. *Фрегат «Паллада»*. Очерки путешествия в двух томах. / Комм. К.И. Тюнькина. М.: Правда, 1985. 688 с.
- Грот, Я.К. *Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля* // *Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук*. СПб., 1870. Т. 7. № 10.
- Даль, В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. СПб., М., 1882. Т. IV.
- Дьяченко, Г. *Полный церковно-славянский словарь*. М.: Изд-во «Отчий дом», 2000. 1120 с.
- Любимов, Н. *Неувядаемый цвет* // *Дружба народов*, 1992. № 7.
- Народы мира: историко-этнографический справочник* / Гл. ред.: Ю.В. Бромлей. М.: Сов. энциклопедия, 1988. 624 с.

- Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 479 с.*
- Настольный словарь по всем отраслям знания / под ред. Ф. Толля и В.Р. Зотова. СПб., 1863–1866. Т. 1-3.*
- Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1.*
- Словарь современного русского литературного языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 5. (БАС)*
- Словарь современного русского литературного языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. (БАС)*
- Смирнова-Россет, А.О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. 789 с.*
- Стыпула, Р., Ковалёва, Г.В. Новый польско-русский словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2005. 722 с.*
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1.*
- Тургенев, И.С. Вешние воды // Тургенев И.С. Повести. М.: Худ. лит., 1976. С. 361-495.*
- Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 2.*
- Хмелевская, И. Тайна. Повесть / Пер. с польск. И.Н. Колташовой. М.: Фантом Пресс Интер., 1995. 408 с.*
- Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 9-ое изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа; Дрофа, 2009. Т.1.*
- Boryś, W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 863.*
- Brückner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 8. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1998: 805.*

АВТОРЫ

✿ **Акишина Алла Александровна**

кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка (Академия труда и социальных отношений)

Akishina A.A.

Candidate of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian Language (Academy of Labor and Social Relations)

e-mail: ***akishina26@gmail.com***

✿ **Бекоева Ирина Давидовна**

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, декан факультета русской филологии, международной журналистики и иностранных языков Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова

Irina D. Bekoeva

PhD in Philology, Associate Professor, English Department, Dean of the Faculty of Russian Philology, International Journalism and Foreign Languages

e-mail: ***irina.beckoeva@yandex.ru***

✿ **Божкова Галина Николаевна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета

Bozhkova Galina

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University

e-mail: ***bozhkova.galina@mail.ru***

Гатауллина Алия Наилевна

**студентка отделения филологии и истории Елабужского института
Казанского (Приволжского) федерального университета**

Gataullina Alia

**student, Yelabuga Institute of the Kazan (Volga) Federal University,
Russia, Republic of Tatarstan**

e-mail: *aliya.gataullinaa@gmail.com*

✿ *Болдова Татьяна Анатольевна*

**доктор педагогических наук, профессор кафедры МОП-1 (междуна-
родных образовательных программ) Московский государственный
технический университет им. Н.Э. Баумана**

Boldova T.A.

**Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the
Department of International Educational Programs-1 (International Ed-
ucational Programs) Moscow State Technical University named after
N.E. Bauman**

e-mail: *bos1173@mail.ru*

✿ *Гурски Галина Борисовна*

**доцент кафедры молдавской филологии Приднестровского госу-
дарственного университета им. Т.Г. Шевченко**

Gurski G.B.

**Associate professor of the Moldavian philology Department, Pridnestro-
vian State University named after T.G. Shevchenko**

e-mail: *stea201958@mali.ru*

✿ *Им Светлана Борисовна*

**доктор филологических наук, профессор, Узбекский государствен-
ный университет мировых языков, кафедра современного рус-
ского языка, г. Ташкент, Республика Узбекистан**

Im S.B.

**Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of The Modern
Russian language, Uzbek State World Languages University**

e-mail: *imsb1985@mail.ru*

✿ **Недоступова Любовь Винаминовна**

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета

Lubov Nedostupova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University

e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

✿ **Погорелая Екатерина Афанасьевна**

профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации, Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко

Pogorelaya E.A.

Professor, Doctor of Philology, Head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko

e-mail: kryaimkk@mail.ru

✿ **Полежаева Светлана Серафимовна**

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко

Polezhaeva S.S.

Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko

e-mail: svetlanapolejeva1506@mail.ru

✿ **Пузов Николай Александрович**

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации филологического факультета Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко

Puzov N.A.

Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko

e-mail: diagonals@mail.ru

✿ **Самсонова Елена Александровна**

специалист по учебно-методической работе кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Elena Samsonova

Specialist in educational and methodological work, Department of Foreign Journalism and Literature, Lomonosov Moscow State University
e-mail: elena.girl@inbox.ru

✿ **Токарев Григорий Валериевич**

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Tokarev G.V.

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language, Tolstoy Tula State Pedagogical University
e-mail: grig72@mail.ru

✿ **Тряпельников Анатолий Викторович**

кандидат педагогических наук, доцент, доцент-исследователь кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российского Университета Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы

Tryapelnikov A.V.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia
e-mail: tryapelnikov@yandex.ru

✿ **Туманова Ольга Сергеевна**

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики ПГНИУ, учитель русского языка лицея ПГНИУ, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Olga S. Tumanova

PhD in philology, Senior lecturer of the department of Russian language and stylistic (Faculty of Philology), Perm State National Scientific University
e-mail: tumanova_os@mail.ru

✿ **Чумаков Алексей Николаевич**

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента Старооскольского филиала национального исследовательского университета «Белгородский государственный университет»

Chumakov Aleksei N.

Ph.D. of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management, Stary Oskol branch, national research university «Belgorod State University»

e-mail: ***chumakov@bsu.edu.ru***

✿ **Шетэля Виктор**

кандидат филологических наук, доцент, доцент Дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета

Szetela Victor

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Directorate of Educational Programs Assistant Professor, Moscow City Pedagogical University

e-mail: ***szetela@mail.ru***

✿ **Яковлев Максим Владимирович**

доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Yakovlev M.V.

Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

e-mail: ***maxvuz@mail.ru***

✿ **Яхненко Владимир Васильевич**, старший преподаватель кафедры словесных искусств факультета искусств, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Yakhnenko V.V.

Senior Lecturer Lomonosov Moscow State University

e-mail: ***yakhnenko_1950@mail.ru***

Научное издание

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОММУНИКАЦИИ

Материалы II Международной научно-практической конференции
Том 1

ИЛ № 06150. Сер. АЮ от 21.02.02.

Подписано в печать 18.04.24.

Формат 84x108/16. Усл. печ. л. 20,7. Заказ № 338. Электронное издание

Подготовлено в Изд-ве Приднестр. ун-та. 3300, г. Тирасполь, ул. Мира, 18.

Опубликовано на образовательном портале moodle.spsu.ru